

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
♦
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК
♦
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
♦

№ 2

МОСКВА – КАЗАНЬ 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А. - М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: от имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2

МОСКВА – КАЗАНЬ 2010

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by: Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajtaxmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg),
L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: on behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2

MOSCOW – KAZAN 2010

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ОБ ОДНОЙ ПОПРАВКЕ В ТЕКСТЕ РУНИЧЕСКОЙ
НАДПИСИ С АЛТЫН-КЁЛЯ, ХАКАСИЯ (Е-29)

И.В.Кормушин, Москва

Ключевые слова: древнетюркские рунические надписи, енисейские памятники, надпись Е-29, лингвистическая интерпретация.

Среди енисейских древнетюркских рунических надписей постоянный, можно сказать, неослабевающий интерес специалистов вызывают два оригинальных памятника из местности вблизи озера Алтын-Кёль, почти в центре приабаканской долины, километров в 15 южнее с.Бельтыры. Надписи Алтын-Кёль I и Алтын-Кёль II получили кодификационные номера Е-28 и Е-29. Памятники очень похожи друг на друга и внешне – по материалу, форме, расположению строк на гранях, – и по содержанию. Каждый представляет собой плиту из лилового (вишнево-коричневого) мелкозернистого песчаника, одинаковой формы – вытянутый прямоугольник с овальным закруглением верхнего края, тыльная сторона также закруглена с боков к середине. Размеры плит тоже приблизительно одинаковы: Е-29 – высотой 158 см (без вкопанной части), шириной 57 см (у основания), с сужением до 37 см вверх; толщина плиты – 17-18 см без учета небольшой выпуклости в середине тыльной стороны. Е-28 несколько меньше по высоте и ширине, но толще. Строки лицевой стороны нанесены необычным образом: только вдоль края, оставляя центральную часть грани незанятой, причем внешние, те, что на самом краю (1-я и 2-я), начинаются внизу слева и справа и идут вверх, встречаясь друг с другом у округлого верха. Расположение внутренних строк в надписях различается.

В Е-28 единая внутренняя строка (3-я), которая, начинаясь внизу справа, описывает полный круг (вытянутый эллипс) против часовой стрелки. В Е-29 две внутренние строки (3-я и 4-я), которые, как и внешние, тоже начинаются снизу слева и справа и идут вверх, их окончания стерты. Строки боковых граней выбиты одна над другой, но окончания некоторых строк заходят на вершину. Все строки – и на лицевой, и на боковых сторонах отделены друг от друга сплошной линией-желобком. Как форма камня, так и характер расположения строк на нем ни в одном енисейском памятнике больше не повторяются.

Алтын-кельские памятники были обнаружены в 1878 г. крестьянами бывшей деревни Юдиной в поле, по-видимому, при вспашке или бороновании. Как показывают порезы на правой боковой стороне Е-29. Эти порезы – 7 ровных коротких линий, на равном расстоянии в 13–14 см друг от друга, перечеркивающих наискось либо начала, либо концы, в двух случаях – целиком всю букву той строки, которая ближе к тыльной стороне памятника (и которая интересует нас в данной статье). Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что памятник Е-29 лежал в грунте на боку, “порезанной” боковой стороной вверх, до тех пор, пока на него не натолкнулись ножи сельскохозяйственного орудия. Неизвестно когда – в далеком прошлом, при обрушении, или после находки. В наше время, но плита Е-29 была расколота на две части внизу, на уровне 4-го – 5-го знаков от начала строк. Откололась неширокая (до 10 см) и неглубокая полоса лицевой стороны, утраченными оказались от одного до нескольких знаков каждой из 4-х строк. Но на боковых сторонах потерь в знаках нет, осталась лишь трещина. Небольшая величина откола позволила в стационарных условиях Минусинского музея, где хранятся обе Алтын-кельские стелы, склеить обе части Е-29 и представить его в экспозиции.

Указанные повреждения памятника Алтын-Кель II мало отразились на возможностях чтения надписи Е-29 в местах порезов и раскола, а вот стертость, сглаженность букв лицевой стороны под влиянием выветривания имеет гораздо более негативные последствия. Боковые стороны Е-29 и все стороны Е-28 не имеют повреждений или значительной сглаженности письменных знаков. Таким образом, мы можем констатировать, что для документов приблизительно тысячелетней давности надписи Е-28 и Е-29 сохранились очень хорошо. Чего не скажешь о лингвистическом их прочтении и филологическом толковании.

Алтынкельские надписи неоднократно фиксировались – в атласах И.Р.Аспелина (1889), В.В.Радлова (1895), Д.Д.Васильева (1983), и издавались, начиная с первой публикации В.В.Радлова (1895), а далее Х.Н.Оркуном (1941), С.Е.Маловым (1952), О.В.Субраковой и И.А.Батмановым (1970), С.Г.Кляшторным (1976), М.Мори (1986)¹, Т.Текином (1997), И.В.Кормушиным (1997). Несколько важных поправок было предложено в обзорной статье Д.М.Насилова (1974). Сравнивая сейчас то, что мы имеем в результате коллективных усилий, с тем что было 108 лет тому назад в первом издании В.В.Радлова, мы констатируем несомненный прогресс в прочтении и понимании алтынкельских (как, впрочем, и многих других енисейских) памятников. Уже издание С.Е.Малова можно считать достаточно успешным, традиционным прочтением столь трудных текстов (конечно, это в первую очередь касается текста Е-28). Важнейшая новация к переводу С.Е.Малова принадлежит С.Г.Кляшторному, прочитавшему: *altun suŋa jiš kǎjiki artyil* (Е-28₆) ‘о, дичь золотой черни Сунга, множься ...’ (Кляшторный 1976: 261), что не только вывело из тупика перевод этой строки у С.Е.Малова (*алтун суңа јаш кǎјікі ырыт ылат* ‘золотых уток и молодых газелей его разыскивай, заставляй плакать’), но и подтвердило локализацию Сонгайской черни местом установки памятника, т.е. землями современной Хакасии. Ранее этот топоним был известен из текстов надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана как относящийся к территории государства древних кыргызов (т.е. тоже к землям современной Хакасии).

¹ Данная работа, указанная в библиографии Т.Текина, осталась нам недоступной.

И все же некоторые другие предложения С.Г.Кляшторного, натолкнувшиеся на трудности собственно лингвистической интерпретации имеющегося материала, показали необходимость дополнительного обследования самих оригиналов надписей. Этого же требовало состояние изученности и других енисейских памятников, как об этом говорили и писали многие специалисты (Щербак 1970; Насилов 1974 и др.).

В книге автора этих строк памятники с Алтын-Кёля (как и другие рассмотренные там енисейские памятники) были подвергнуты тщательной ревизии прежде всего с точки зрения палеографической. На основании уточненного состава знаков в тексты обеих надписей было внесено немалое число исправлений, позволивших – опираясь на предшествующие издания, главным образом, С.Е.Малова, учитывая поправки Д.М.Насилова и С.Г.Кляшторного, сверяясь с материалами И.Р.Аспелина, И.А.Батманова и Д.Д.Васильева, и вместе с тем полемизируя со всеми своими предшественниками, – предложить целый ряд новых чтений и толкований, а также отдельные интерпретации общего плана (Кормушин 1997: 63–90)².

В частности, удалось уточнить плохо видимую (заглаженную) часть лицевой стороны Е-29. В текст ее, как оказалось, В.В.Радловым внесены неоправданные конъектуры, тогда как ФАтлас был точнее. Наибольшая правка пришла на 3-ю и 4-ю внутренние строки, в которых открылось имя бога Зервана и фраза приняла подобие манихейской сентенции: (3) *ärdäm bolsar munïy ärmäz munïy ärsäm Äzru[a] alqanïp ärdämig batur män* (4) *ärdämliġ bolsar bodun isrik jörümädi ärinčim ikizim-ä* ‘Тот, кто обладает доблестью, не собьется (с истинного пути)! Если же я сойду (с истинного пути), то помолившись Зервану, я (вновь) обрету доблесть. Народ, обладавший доблестью, пьяным не слонялся. О, мой (брат)-близнец!’ (Кормушин 1997, 72).

У С.Е.Малова в этом месте получился такой текст и составил такой перевод: (1)³ *Ärdäm bolsar budunug ärk budunug är atım Ärän Улуг ärdämig (ärdämliġ?) батур män* (2) *Äр ärdäm älim bolsar, budun isrik jörümädi ärinčim ikizimä* ‘Народ, у которого есть доблесть, сильный народ. Мое геройское имя Эрен Улуг. Я герой с доблестями. Так как мое государство обладало геройской доблестью, то народ возбужденным (или мятушимся) не ходил ... (к двоим?).’ (Малов 1952, 56). Разница в тексте получилась за счет того, что в свое время В.В.Радлов заменил ясное на памятнике *mun(y)g* (которое без сомнения давал ФАтлас) на подходившее, по его мнению, по смыслу *budunug*. Между тем, этого делать никак не следовало, так как в обоих случаях винит. пад. *-ug* в слове *budunug* никак грамматически не мотивирован. Далее В.В.Радлов, в связи с принятым словом *народ* по-иному интерпретировал всего несколько букв, которые и в ФАтласе давались как неуверенно идентифицируемые (пунктиром), причем некоторые буквы “добавил”, их там, по расчетам ФАтласа и моим собственным,

² Одновременно с нашей книгой вышла статья Т.Текина “Первая алтынкельская надпись” (Tekin 1997), которая не смогла учесть предложенных нами поправок. Однако и в своей последней книге “Грамматика орхонско-тюркского языка”, приводя в приложении в качестве иллюстраций многие орхонские и енисейские надписи (только тексты, без переводов и комментариев), Т.Текин дает тексты Е-28 и Е-29 в своих прежних чтениях (Tekin 2000: 233–234).

³ Рассматриваемый отрывок у В.В.Радлова и С.Е.Малова принят как начало надписи, строки 1 и 2.

не должно быть. Например, во 2-й строке (по Радлову–Малову) добавлено в месте раскола второе *r* и после *l* едва видимое *z* считано как *m*. Для получившегося *är ärdäm älm bölsar*, предложенный перевод “так как мое государство обладало героической доблестью. ...” является синтаксической натяжкой, по-тюркски должно было быть в ином порядке: **älm är ärdäm bölsar*.

Другой пример. В конце первой строки в хорошо читаемой группе знаков *ärdäm bölsar män* слово *bölsar* В.В.Радлов и С.Е.Малов, судя по их переводам, интерпретировали как существительное “герой”. Но тогда это монголизм, причем довольно поздний, если принять во внимание закончившееся стяжение (= *börsar), что очень сомнительно для столь раннего времени – IX–X вв. Грамматически существительное *bölsar* требует перед собой прилагательного, почему С.Е.Малов пытался подправить *ärdäm bölsar* на *ärdäm bölsar* со знаком вопроса. Однако для такой конъектуры нет никаких оснований.

В противовес именной трактовке *bölsar män* справедливо увидел в этом слове глагольную форму С.Г.Кляшторный. По-видимому, его смущал винит. пад. *-ig* в *ärdämig* перед непереходным глаголом, поэтому он прочитал здесь *bölsarmig*. Однако последняя буква в этой строке не *s* : *l*, а совершенно точно *n* : *N*. Что касается глагольного управления, то прямой объект при глаголах движения в принципе возможен, в этом случае он означает “полноту охвата объекта действием” (см. подробнее: Кормушин 1997: 72–73).

Довольно важным в предложенных поправках явилось подтверждение причастного статуса формы на *-sar* с адъективными функциями. Теперь очевидно, что причастие на *-sar* является отличительной особенностью морфологии алтынкельских текстов, отражающей, скорее всего, черты живого языка “алтынкельцев”, поскольку Е-28 и Е-29 дали 5 подобных употреблений, в то время как в других рунических текстах аналогичных примеров нет. Уже в переводах В.В.Радлова (одном из двух пониманий этой формы, допускаявшихся им на первых порах) и С.Е.Малова (принятом им втором толковании В.В.Радлова) содержались необходимые предпосылки для правильного восприятия этой формы.

Выражение *atsar alp ärtiñiz* (28₂) они переводили: “Вы были героем-стрелком”, – что фактически означает “стреляющим героем”. Однако грамматическую квалификацию формы на *-sar* как причастия в определительной функции дал А.Н.Кононов: «причастие на *-sar*, *-sär*, (<*-sa*, *-sä* + *-r*), обозначающее возможность, долженствование, а также причинные, временные и условные связи, используется в следующих функциях. 1. Определение (только в енисейских памятниках)...» (Кононов 1980: 128). А.Н.Кононов опирался на три примера: два из Е-28 и один (с прежним чтением *boduniñ* вместо *muniñ*) из Е-29; в каждый из них он посчитал необходимым вложить модальность долженствования. Между тем, во всех трех случаях повествуется о качествах меморианта (Е-28, один раз в Е-29) или народа (дважды в Е-29). Следовательно речь идет, не о том, каким должен быть или должен был быть носитель этих качеств, а каким он реально был. Приведем эти примеры в безмодальной трактовке:

atsar alp ärtiñiz (Е-28₂) ‘вы были разящим стрелком [на охоте]’;

atsar küc ärtiñiz (Е-28₂) ‘вы были сильным (богатырем), побеждающим [в единоборстве]’;

ärdäm bolsar munī armāz (E-29₃) ‘тот, кто обладает (обладающий) доблестью, не собьется [с истинного пути]’;

ärdämliḡ bolsar bodun (E-29₄) ‘народ, обладавший доблестью’;

är ärdäm bolsar andayärmiš (E-29₇) ‘обладавший доблестью мужа-воина, таким вот (я) был’.

Из этих примеров совершенно очевидно не модальное, а вневременное значение причастия на *-sar*; основной глагол, в данном случае связка – *ärmiš* или *ärmāz*, относят проявление качеств в план прошлого или настоящего, но само обладание называемыми качествами или их проявление мыслится как постоянное, не зависящее от времени.

Укрепление грамматического статуса причастия на *-sar* помогает избавиться от одного из фантомов, рожденных ранним чтением В.В.Радлова, вскоре отказавшегося от него: понимать *bolsar bodun* как этническое наименование “народ Болсар/Большар”. Однако этот тезис впоследствии охотно развивали некоторые крупные историки – С.В.Киселев, Л.А.Евтюхова, А.Н.Бернштам, а недавно к нему вернулся С.Г.Кляшторный. С.Е.Малов прямо и довольно нелицеприятно критиковал это надуманное положение (Малов 1952: 56, примеч.1); с дополнительной аргументацией и опираясь на новое чтение – у нас (Кормушин 1997: 73).

Несмотря на очевидный, как хочется думать, прогресс в изучении алтынкельских памятников, там все еще остаются непонятные выражения и фразы не только из числа плохо прочитываемых, но и из числа вполне читабельных мест. К последним относится внутренняя строка лицевой стороны памятника E-28, дискутировавшаяся многократно, но все еще без решающего успеха (см.: Насилов 1974: 209–210; Кляшторный 1976: 261–263; Кормушин 1997: 76–77, 84–86; Tekin 1997: 217–222).

Примером малопонятной фразы по причине стертости всего нескольких знаков является упоминавшаяся выше строка на правой боковой грани E-29 (строка с “порезами”): *(ä)r (ä)rd(ä)m bols(ar) : (a)nd(a)γ (ä)rm(i)s : (ä)sin m(ä)n : (a)ltun q(a)p(ar)[...]t(i)m* (E-29₇) ‘обладавший доблестью мужа-воина, таким вот (я) был, невредимым. ...’. Предметом многих догадок является последняя часть строки начиная со слова *altun* и состоящая из 10 ясно читаемых знаков и 4–5 почти изглаженных (многоточие в квадратных скобках). ФАтлас дал здесь пунктиром (неуверенно) знаки, которым следовали В.В.Радлов и С.Е.Малов. В издании С.Е.Малова было дано: *(a)ltun q(a)p(ar)[qa k(i)r]t(i)m*. В переводе к этому предложению было присоединено окончание, по нашему мнению, предыдущей фразы, но и при этом полной ясности не было, как показывают варианты перевода, приводимые в скобках: “Я, Эсин, (или благополучно) ходил для добычи золота (или в Алтун Капар)”. Слово *k(i)rt(i)m* нехорошо орфографически без *i* и семантически для “ходить”. Впрочем, как удалось рассмотреть, третья от конца буква не *r*, а – *l*; перед ней, действительно, *k*. Таким образом, все-таки: *k(ä)lt(i)m* “я ходил”: мемориант говорит о своих походах, экспедициях. Но вот куда или за чем, за золотом и еще чем-то или в местность, называемую золотой, ходил герой надписи E-29?

В своей публикации 1997 г., не решив проблемы двух-трех практически стертых знаков, я остановился на варианте: *(a)ltun q(a)p(ar)[ta] k(ä)lt(i)m* ‘из (?) Золотой Капар ... я пришел’. Такое прочтение меня никогда не устраивало, и каждый раз, приезжая в Минусинск, я подолгу рассматривал это место, всегда

подсвечивая его с разных углов. Дважды, в 2000 г. и раньше у меня выходило: (в рунике) ḤN или ḤWN, т.е. *(ü)ḥ(i)n* или *(ü)ḥiñ*. Значит, *зачем! Золото* – это понятно, но что такое *кафар*? Я считал эту версию малоперспективной из-за невозможности придать какое-то значение данному слову, пока в голову не пришла мысль: [p] может быть субститутом [f]. Характерно, что ДТС в качестве основной статьи дает kafur, а в качестве отсылочной: karig см. kafur. Заднее q в руническом написании могло указывать на продвинувшуюся адаптацию слова. Однако самое главное: kafur ‘камфара’ – арабизм. Могло ли иметь место арабское заимствование в столь раннее время? Была ли камфара материалом столь же ценным, что и золото? Вопросов и сомнений много, но надежда на их решение остается.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983.
- Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. – Л., 1976. – С.258–267.
- Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. тексты и исследования. – М., 1997.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.; Л., 1952.
- Насилов Д.М.* Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Памятники письменности Востока. 1971. – М., 1974. – С.204–214, 554.
- Субракова О.В., Батманов И.А.* Древние письмена Хакасии. Вып.1. – Абакан, 1970.
- Тарасенко Р.Ф.* К прочтению надписей на памятнике Алтын-Кель I (E-28) // Н.А.Баскакову – 90 лет. – М., 1996. – С.217–221.
- Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. – М., 1970. – С.111–134.
- Inscriptions de l'énisséï.* Recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie / Helsingfors. 1889 (ФАтлас).
- Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. (Istanbul. I–IV. 1936–1941). – Ankara, 1987.
- Radloff W.* Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1–3. – St.Petersburg. 1894–1895.
- Tekin T.* The first *Altunköl* inscription // *Turkic Languages*. 1997. I. – P.21–226.

KEY WORDS: ancient Turkic runic inscriptions, Yeniseian monuments, inscription E-29, linguistic interpretation.

SUMMARY. The article deals with reading and deciphering of two Yeniseian ancient Turkic runic inscriptions located near lake Altyn-Köl which are known under their codification names E-28 and E-29. After thorough research of the texts of these inscriptions, first of all from paleographic point of view, taking into consideration remarks of some scholars, and specifying reading of some signs a whole number of new readings and interpretations were suggested.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КАРЛУКСКО-УЙГУРСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ***Д.М.Насилов, Москва*

Ключевые слова: групповые признаки, карлукско-уйгурская группа, межъязыковые контакты, полилингвизм, монолингвизм.

В ходе исторического разветвления ряда праязыковых диалектных групп сформировались современные тюркские языки, сохраняющие, однако, общие групповые признаки. Это ставит, в свою очередь, вопрос о хронологизации затуханий общегрупповых особенностей и возникновении новых, характеризующих отдельные тюркские языки.

Решение этих проблем тюркской исторической грамматики затрудняется тем, что в ней остаются слабо разработанными многие частные вопросы исторического развития фонетической и грамматической систем тюркских языков и диалектов. Между тем, накопленные материалы по живым языкам и из письменных памятников, а также осуществленные в последние десятилетия сравнительно-исторические исследования создали основу для обращения к вопросам регионально-групповых реконструкций [СИГТЯ 2002; 2006].

Применительно к языкам и диалектам карлукско-уйгурской группы, в которую ныне включаются два языка – уйгурский и узбекский, необходимо отметить следующее. Оба языка исторически имеют общую этническую базу, которая связана с судьбой карлукско-уйгурских тюркских племен, консолидировавшихся в границах Западного тюркского каганата и позднее – Уйгурских княжеств и Караханидского государства в Восточном Туркестане, Семиречье и Мавераннахре. Литературные формы узбекского и уйгурского языков продолжают традиции средневековых литературных языков, обслуживающих Караханидское государство и его политических преемников – государства Тимуридов, Шейбанидов, Хорезмских правителей, но обогащенных чертами локальных вариантов письменных языков. Исторические корни этих литературных языков восходят к литературным языкам Восточного и Западного тюркских каганатов

Языки карлукской группы характеризуются разветвленным диалектным строением, что связано в значительной мере со сложными этнолингвистическими процессами при формировании уйгурского и узбекского этносов и интенсивными и длительными межъязыковыми контактами с окружавшими их народами, говорящими на близкородственных тюркских языках или на языках иных систем (иранских, монгольском, китайском, тибетском).

Большое количество синхронных фактов свидетельствует о существенных различиях между так называемыми городскими и сельскими (кишлачными) говорами, а также между речью “двуязычных” и “одноречных” носителей карлукских языков. Такие различия издавна бросались в глаза авторам, описывающим жизнь, быт и культуру тюркских племен. Активное взаимодействие уйгурских и карлукских племен прежде всего с ираноязычными народами началось со

времени проникновения тюрков на территорию Восточного Туркестана (будем использовать этот старый традиционный географический термин. – Д.Н.) и Средней Азии и продолжается до настоящего времени; здесь также практически до XX в. шла параллельная жизнь оседлого (оазисного и городского) и кочевого тюркского населения. Деятельность культурных центров – монастырей и культурную жизнь вокруг них, включая ставки тюркских правителей, отмечал в своих путевых заметках путешественник Сюань-цзан (VII в.), характеризуя при этом и быт кочевников. На противопоставление “города” и “села” обращал внимание также Махмуд Кашгари, разделяя тюркские диалекты на “чистые” и “смешанные”, причем, с его точки зрения, “правильной или чистой является речь людей, говорящих только на тюркском языке и не смешавшихся с иранцами”, а “нечистая” речь у городских билингов. Позже об этом писал Алишер Навои: “Все тюрки ... понимают сартский язык”, а иранцы почти не владеют тюркским языком. Таким образом, о полилингвизме жителей городов и оазисов, уходящем в глубь веков, имеются достоверные исторические сведения. В то же время языки монолингвов тюрков-кочевников отличались известной гомогенностью, продолжая сохранять особенности племенных наречий и говоров. Из изложенной социолингвистической ситуации, устойчивой в течение ряда веков, следует сделать вывод о том, что сдвиги, например, в фонетических системах монолингвов и полилингвов происходили разными темпами, а вокализм находившихся под ираноязычным влиянием развивался в сторону разрушения сингармонизма, что отчетливо наблюдается в современных говорах, например, в узбекских самаркандско-бухарского типа и в ферганских уйгурских говорах.

Описанная языковая ситуация, с другой стороны, подсказывает, что в результате постоянных перемещений тюркских кочевых племен, а также большой динамики участвующих в частых военных походах масс населения происходили интенсивные межплеменные контакты и, следовательно, междиалектное взаимодействие, которое вело к появлению общетюркского койне, влиявшего на племенные диалекты. Последние, однако, в силу устойчивости этнокультурных традиций, действующих веками в рамках отдельного рода, племени, продолжали сохранять свои основные системные признаки. Эти две противоречивые тенденции действуют на протяжении всей истории тюркских языков и проявляются в наши дни.

Имея в принципе единую этнокультурную среду своего формирования, современные уйгурский и узбекский языки приобрели в ходе исторического развития особенности – прежде всего в фонетике – не только выделяющие их среди других тюркских языков, но и отличающие их один от другого. Среди этих особенностей обращают на себя внимание нарушение законов сингармонизма, изменения в составе гласных фонем, сильная редукция широких гласных, влияние узких гласных на предшествующие широкие гласные (явление умлаута), неустойчивость сонорных согласных и некоторые другие, особенно заметные при сопоставлении литературной формы языков с их многочисленными диалектами.

В современных уйгурских диалектах и узбекских говорах карлукского наречия, а также в письменных памятниках этих языков нет очевидных доказательств сохранения в карлукских языках первичных долгих гласных, хотя некоторые моменты в орфографии ряда тюркских примеров у Махмуда Кашгари позволяют говорить об остаточных явлениях оппозиции гласных по долготе.

В узбекском языке рефлексы первичных долгих сохраняются в двух говорах – карабулакском и иканском. В карабулакском говоре из долгих гласных представлены *a*; *o*; *i* – кбул. *a:d* ‘имя’ – *at* ‘лошадь’ ~ лит. *ot*, кбул. *o:d* ‘огонь’ – *ot* ‘трава’ ~ лит. *yt*, кбул. *a:ǰ* ‘голодный’ – *aǰ* ‘открой’ ~ лит. *oǰ*, кбул. *qu:z*

‘дочь’; в иканском говоре среди его 18 гласных фонем есть 9 соотносенных с краткими долгими фонем: *a; e; e; y; i; u; ü; o; ö* – икан. *ba:r* ‘имеется’ – *bar* ‘иди’ ~ лит. *bor*, икан. *tü:s* ‘сон’ – *tüš ~ tuš* ‘сходи’.

Интересно замечание Г.Садвакасова: “В уйгурском языке широкие гласные *a, ə*, восходящие к соответствующим древнетюркским долгим гласным *a; ə;*, в отличие от исторически недолгих, обычно не поддаются закону обратного влияния узких гласных и не переходят в *e*: *γaz < γa:z* ‘гусь’ – *γa:zi* (а не *γezi*) ‘его гусь’, *qar < qa:r* ‘снег’ – *qa:ri* ‘его снег’, *bæš < be:š* ‘пять’ – *bæ:ši* (а не *beši*) ‘пятеро’ и т.д.” [Садвакасов 1972: 7]. К сожалению, степень последовательности указанной закономерности и ее проявление в отдельных говорах уйгурского языка пока детально не описаны.

Все уйгурские говоры и сингармонистические узбекские говоры карлукского наречия в целом сохраняют историческую систему вокализма периода распада общетюркского состояния с ее оппозициями гласных по рядности и огубленности; в этом отношении карлукский вокализм показывает достаточную устойчивость.

Таким образом, общекарлукская система гласных была унаследована от периода распада тюркского праязыка и продолжала развиваться в направлении реализации фонетических закономерностей, свойственных тюркской стандартной системе вокализма.

В то же время карлукский вокализм обладает значительными новациями, общая направленность которых характеризуется разрушением ряда типичных сингармонистических оппозиций, выразившихся в конвергенции гласных верхнего и средне-верхнего подъема: *y – i, u – ü, o – ö* и возникновении в результате этого индифферентных фонем смешанного ряда – *i, u, ü*. Сдвиги в фонетических системах двух языков сопровождался появлением в них дополнительных особенностей: для уйгурского языка стало характерно сужение предшествующих гласных под влиянием последующих узких (явление умлаута), а для узбекского – возникновение в ряду широких двух распределенных фонем заднего ряда *a – ɑ*.

Совершенно ясно, что эти особенности возникли в результате действия внутренних и внешних фонетических факторов. Иначе говоря, есть прямые доказательства того, что все указанные изменения в карлукских языках происходили прежде всего в речи оседлых тюрков-карлуков (жителей оазисов и городов) в связи, надо думать, с расширяющимся их тюркско-иранским двуязычием. Поэтому именно оттуда шла иррадиация новаций, коснувшихся и речи карлуков-кочевников. Ныне это вылилось в противопоставленность городских и сельских карлукских говоров (или говоров билингвов и монолингвов).

Если сопоставить между собой совокупные парадигмы времен индикатива в современном уйгурском и узбекском языках, то обращает на себя внимание их заметное совпадение по основным параметрам – формальным и семантическим. Причем нельзя сказать, что литературные и диалектные формы принципиально отличаются друг от друга, в последних мы часто наблюдаем большую вариативность первых.

Все языки и диалекты карлукско-уйгурской группы унаследовали от позднетюркского языкового состояния претерит на **-dy*, презенсы на **-a* и **-r*, перфекты на **-yb* и **-γan*. Все эти формы, в свою очередь, сформировали относительные времена, в которых происходило смещение точки темпоральной ориентации, семантически оправданное необходимостью уточнять таксисные отношения событий. Когда сравниваешь темпоральную систему, которая отражена в письменных памятниках, связанных с регионом исторического расселения

карлуко-чигиле-уйгуров, то обращает на себя внимание доминанция в системе перфекта на *-miş*. Эта форма активно представлена в так называемых памятниках древнеуйгурского языка (манихейского, буддийского и христианского содержания, найденных в Восточном Туркестане), в уйгурских юридических документах, в языке "Кутадгу билиг", в примерах у Махмуда Кашгари.

Между тем в современных карлуко-уйгурских языках и диалектах доминирует форма перфекта на *-уап*, а форма на *-miş* в темпоральной парадигме вообще отсутствует. Таким образом, наблюдается смена форм, семантически эквивалентных. Глагольное имя на *-уап* является одним из древнейших образований, что доказывается её широким распространением с большой функциональной нагрузкой в современных языках – кыпчакских, карлуцких и северо-восточных, а также наличием вкраплений её производных в разных текстах на протяжении все письменной истории тюркских языков и в современных языках разных групп. Уже первые фиксации в памятниках случаев предикативного употребления *-уап* (например, у Махмуда Кашгари) показывают семантическое наполнение этой формы, аналогичное форме на *-miş*, поэтому она при втягивании во временную парадигму прошла, видимо, тот же путь развития, что и форма на *-miş* (речь идет о развитии значений предшествования, результативности, пересказывательности).

Переломным для интенсивного развития функций формы на *-уап* в языках именно карлуко-уйгурского типа явился период смены языковой ситуации в Восточном Туркестане и в Средней Азии, произошедший в результате монгольского нашествия (начиная с сер. XIII в.), которое вызвало интенсивные межплеменные контакты и смешение племен и, следовательно, междиалектную интерференцию, а также формирование в силу последних обстоятельств койне на данной территории, что, естественно, привело к проникновению распространенных в устной речи форм в разные стили литературных языков, т.е. наметилось расшатывание старой литературной нормы, восходящей еще к самым ранним тюркским письменным памятникам.

Иначе говоря, исходной границей существенных преобразований в строе уйгуро-карлуцких языков являются, вероятно, XIV–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Садвакасов Г.С. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1972.

СИГТЯ 2002; 2006 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*/Отв. ред. Э.Р.Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.; *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / Отв. ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

KEY WORDS: group attributes, Karluk-Uigur group, interlingual contacts, polylinguism, monolinguisism.

SUMMARY. Languages of Karluk-Uigur group which include two languages – the Uigur language and the Uzbek language, historically have common ethnic base which is connected with the history of Karluk-Uigur Turkic tribes located on the territory of Western Turkic Kaganate and later – Uigur Principality and Karahanid State in Eastern Turkstan, Semirechye, Maveranahr. The article deals with the state of late Pre-Turkic language heritage.

ЗАМЕТКИ К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ МЕТАЛЛОВ В
АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Э.У.Омакаева, Элиста;
А.А. Бурькин, Санкт-Петербург

Ключевые слова: алтайские языки, архетип, заимствование, культурные термины, общеалтайские праформы, реконструкция, языковые связи.

Названия металлов в алтайских языках привлекали к себе внимание как сторонников, так и противников идеи и теории генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков. Специфика материала, а именно, связь реалий и относящейся к ним лексики с материальной культурой перечисленных выше народов, даёт возможность вскрыть с помощью изучения истории лексики этой группы элементы архаической картины мира, перспективы внимательно разобраться в ареальных связях алтайских языков позволяют выделить во взгляде на предмет три группы взглядов на сам материал – названия металлов – и на те лингвистические идеи, которые доминируют при описании этого материала: 1) Названия металлов представляют собой ценный материал для обоснования идеи древнего родства алтайских языков, несмотря на то, что часть их оказывается межгрупповыми заимствованиями (В.И.Цинциус, Т.Г.Бугаева); 2) Названия металлов по большей части не являются алтайскими, но вскрывают древние языковые связи алтайской общности с языками других групп и внутриалтайские ареальные связи (Г.Рамстедт, Н.Н.Поппе, К.Г.Менгес); 3) Названия металлов относятся к культурной лексике и в силу этого, будучи сходно звучащими в алтайских языках, представляют собой заимствования, вкуче с аналогичным материалом явно свидетельствующие против «алтайской гипотезы» (А.М.Щербак, Г.Дерфер).

Названия металлов в алтайских языках были предметом тщательного рассмотрения в специальной работе В.И.Цинциус и Т.Г.Бугаевой, в которой в отношении каждой из рассматриваемой в ней лексических единиц дан обзор мнений по поводу внутренних и внешних сравнений той или иной лексемы и делается попытка обсудить известные этимологии названий металлов или найти собственное авторское решение для неясных этимологий.

1. Названия золота п.-мо.. *altan*, калм. *алти*, при сравнении его с формой *altun*, представленной в тюркских языках, выглядят как несомненные заимствования, причем заимствования из того континуума тюркских языков, где имело место изменение гласных первого слога, в частности, делябилизация гласного *и* в слоге после первого слога с неллабиализованным гласным. Сходство

интервокальной группы гласных *It* для этого слова в этих языках, занимающих, по А.А.Бурыкину, полярное положение в историко-типологической классификации алтайских языков, указывает на несомненное заимствование его из тюркских языков в монгольские. Направление заимствования аргументируется также относительным единообразием форм этого слова в монгольских языках при дисперсном характере этих форм в тюркских языках, соотносящемся с законами истории вокализма тюркских языков. Маньчжурское название золота *айсин* и «чжурчженское» *аичун*, вероятно, заимствованы из каких-то иных групп тюркских языков, не сохранившихся до нашего времени и не оставивших следов в письменных памятниках. Данное мнение может получить обоснование при тщательном исследовании тюркских языковых остатков в южно-тунгусских языках и в маньчжурском языке, если в этом материале будут обнаружены другие тюркизмы с аналогичными фонетическими свойствами.

2. Названия серебра п.-мо. *mōnggūn*, калм. *монгн* и эвенк. *мэнэн* по соображениям исторической фонетики едва ли могут быть сведены к одной праформе. Ключом к тунгусо-маньчжурским формам с гласным *э* на месте монгольского переднерядного *о* служит дагурская форма *мэнгу* 'серебро': очевидно, название серебра проникло к тунгусо-маньчжурским народам через посредство дагурского языка.

3. Названия меди п.-мо. *zes, zis, zed*, калм. *зес* соотносятся с тюркском названием меди *jez*, и, вероятно, представляют собой заимствования из тюркских языков. Проблема заключается в том, какой архетип могло иметь тюркское название этого металла. Колебания *z ~ d* в ауслауте не позволяют однозначно сделать заключение о том, что в конце этого слова был согласный *z*, и заставляют думать о том, что в этой позиции мог находиться интердентальный *d*. Наиболее распространенное тунгусо-маньчжурское название меди – эвенк. и др. *чи:риктэ*, вероятно, заимствовано из таких тюркских языков, в которых инициальный (гетерогенный для общетюркского состояния) *j изменился в *ч* – такие тюркские языки также не имеют никакой письменной документации и отсутствуют в современном состоянии. Важно, что в тунгусском *чи:риктэ* 'медь' суффиксальным элементом является часть *-риктэ*, а не просто *-ктэ*. Маньчжурское название меди *сирин*, *наверняка* не связанное с *чи:риктэ* на тунгусо-маньчжурской почве, но могущее иметь общий с этим словом внешний источник, едва ли показывает «ротацизм» – вполне возможно, что *-ри-*н здесь является имяобразующим суффиксом.

Эвенк. *го:ли* 'медь', как и п.-мо. *gaulin* 'желтая медь, латунь', очевидно, связаны с корейским *кури* 'медь'. Как это ни будет выглядеть странным, но в этом слове может крыться разгадка неясности появления азерб. *галай*, алт., тат. и др. *калай* 'олово', калм. *хала* 'жесть', поскольку наименования бронзы и латуни могут восходить к одному из компонентов этих сплавов, а название жести – к металлу, покрывающему железную основу.

Эвенк. *чучин* 'медь', оставленное тунгусо-маньчжуроведами без параллелей, явно связано с тюркским *čodīn*, которое вполне может быть гомогенным со словом *jez*. Интердентальный *č* отражается как *-ч-* в целом и весьма объемном ряде тюркизмов, зафиксированных в маньчжурском и «чжурчженском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср.: ма. *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и т.п.).

Эвен. *segin* 'желтая медь', также оставленное вне этимологических исследований, как ни парадоксально, может восходить к архетипу *jez. Начальное *с-* в тунгусо-маньчжурских языках иногда исторически соотносится с сибиллянтами (ср. неясное этимологически эвенк. *элки* 'рысь' и п.-мо. *silegüsin* 'рысь': эвенкийское слово заимствовано из монгольского языка типа бурятского, где инициальное *с-* изменилось до заднеязычного или фарингального. Инлаутное *с-*, по всей видимости, представляет собой случай изменения согласных *лс* в заднеязычные или фарингальные типа *тх*, которые представлены в виде закономерных чередований типа *бае* 'голова' – *баһа* 'его голова' в якутском языке.

4. Названия для олова или свинца п.-мо. *korgalzin*, калм. *xophaɣɣen* 'свинец', несомненно, заимствованы из монгольских языков в тунгусо-маньчжурские языки – ср.: эвенк. и др. *коргалзун* 'олово'. Тюркские параллели для этих слов дают интереснейший и остававшийся до сих пор непонятным разброс форм, не укладывающийся в сетку межтюркских фонетических соответствий – от шорск. *қорғачын*, алтайск. *коргајын*, башк., тат. *курғай*, тур. *kurşun*, *koşun*. Изменение групп согласных, первым компонентом которых является плавный, а вторым – шумный, результатом чего является полная утрата первого компонента сочетаний, характерно для тюркских языков в отношении к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, где такие группы согласных сохраняются на синхронном срезе групповых реконструкций и подвергаются изменениям только в отдельных языках, уклоняющихся от архаических состояний. Складывается впечатление, что в тюркских языках, где имеются эти слова, сохраняются такие формы названия олова и свинца, которые отходят от архаического монгольского облика этого слова, но еще не соответствуют эталонному тюркскому (за исключением турецкого *koşun*, которое в сравнении с п.-мо. *korgalzin* давало бы все основания реконструировать это название как общеалтайское).

5. Монгольское название олова п.-мо. *tugulgan*, в соотношении с др.-тюрк. *tuç*, тур. *tuç* 'бронза', и т.-ма. *туза* 'олово' может восходить к такому тюркскому языку, в котором имело место переход инлаутных согласных *с > s > h ~ g*. Отмечаем, что эвенк. *тарчи* 'олово', и другие формы с преконсонантным *-р-* определенно не дают оснований считать их наиболее архаичными формами альтернативного названия олова, они должны быть признаны отражениями того же корня, возможно, заимствованного из тюркских языков, но данное слово попало в тунгусо-маньчжурские языки вполне определенно из дагурского языка, в силу чего оно и показывает характерный дагурский ротацизм, т.е. эпентетическое *р* перед согласным.

6. В отношении названия железа в монгольских языках – п.-мо. *temür*, калм. *тамр*, и его связи с тюркским *temir*, *temür* 'железо' можно согласиться с мнением Г.Рамштедта о заимствовании этого слова обеими группами языков из древнекитайского, поддержанным В.И.Цинциус и Т.Г.Бугаевой. Тунгусо-маньчжурское название железа – эвенк. и др. *селэ*, как нам кажется, напрямую связано с корейским *све* 'железо', архаические формы которого представлены в монгольском *seleme* 'сабля', которое вполне может и не быть тунгусо-маньчжурским заимствованием, что приходится предполагать исходя из распространенности производящей основы и данной лексемы в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

По всей видимости, при том, что названия металлов определенно являются культурными терминами, в алтайских языках они частично представляют собой

некоторые лексические единицы. Как кажется, распространение названий металлов в языках алтайской общности имеет две исходные точки, связанные с древними центрами обработки металлов и залежами руд. Один из таких центров может быть назван центральноазиатским – он дал народам и говорящим на них языкам основную массу «тюркско-монгольских» названий металлов, второй центр может быть назван дальневосточным и исторически он связан, вероятно, с обработкой металлов на Корейском полуострове. В границах тунгусо-маньчжурской языковой общности названия металлов, происходящие из двух разных центров, могли сосуществовать друг с другом и специализироваться по значению.

Наиболее архаическими названиями металлов являются названия относительно легкоплавких металлов – олова, свинца, меди, бронзы. Для тунгусо-маньчжурских языков одним из внешних источников названий металлов был дагурекский язык. В тунгусо-маньчжурских языках, отчасти в монгольских и даже в самих тюркских языках прослеживаются такие формы названий металлов, которые восходят к нечезнувшим ныне тюркским языкам, не имеющим иной документации, нежели древний субстрат или суперстрат в языках соседних народов алтайской общности. Несмотря на то, что нам по существу не удается – или почти не удается – реконструировать общеалтайские праформы названий металлов, этот материал, подобно названиям металлов в нивхском языке (ни одно из которых не является исконным) не только не противоречит реконструкции общеалтайского состояния и относительной хронологизации алтайских языков, оценивающей их дистанцию от наиболее архаических формаций, но, напротив, подтверждает данную реконструкцию.

ЛИТЕРАТУРА

Бурыкин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С.19–42.

Бурыкин А.А. О названии железа в корейском языке (к реинтерпретации некоторых корейско-алтайских фонетических соответствий) // Материалы конференции “Корейский язык, литература, культура. Взгляд из Санкт-Петербурга”. 9–10 окт. 2003 г. – СПб., 2003. – С.16–18.

Бурыкин А.А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докл. – СПб.: Кунсткамера, 2005. – С.177–185.

Цинциус В.И., Бухаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С.17–52.

KEY WORDS: Altai languages, archetype, loanword, cultural terms, all-Altai preforms, reconstruction, lingual links.

SUMMARY. The work considers etymology of Turkic lexemes which denote gold, silver, copper, tin, iron in different Altai languages. The authors suggest that spreading of metal names in Altai languages are connected with ancient centers of metal working and ore deposits. One of such centers can be called Central Asian – it gave peoples and the languages they speak majority of “Turkic-Mongol” metal names, the second center can be called Far Eastern and it is likely to be historically connected with metal working on Korean peninsula.

***

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ И ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

И.А. Невская, Новосибирск; Берлин

Ключевые слова: перфектность, семантическая классификация, условно-уступительная конструкция, уступительная конструкция, контекстные сигналы.

1. Общая характеристика способов выражения противительно-уступительных значений в тюркских языках.

Уступительно-противительные отношения наряду с причинно-следственными, целевыми, результативными и условными относятся к группе межситуационных. Уступка – это отношение, обратное причинному: уступительная ситуация, в отличие от причинной, порождает антиследствие, т.е. ситуация антиследствия (или противительная) имеет место быть вопреки ожидаемому, прогнозируемому, нормальному, причинно-следственному ходу.

1-ая ситуация	–	2-ая ситуация
Причинно-следственные отношения (1):		
причина	–	следствие
Уступительно-противительные отношения (2):		
уступка	–	антиследствие

(1) *Поскольку он не выучил урок, он ответил плохо.*

(2) *Хотя и не выучил урок, а ответил на отлично.*

Языковая репрезентация уступительно-противительных отношений может быть различной: возможно маркирование иконически первой, уступительной, ситуации специальными языковыми средствами: *хотя и знал, ничего не сказал* – уступительная конструкция, или маркирование второй ситуации: *знал, но ничего не сказал* – противительная конструкция, или обеих: *хотя и знал, но ничего не сказал* – уступительно-противительная конструкция.

Для некоторых языков релевантно различие *собственно уступительной* конструкции (в русском языке канонически маркируемой союзом *хотя*) и *уступительно-условной* (в русском представленной конструкцией со сложным союзом *даже если*). Семантическая специфика собственно уступительной конструкции состоит в том, что обе ситуации, и уступительная и противительная, мыслятся как реальные, фактические, в то время как в условно-уступительной конструкции речь идет о потенциально возможных, нефактических ситуациях. Попутно заметим, что формальное различие этих двух типов конструкций существует далеко не во всех языках. Так, только некоторые из тюркских языков образуют собственно уступительные конструкции, маркируемые преимущественно заимствованными из других языков союзами. Семантическое

же различие собственно уступительных и уступительно-условных отношений осуществляется в рамках свойственной для всех тюркских языков уступительно-условной конструкции с условной формой на *-СА* и противительной частицей *ТА* только в контексте, в качестве контекстуально обусловленных семантических вариантов этой конструкции.

Специальные маркеры уступительных отношений могут вообще отсутствовать, например, в асиндетических сложных предложениях и на межфразовом уровне. В этом случае уступка должна быть извлечена из контекста на основании контекстных сигналов или на основании личного опыта и знаний получателя информации.

Тюркские языки используют все вышеперечисленные возможности и отличаются большим разнообразием формальных средств выражения уступительно-противительных отношений. В арсенал средств выражения уступки входят инфинитные формы глагола, частицы, союзы, вводно-модальные слова, способные выполнять и функцию межфразовых скреп, и их всевозможные комбинации. Несмотря на такое разнообразие форм, задействованных для выражения уступительных отношений, среди них не так уж много специализированных уступительных инфинитных форм глагола, союзов или союзных слов. Заметную роль играют контекстные деепричастия и формы деепричастного типа, выражающие уступку спорадически, в определенных контекстных условиях. Наряду с языковыми элементами, возникшими на тюркской почве, значительное место занимают заимствованные из контактных языков противительные и уступительные союзы и союзные слова.

Несмотря на типологическую и генетическую близость тюркских языков между собой, система выражения уступительно-противительных отношений в каждом тюркском языке уникальна. Место и функции каждого из элементов этой системы определяется его взаимосвязями с другими ее элементами. В рамках данной работы мы стремимся инвентаризовать и описать наиболее значимые фрагменты этих систем. Наше описание строится в основном на данных тюркских языков Южной Сибири – шорского, алтайского, тувинского, – извлеченных как из имеющихся грамматических описаний и словарей, так и из художественной литературы и фольклора. Использовались также полевые материалы И.А.Невской, по шорскому языку и экспериментальные данные по алтайскому языку, полученные на основании типологической анкеты по уступительным конструкциям, составленной В.С.Храковским, и на основании описания поля уступительности в рамках серии монографий *Теория функциональной грамматики*, в частности в *ТФГ* 1996.¹

2. Семантические типы уступительных конструкций (УК).

2.1. Собственно уступительные и условно-уступительные УК.

Вслед за С.Я.Храковским (2004) мы выделяем следующие семантические типы уступительных отношений: собственно уступительные (*хотя он не выучил урок, он получил хорошую оценку*) и условно-уступительные (*даже если он не выучит урок, он получит хорошую оценку*). В тюркских языках, обе эти семантики выражаются формой на *-СА* в сочетании с частицей *ТА*, так что фразы, представленные в (3) могут иметь как собственно уступительное, так и условно-уступительное прочтение.

¹ Я выражаю глубокую благодарность моим дорогим коллегам Айане Николаевне Озоновой и Байлаку Ооржаку за помощь в сборе и оценке материалов по алтайскому и тувинскому языкам.

алт.

(3) а. *Акчабай акчаны албаган да болзо, уйине сыйды алып берген* «Хотя Акчабай не получил зарплату, он купил подарок для своей жены» или «Даже если Акчабай не получил зарплату, он купил подарок для своей жены».

б. *Акчабай акчаны албаза да, уйине сыйды алып берер* «Хотя Акчабай не получит зарплату, он купит подарок для своей жены» или «Даже если Акчабай не получит зарплату, он купит подарок для своей жены».

2.2. Реальные, гипотетические и контрафактивные УК.

Примеры (3а) и (3б) представляют обе ситуации – и уступительную и антиследственную, – как реальные, т.е. фактические, соответствующие реальному положению дел (первая из возможных интерпретаций), или как нефактические, но потенциально возможные (вторая из возможных интерпретаций). В отличие от них, пример (4) представляет ситуации как контрафактивные, т.е. противоречащие реальному положению дел.

алт.

(4) *Акчабай акчаны албаган да болзо, уйине сыйды алып берер эди* «Даже если бы Акчабай не получил зарплату, он бы купил подарок для своей жены».

Маркером контрафактивных конструкций является форма сослагательного наклонения сказуемого главной части и сложная условная форма предиката зависимой части.

Кроме того, у тюркских языков есть возможность представить ситуации обеих частей конструкции как гипотетические, т.е. принципиально возможные, хотя и маловероятные, см. (5).

(5) *Поезд ойинде де келер болзо, баитаткы жуунга оройтын калар эдис* «Даже если поезд (завтра) пришел бы вовремя, мы бы все равно не успевали бы на первое заседание».

В гипотетических конструкциях форма зависимого сказуемого состоит из причастия будущего времени смыслового глагола и условной формы вспомогательного глагола *пол-*, в противоположность контрафактическим конструкциям, где смысловой глагол имеет форму причастия прошедшего времени. Эти два вида конструкций, проиллюстрированных примерами (4) и (5), мы объединяем под категорией ирреальных.

Русский язык не различает между контрафактическими и гипотетическими конструкциями формально. В нем существует единый тип ирреальных конструкций, маркированный формой сослагательного наклонения сказуемого главной части. Контрафактическая и гипотетическая семантика выявляется в этом типе конструкций русского языка только контекстуальными средствами. В английском и немецком языках, подобно тюркским, существуют два формальных типа таких конструкций: в (6а) мы имеем гипотетическую конструкцию с сослагательными формами главного и зависимых предикатов, но без показателей перфектности, в (6б) – контрафактическая конструкция, с предикатами, осложненными показателями перфектности.

(6) а. *Even if it rained I would not stay at home* «Даже если бы (вскоре) пошел дождь, я бы не осталась дома».

б. *Even if it had rained (yesterday) I would not have stayed at home* «Даже если бы (вчера) шел дождь, я бы не осталась дома».

2.3. Генерализированные УК.

Генерализированные уступительные конструкции бывают двух видов: итеративные (7) и неитеративные или экспрессивные (6). алт. (7) *Канайда да катшагайлаза* ..., *камчыла ады ды сокпо!* «Как бы ты ни спешил, не бей своего

коня плеткой.» шор. (8) *Парчын кижы пилзе де, айтпаанча* «Хотя все и знают, но не скажут». В итеративных конструкциях речь идет о целом классе однотипных ситуаций: *каждый человек знает, но не скажет*. В экспрессивных конструкциях выделяется один из элементов единичной ситуации: *как бы ты ни спешил, не бей коня плеткой*. Соответственно. В последнем типе конструкций присутствует структурный элемент кванторной семантики (*весь, всякий, каждый, какой бы ни..., когда бы ни ...* и т.д.).

Объединяя три основания семантической классификации УК, мы получаем представленные в разделе 3 типы УК, которые мы иллюстрируем тувинскими примерами. Все они являются семантическими или структурно-семантическими вариантами УК с условной формой зависимого предиката в сочетании с уступительной частицей *ТА*.

3. Негенерализованные уступительные конструкции .

3.1. Негенерализованные реальные собственно уступительные конструкции.

(9) *Чаъс чап турза даа, Петров ёёнден зонтик чок үнүн келген* «Хотя шел дождь, Петров вышел из дома без зонтика».

3.2. Негенерализованные реальные условно-уступительные конструкции.

(10) *Чаъс чагза даа, Петров ёёнден зонтик чок үнүн келир* «Даже если идет дождь, (каждый раз) Петров выходит из дома без зонтика».

(11) *Чаъс чап келзе даа, Петров ёёнден зонтик чок үнүн келир* «Даже если (сейчас) идет дождь, Петров выходит из дома без зонтика».

3.3. Негенерализованные ирреальные условно-уступительные конструкции.

3.3.1. Гипотетические.

(12) *Чаъс чап келир-даа болза, Петров ёёнден зонтик чок үнүн келир ийик* «Даже если бы (завтра) пошел дождь, Петров вышел бы из дома без зонтика».

3.3.2. Контрафактивные

(13) *Чаъс чап турган-даа болза, Петров ёёнден зонтик чок үнүн келир ийик* «Даже если бы шел дождь, Петров вышел бы из дома без зонтика».

4. Генерализованные уступительные конструкции.

4.1. Генерализованные реальные собственно уступительные конструкции.

(14) *Петров кымдан-да айтырза, кым-даа агаа харын берип шыдаваан* «Кого бы Петров ни спрашивал, никто ему не давал ответа».

4.2. Генерализованные реальные условно-уступительные конструкции.

(15) *Петров кымдан-да айтырза, кым-даа агаа харын берип шыдавас* «Даже если Петров будет всех спрашивать (об этом), никто ему не даст ответа».

4.3. Генерализованные ирреальные уступительные конструкции.

4.3.1. Гипотетические.

(16) *Петров кымдан-да айтырар болза, кым-даа агаа харын берип шыдавас ийик* «Даже если бы Петров всех спрашивал (об этом в будущем), никто бы ему не дал ответа».

4.3.2. Контрафактивные

(17) *Петров кымдан-да айтырган болза, кым-даа агаа харын берип шыдавас ийик.* «Даже если бы Петров всех спрашивал (об этом в прошлом), никто бы ему не дал ответа».

5. Уступительные конструкции в сибирских тюркских языках.

5.1. Уступительные конструкции с условной формой.

Уступительных конструкции с условной формой зависимого сказуемого в сочетании с противительно-уступительной частицей *ТА* или ее аналогом, маркирующие ситуацию уступки, являются основным средством выражения

уступительно-противительных отношений в сибирских тюркских языках. Примеры (1) – (5) и (7) – (17) иллюстрируют различные структурно-семантические и семантические типы таких уступительных конструкций на материале сибирских тюркских языков.

5.2. Уступительные конструкции с другими формами зависимой части.

5.2.1. УК с императивной формой зависимой части.

Такие конструкции отмечены в тувинском языке, они также имеются и в русском языке, как видно из перевода примера (18). Все эти конструкции относятся к нефактичному, условно-уступительному семантическому типу.

тув.

(18) *Даг бедик даа бол, буураар, далай терег даа бол, кургаар* «Будь гора хоть и высокая (Даже если гора и высокая), (все равно) она разрушится, будь море и глубоким, (все равно) оно высохнет».

5.2.2. УК с причастно-падежно-последложной формой зависимой части.

В шорском языке мы отмечаем конструкцию с формой причастия на *-ГАН* в сочетании с послелогом *үстүне*, которая выражает особый семантический подтип уступки – сознательное игнорирование уступительной ситуации. Обе ситуации фактичны, это собственно уступительный семантический тип.

шор.

(14) *Мен элчи ысқан үстүне, меең келеримни пилбедиң чи?!* «Несмотря на то, что я послал гонца, ты не знал, что я еду?!»

6. Контекстуальные средства выражения уступительной семантики.

Инфинитные формы с основным темпоральным значением часто контекстуально выражают различные значения каузального блока, в том числе и уступку. Мы приводим только отдельные примеры таких форм.

6.1. Форма на *-ГАНДА*.

Встречается во всех тюркских языках Южной Сибири в значении уступки.

шор.

(15) *Сен алыг полганда, пистиң тыныбысты алдың* «Хоть ты и дурак, но наши души спас».

6.2. Форма на *-АРГА*.

В темпоральном употреблении она наиболее активна в тувинском языке. В определенных контекстах она выражает уступку.

тув.

(16) *Петров кымдан-да айтырарга, кым-даа агаа харын берип шыдаван* «У кого бы Петров ни спрашивал, никто ему ответа не давал».

6.3. Деепричастие на *-(Х)П*.

Это форма, как и последующая, встречается в уступительном значении во всех языках Южной Сибири.

шор.

(17) *Ол чишти ас чип, эбире көп қарақатча* «Хотя он мало ел, но зато вокруг много оглядывался».

6.4. Отрицательное деепричастие.

шор.

(18) *Мостаба акешпеен, кебелербе акешча* «Хотя по мосту не перевозит, а на лодках перевозит».

7. Противительные конструкции.

7.1. Противительные союзы, возникшие на тюркской почве.

Алтайский союз *je* функционирует как противительный.

алт.

(19) *Оны кем де јараш эмес деп айтпас, је оның чырайы кемге де јарабайт* «(Хотя) Никто бы не сказал, что он некрасивый, но его лицо никому не нравится».

Шорский союз *аңтебе* выражает особый семантический тип отношений между уступительной и противительной ситуациями – возмещения ущерба:

шор.

(20) *Чудат пажында пир да палық тарттадылар, аңтебе чудат пелтиришең күскүштер тарттылар* «(Хотя) они ни одной рыбешки не поймали в верховьях реки, зато в устье ручья наловили кускучей».

7.2. Заимствованные противительные союзы.

Шорский язык заимствовал русский противительный союз *но*, который встречается в разговорной речи и в ряде других тюркских языков Южной Сибири.

шор.

(21) *Сынына чет парып эбире көрдү, но пир да торум көрүммеенча* «Он залез на дерево и огляделся, но не увидел ни одной шишки».

8. Выражение уступительно-противительных отношений на межфразовом уровне.

На межфразовом уровне уступительно-противительные отношения могут выражаться либо простым соположением двух противоречащих друг другу ситуаций (см.: Разд. 9), либо с помощью межфразовых скреп, которые развиваются из вводно-модальных фраз и речений. Так, в (22) фраза *эндиг да полза* выступает как вводно-модальная во втором предложении и выделяется автором на письме запятой. В (23) она выступает как межфразовая скрепа, принадлежащая второму предложению, и не выделяется запятой. В (24) она уже выполняет функцию связи частей одного сложного предложения и практически выступает в функции союза *но*.

шор.

(22) *Эртен анаң турганнары, теги сооқтап партыр, чагарга пелен пол партыр Эндиг да полза, Алексей айрадромга парарга, теп, эмнең шықты* «Когда утром встали (то увидели), похолодало, собирался идти дождь. Несмотря на это, Алексей вышел из дома, чтобы идти на аэродром».

(23) *Пооң алдындагы минутта мен үргүнкел, тооланган служба, аар ырызы чоқ керек чилеп тигиди. Эндигда полза талайчаң эбес полган!* «Служба, думая о которой я всего за минуту до этого так радовался, оказалась тяжелым безрадостным делом. Как бы там ни было, отступать было нельзя!»

(24) *Ол чақыы кижси полган, эндиг да полза ужы пажы чоқ, салгып уиқаш сагыштыг кижси полган* «Он был неплохой человек, но ветренный, без царя в голове».

9. Асиндетические конструкции.

Уступительно-противительные отношения осознаются читателем или слушающим здесь только на основании логического умозаключения.

шор.

(25) *Апшыг сыраңай тын ма салып эртишти ... Апшыгдың эрбектерге ақсы эмен полду. Айдарга сөзүн табынмас полду* «Старик одним духом выпил ... (Хотя) Рот старика стал ласковым для разговора, (но) он не находил слов».

ЛИТЕРАТУРА

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М. и Невская И.А. Уступительные конструкции в тюркских языках// Храковский В.С. (ред.). Типология уступительных конструкций. – СПб.: Наука, 2004. – С.425–452.

Nevskaya, I. A. Concessive and adversative constructions in Siberian Turkic// *Turkic languages*, 2005, 9/2. – P.234–251.

Храковский В.С. Опыт анализа универсальных уступительных конструкций// Бондарко А.В., Шубик С.А (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000.

Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология// Храковский В.С (ред.). Типология уступительных конструкций. – СПб.: Наука, 2004 (а).

Храковский В.С. Анкета для описания уступительных конструкций// Храковский В.С (ред.). Типология уступительных конструкций. – СПб.: Наука, 2004 (б), – С.559–591.

Храковский В.С. (ред.). Типология уступительных конструкций. – СПб.: Наука, 2004 (с).

KEY WORDS: perfectance, semantic classification, conditional-concessive construction, concessive construction, contextual signals.

SUMMARY. Concessive-adversative relations can be of different lingual representation. Turkic languages have great variety of formal means of expressing concessive-adversative relations. The article on the example of the Shor, the Altai and the Tuva languages deals with semantic types of concessive constructions.

***

Уважаемые коллеги!

23 апреля 2010 г. Татарский тюркологический центр и Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет проводят тюркологический симпозиум «Тенишевские чтения–2010». В ходе заседаний будет рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся изучения письменных памятников и их филологической интерпретации, методов и методики исследования тюркоязычных памятников, проблем истории языка, общетюркского состояния и развития современных тюркских языков и т.д.

Планируется публикация материалов до начала симпозиума. Возможны различные способы участия и представления выступлений. Адрес Оргкомитета: 420021. г.Казань, ул Татарстан, 2. ТГГПУ, кафедра татарского языкознания, Хакимянову Ф.С.

Контактный адрес: e-mail: farid.khakin@gmail.com; тел.: *раб.*– (843)-2924-213; *дом.* (843)-2685-808; сот. 89050226187 (проф. Хакимянов Фарид Сабирзянович).

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

НОВАЯ ТЮРКОЛОГИЯ И НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ:
А.Н. САМОЙЛОВИЧ И Н.Я. МАРР
(К 70-летию со дня гибели А.Н.Самойловича)

Г.Ф.Благова, Москва

Ключевые слова: лингво-историческая концепция, петроградское востоковедение, туранизм, яфетизм.

Изучение архивного наследия А.Н.Самойловича при широком системном привлечении его научной переписки и прочих «документов личного происхождения» (как выражаются историки)¹ способствует документально подтвержденному ознакомлению с состоянием, научными идеями, направлениями развития тюркского языкознания первой трети XX в. М.Л.Гаспаров признавал: «...это хорошо, что сейчас пишут много биографий; в России будет трудней, о деятелях советского времени – хороших и плохих – придется писать только по архивам, всё равно как о XIX веке» [Гаспаров. Письмо 1996].

В процессе архивно-изыскательской работы нами обнаружено разнообразие конкретных фактов, прежде совсем не известных, но заслуживающих системного подхода и пристального внимания историографа. Учет, системный анализ и обобщение подобных фактов в корне изменяет представления по ряду важных вопросов истории тюркологической науки, в частности по стихийно складывавшимся стереотипам в освещении послеоктябрьского периода научной деятельности такого крупного ученого-энциклопедиста, как А.Н.Самойлович.

Во-первых, развеяно представление, что после Октябрьской революции «А.Н.Самойлович без колебаний поставил себя на службу молодой рабоче-крестьянской республике» [Ашнин 1978а: 11²]. В 1919 г. Самойлович скупно написал о жизни в изменившейся России как о «труднейших днях разрушения прежних норм нашей жизни и беспримерно смелых попытках заменить их новыми» [Самойлович

¹ Научную переписку Самойлович, вслед за П.М. Мелиоранским, считал родом научной деятельности [Самойлович 2005: 138]. В настоящее время к 70-летию со дня трагической гибели ученого (13 февр. 1938 г.) нами подготовлена книга «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка и биография» (при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-04-00167А).

² Подобного рода «похвальные» стереотипы были в духе времени; со стороны иностранных востоковедов они вызвали негативную реакцию (см. письмо Н.Н. Поппе к И.В. Стеблевой от 22.11.1978 г. в кн.: [Алпатов 1996: 132]).

1925а: 161]. Его письма к В.В.Бартольду и И.Ю.Крачковскому показывают, насколько болезненной была для него эта ломка.

Во-вторых, подвергся пересмотру взгляд на Самойловича как на принадлежавшего «к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм – статьи небольшого объема <...>» [Ашнин 1978а: 13]. В одном томике избранных работ Самойловича нами обнародован в совокупности комплекс его прижизненных публикаций, ставших уже раритетными, и архивных статей, залежавшихся в «состоянии вынужденного покоя» в отделе рукописей Рос. национальной библиотеки в Петербурге (РНБ) и в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФАРАН). Благодаря этому нам удалось восстановить широкое и цельное полотно его исследований по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков; см. [Самойлович 2005: 335–948], внести документальные уточнения и добавления в освещение вопросов становления его лингво-исторической и историко-филологической концепции. Картина получается более широкоохватной, чем это представлялось прежде.

В-третьих, всё это должно учитываться и при обсуждении остающегося дискуссионным вопроса, действительно ли Самойлович в совокупности всей своей обширной и многообразной научной деятельности «изменил»³ взглядам и заветам своего учителя, первого лингвиста-тюрколога П.М.Мелиоранского [Кононов 1973: 16]. Начиная с 1924 и по 1934 г.⁴ среди публикаций Самойловича, посвященных отклику на «запросы текущего момента» (реформирование петроградского / ленинградского востоковедения, проблемы нового алфавита, терминологии, вопросы краеведения и этнографии и т.п.), начинают появляться и те, которые тесно связаны с его прежней, наиболее близкой ему лингво-исторической и историко-филологической специализацией. Эта специализация имеет глубокие, не исчезающие корни в богатом культурном наследии и «добрых традициях научной работы создателей русской тюркологии» [Самойлович 2005: 782]. Благодаря публикациям этого рода, которые никак нельзя было отнести к «созвучной времени исследовательской тематике», можно видеть, как в научном творчестве Самойловича послеоктябрьского периода по-прежнему красной нитью проходит эта наиболее близкая ему лингво-историческая проблематика. Собранные в одном томике публикации 20-х – нач. 30-х гг. по письменным памятникам тюркских народов [Самойлович 2005, особенно: 839–900] свидетельствуют о проявленной ученым смелой инициативе, творческой независимости, о гражданском и научно-исследовательском мужестве. Об этих качествах А.Н. Самойловича как ученого подробнее скажем ниже. Здесь же добавим, что даже в статьях к «красным датам» советского календаря (такие статьи он обязан был готовить как директор ИВ АН СССР) он писал, в сущности, о том, что его интересовало. Например, в статье «Первые переводы “Коммунистического манифеста” на казахский и узбекский языки» на большом фактическом материале он рассматривал давно занимавшие его вопросы разработки отраслевой терминологии в тюркских языках (что на практике на местах осуществлялось далеко не всегда удачно), продолжил и расширил свои наблюдения в области теории перевода, высказав при этом дополнительно новые соображения по установлению принципов и критериев адекватного перевода [Самойлович 1933а]. Между тем, современный

³ Характерно, что уже в письме от 15.IV. <без года; точнее: 15.V.1917 г.> В.В.Бартольд, подчеркивая динамичность развития научного творчества Самойловича, писал ему: «Положа руку на сердце, Вы и сами не решитесь утверждать, что в Ваших собственных произведениях нет ничего несогласного с заветами Мелиоранского <...>» [ПФАРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 6. Л. 59].

⁴ В 1934 г. на II Лингвистическом конгрессе в Турции (Стамбул) Самойлович сделал доклад о «Литературном языке Джучиева улуса, или Золотой Орды» – в русском переводе В.Д.Аракина этот доклад впервые был напечатан в 2005 г. [Самойлович 2005: 907–922].

лингвист-тюрколог «обходит стороной» (не читая!) эту интереснейшую статью как якобы политизованную и заидеологизованную.

В-четвертых, изложенное выше позволило пересмотреть сложившееся мнение о том, что после публикации ряда архивных работ Самойловича в журнале «Советская тюркология» (1973, № 5) и в «Тюркологическом сборнике. 1972» (1973) содержательно архивы ученого в основном исчерпаны. Этого никак нельзя было сказать о его архивных работах не только по этнографии и фольклору тюркских народов, но также и по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков. Например, утверждение, что «специальная статья о языке памятника XIII в. “Кысса-и- Юсуф” Али, <...в печать не попала и, по-видимому, безвозвратно потеряна для науки>» [Ашнин 1978а: 20], обусловлено недостаточной осведомленностью о состоянии архива ученого. И это в известной мере объяснимо тем, что большая работа «К какой из турецких литератур относить роман XIII века “Иосиф и Зулейха”?» хранится в составе огромного сводного труда ученого «Турецкие этюды» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 165–269; общий объем труда – 872 листа по описи архивного фонда Самойловича 1961 г.); она была опубликована впервые Г.Ф.Благовой в начале XXI в. [Самойлович 2002: 5–53]. Эта статья важна тем, что в ней наиболее полно реализовано выдвинутое Самойловичем необходимое условие плодотворного исследования творческой литературно-языковой работы писателя, а именно составление «словаря тесно связанного с текстом» (впоследствии эта идея была осуществлена в русистике, когда был создан Словарь языка А.С.Пушкина).

И наконец, следует рассмотреть в принятом нами документально-доказательном аспекте еще один (пятый) стихийно сложившийся миф – о якобы безоговорочном приятии Самойловичем нового учения о языке, о его деятельности в этом направлении. Благодаря предпринятой нами целенаправленной выборке фрагментов писем открыты не только малоизвестные, но и совсем неизвестные исследователям сведения.

В числе неизученных нас заинтересовал вопрос, как складывались взаимоотношения новой школы тюркского языкознания (в лице ее лидера в 20-е – первую половину 30-х гг. А.Н.Самойловича), с одной стороны, и нового учения о языке (яфетидизма – марризма) – с другой. Такое рассмотрение, как оказалось, неразрывно связано с вопросом о личных взаимоотношениях Самойловича с «творцом яфетической теории» (впоследствии эта теория развилась в новое учение о языке) – с Н.Я.Марром; вопрос этот прежде не изучался и, по сути дела, даже не ставился. Между тем, взаимоотношения эти кардинально разнятся на разных этапах развития марризма.

А.Н.Самойловича связывали с Н.Я.Марром давние (не простые) взаимоотношения. Можно предположить, что он испытывал к Марру особое чувство симпатии и благодарности (и это было начало первого периода их отношений). В январе 1915 г. Самойлович защитил магистерскую диссертацию, подготовленную почти через 9 лет после смерти его учителя П.М.Мелиоранского. В предзащитный период и в момент защиты магистерской диссертации Самойловичем (1914–1915 гг.) Марр состоял деканом фак-та восточных языков СПб. университета. Он решительно, в числе других, поддержал соискателя, не считаясь с нападками проф. В.Д.Смирнова, отказавшегося от оппонирования и не явившегося на защиту. Впечатление «стороннего наблюдателя» – Н.А.Бобровникова, сына монголиста А.А.Бобровникова, крестника и ученика знаменитого тюрколога-просвещенца Н.И. Ильминского, – таково: «В общем диспут произвел на меня тяжелое впечатление: он показал, как трагична у нас ученая работа, каких невероятных трудов требует получение ученых степеней» (из письма к Самойловичу от 19.I.1915 – [ПФАРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 8]). Самойлович в письме к В.А.Гордлевскому от 20.I.1915 написал: «Благодарю за поздравление. Голосовало 6. Из них 2 воздержались (Жуковский и Иванов). Остальные (академики Бартольд.

Марр, Коковцов, проф. Щербатской) – за. Смирнова не было. Высыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками»; цит. по: [Баскаков 1973: 87].

Н.Я.Марр, избранный действительным членом АН 14.I.1912 г., руководитель и участник археологических раскопок в Ани (1892, 1904–1917), был востоковедом широкого профиля – филологом, историком. Вместе с тем уже в конце XIX в. у него проявилась тяга к лингвистическим штудиям, и особенно – к сопоставлению таких разнотипных языков, как грузинский и турецкие говоры (см. об этом: [Самойлович 1935: 113]), без должного методологического фундирования такого подхода.

Об этом раннем увлечении Марра см. в письме С.Ф.Ольденбурга к В.Р.Розену от 7.II.1894 (Париж): «Meillet (ориенталист и главным образом лингвист, но с очень широким филологическим образованием) <...> говорил о Марре <...> он безусловно отрицает его лингвистические вещи <...>, зато он отзывался очень сочувственно об его филологических занятиях. Хорошо, если бы Вы сообщили об этом Марру, м[ожет] б[ыть], он приятного и очень умного лингвиста послушает больше, чем нас, филологов» [Розен – Ольденбург 2004: 289].

В начале 20-х гг., когда Н.Я. Марр активно возобновил свои лингвистические штудии, стремясь на этот раз приспособить их к весьма актуальному в то время учению марксизма, он увидел в Самойловиче потенциального союзника, который был бы способен не только наладить сбор и систематизацию подходящих тюркских языковых данных, но и направить в нужное Марру русло всю исследовательскую деятельность в своей отрасли знания. «Специалисты-тюркологи, на отсутствие помощи которых справедливо сетует Н.Я.Марр, должны не только развивать дальше новейшие труды Н.Я.Марра по тюркологии, но и обогатить внесением тюркологических материалов прежние его труды по новому учению о языке <...>» [Самойлович 1935: 118].

Дело в том, что работая в 1917–1918 гг. над своей большой сводной рукописью «Турецкие этюды» (фрагменты ее опубликованы посмертно: Самойлович 2002; 2005: 780–787, 789–838; см. также [Благова 1999]), он пришел к «идее единства <...> всех турецких литератур мусульманской эпохи как одного из проявлений известной культурной общности между мусульманско-турецкими народами и племенами, так сказать, “культурного пантурчизма”, при одновременной наличности более или менее существенных различий, включая религиозные» [Самойлович 2005: 781]. Позднее он высказал «мнение, что по существу дела было бы правильнее признавать единый «среднеазиатско-турецкий» (а не “чагатайский” или “восточнотурецкий”) литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» [Самойлович 1928: 21].

Предположительно Марра могли привлекать идеи Самойловича как о «едином среднеазиатско-турецком литературном языке исламской эпохи», так и о «единстве всех турецких литератур» той же эпохи – как проявления «известной культурной общности между мусульманско-турецкими народами». Можно предположить также, что вопросы «пантурчизма» (позднее – «туранизма»⁵) в связи с яфетидизмом Самойлович мог обсуждать в беседах с Марром; видимо, под влиянием Марра была выдвинута тема концептуальной статьи Самойловича «От туранизма к яфетидизму»; упоминание об этой статье см. в его письме к Н.И.Ашмарину от 5.II.1925 г. [НАЧГИГН. Отд. IV. Инв. № 273].

⁵ Самойлович утвердился в мысли отказаться от употребления термина «пантурчизм» после того, как во время поездки в Турцию (1925 г.) в связи с заинтересовавшей его книгой Зия Гёк Асена «Основы турчизма» он заметил «уклонение некоторых турчистов от мечтательного идеализма к реальному материализму» [т.е. политизацию термина] (из письма к В.В.Бартольд у от 27.IX.1925 – [ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219. Л. 44 об.]).

Но одно дело – в непринужденной беседе высказать свои соображения на эту тему, и совсем другое – изложить эти соображения в статье строго научно и доказательно, на достаточно убедительном языковом материале, который оказалось очень сложно подобрать надлежащим образом и в нужном объеме⁶.

Самойлович это довольно скоро ощутил; из Баку он уведомляет В.В.Бартольда (20.XI.1923 г.): «Собираю по крохам материалы по азербайджанской диалектологии и среди этих крох заполучил кое-какие довольно любопытные, хотя и не многочисленные данные, в том числе по вопросу о яфетизмах в азербайджанском языке» [ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219]. И подтверждает это в письме к Н.И.Ашмарину от 5.II.1925 г., где сообщает: «Я сочувствую изучению турецких языков в яфетическом освещении, но моя статья “От туранизма к яфетидизму” пишется крайне медленно» (два письма Самойловича к Ашмарину опубликованы в качестве приложения к: [Благова 2002]). Судя по «Списку трудов А.Н.Самойловича» [Ашнин 1978б] такая статья не была написана; не упоминает Самойлович о такой статье и при перечислении собственных работ (как ему казалось) «яфетического толка» [Самойлович 1935: 116]. В перечисленных им работах были суммированы языковые наблюдения, которые, видимо, не представляли большого интереса с точки зрения задуманного Марром дальнейшего развития «яфетической теории» и не способствовали переходу к новому этапу её развития, когда мысль о генетических связях между языками тюркской системы и яфетическими языками (опиравшаяся пока на его собственное убеждение: «из тесно связанной группы яфетических языков <...> сложились впоследствии турецкие языки» [Марр 1926: 17]), получила бы «детальную проработку на турецком материале» [Марр 1933: 9].

И этим завершился первый период взаимоотношений Марра и Самойловича.

Из-за невыполненного обещания Самойловича написать статью «От туранизма к яфетидизму» наступил «период времени, в течение которого мысль о генетических связях между языками тюркской системы и яфетическими оставалась “отпавшей”, т.е. до 1925 г.» [Самойлович 1935: 113]. Это не могло не тормозить осуществления глобальных планов Марра, прежде всего решения проблемы генетических связей между яфетическими и тюркскими языками – «одной из животрепещущих научно-общественных проблем, выдвигаемых ныне яфетической теорией; для нас, впрочем, это уже не проблема, а бесспорное и основное положение, требующее лишь детальной проработки на турецком материале» [Марр 1933: 9]. Из этого затруднительного положения Марр вышел без помощи тюркологов – собственными силами. В 1925 г. он прочитал в Чебоксарах доклад «Чуваши-яфетиды на Волге»; «...эта работа включает тюркские языки чрез чувашский в еще более обширный круг языков, чем старая “туранская” теория <...>» [Самойлович 1935: 114]. Как отмечал Марр, «<...> родство с турками исходит из того, что чувашский язык – единственный сохранившийся из той тесно связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки» [Марр 1926: 17]; характерно, что на этот доклад Самойлович откликнулся через 10 лет – в 1935 г.

В 1926 г. в Азербайджанском университете (Баку) и в ГАИМК'е Марр прочитал доклад «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков» (доклад опубликован в журнале «Под знаменем марксизма»: [Марр 1927]). Доклад Н.Я.Марра пропагандировался не только в научных центрах Ленинграда и Баку (где в том же 1926 г. состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд); он был опубликован в партийной прессе, и критика Самойловича с позиций марксизма прогремела на всю страну.

⁶ На деле эфемерной оказалась та легкость, с которой, как представлялось Самойловичу, «при чтении трудов Н.Я. Марра тюркологу часто без особых усилий удается вносить дополнения из области своей специальности» [Самойлович 1935: 118].

Это была кульминация второго периода взаимоотношений Марра и Самойловича. Как писал Самойлович в 1935 г. об этих выступлениях Марра, «значительная часть главы первой доклада <...> уделена критике моего опыта классификации тюркских языков в первой редакции <[Самойлович 1922]>, хотя вторая редакция вышла в свет еще в начале 1926 г. <[Самойлович 1926б]>. Под влиянием этой критики с точки зрения нового учения о языке, я воздержался от опубликования третьей редакции моей классификации, доложенной на украинском Съезде востоковедов в Харькове в 1929 г., несмотря на то, что и первая редакция продолжает поныне пользоваться относительным признанием у западноевропейских тюркологов» [Самойлович 1935: 117].

Самойлович был глубоко задет критикой Марра, опубликованной к тому же в марксистской прессе⁷. Марра раздражало невыполненное обещание Самойловича написать концептуальную статью, а статьи, которые публиковались Самойловичем в «Яфетических сборниках» [Самойлович 1923; 1925б; 1927], его не вполне удовлетворяли. В этот третий период их взаимоотношений Самойлович предпочитает молчание – не отвечает на критику Марра, попросту воздерживается от публикации последующих результатов своей работы по совершенствованию классификации тюркских языков. Из его публикаций, относящихся к яфетизму, на третий период приходятся две – «Кавказ и турецкий мир» (1926а) и «Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования» (1927); обе написаны, по-видимому, ранее 1926 г. (так, Самойлович сообщил Бартольд 4.VII.1925 г.: «До отъезда в Турцию думаю написать обещанную Николаю Яковлевичу статью о турецких числительных»).

В статье о числительных у главы новой тюркологии А.Н.Самойловича, 2.II.1925 г. избранного членом-корр. АН СССР, хватило смелости – вопреки руководящим установкам нового учения – настаивать категорически: «совершенно необходимо считаться с этим турецким сравнительно-историческим материалом» [Самойлович 1927: 135]; между тем, компаративистика уже была объявлена «буржуазным» направлением. К тому же идеологические приспешники Марра во главе с небезызвестным Аптекарем все настойчивее убеждали стареющего ученого в необходимости борьбы с инакомыслящими, «буржуазными» учеными. В приводимом ниже ответе В.А.Богородицкому Самойлович прозрачно намекает на это идеологическое окружение Марра, когда пишет о «требованиях, которые предъявляются к *современным* советским лингвистам в отношении методологии со стороны *нашей* ученой общественности» (курсив наш. – Г.Б.). Не зря же первая половина 30-х годов считается самым тяжелым периодом господства марризма.

Чрезвычайно важно письменное свидетельство Самойловича о его позиции в этот третий период. В 1931 г. к нему как к главе новой тюркологической школы обратился В.А. Богородицкий, казанский лингвист широкого профиля. (подробнее см.: [Благова 2007]) с просьбой оснастить «сторонним предисловием» создаваемый им труд по тюркскому языкознанию.

В ответе Самойловича от 6.XII.1931 г. просматривается принципиальная линия ученого в сложный период истории советской России и, в частности, советского языкознания. Он писал: «Я охотно принял бы Ваше лестное для меня предложение, если бы я удовлетворял тем требованиям, которые совершенно правильно предъявляются к *современным* советским лингвистам в отношении методологии со

⁷ Позднее реакция на неудобные выступления бывала уже гораздо жестче. Так случилось с Е.Д.Поливановым, который в 1926–1929 гг. преподавал в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. После доклада на дискуссии по проблемам теоретического языкознания, в котором он показал несостоятельность яфетической теории Марра, он вынужден был оставить КУТВ, принять приглашение Узбекского Наркомпроса и выехать для работы в Самарканд.

стороны нашей ученой общественности. К сожалению, я не успел еще надлежащим образом перевооружиться методологически; при этом он рекомендует Богородицкому обратиться с такой просьбой к самому Н.Я.Марру [ПФАРАН. Ф. 898. Оп. 2. Д. 93].

Со «сторонним предисловием» – вступительной статьей П.Кузнецова⁸ – в Казани были изданы «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию» [Богородицкий 1933]. Год издания – 1933-й – и вступительная статья тюрколога могут свидетельствовать, что просьба Богородицкого касалась именно этой книги.

Переписка между Самойловичем и Марром велась, видимо, в разные периоды их отношений. В ПФАРАН в описи фонда 800 (фонд Н.Я. Марра) под № В-821 числились семь писем Самойловича, общим объемом 11 листов, написанных от руки⁹. Однако эти сведения вычеркнуты, а на полях приписано: «см. акт от 10.II.1939 г.». А это значит: почти через год после расстрела А.Н.Самойловича последовало (и было выполнено) распоряжение об изъятии его писем к Н.Я.Марру как «компрометирующих» память о последнем.

То, что утраченные навсегда письма Самойловича представляли собой следы обоюдной переписки между двумя учеными, явствует из факта: в ПФАРАН в фонде Самойловича (Ф. 782) сохранилось единственное к нему письмо от Марра. В нем Н.Я.Марр сообщает, что в ближайший присутственный день к нему должен прийти И.А.Бодуэн де Куртенэ за разъяснением теоретических основ яфетидизма. По доверительному признанию Марра, его очень тяготила предстоящая научная беседа. И, видимо, неспроста: как писал А.Е.Крымский И.Ю.Крачковскому 28.IV.1928 г., «все последние работы Марра производят во мне, лингвисте, очень смутное впечатление» [Крымский – Крачковский 1997: 198]. По словам современников, гораздо больше, чем устное разъяснение теоретических основ яфетидизма, Марра увлекали публичные (популяризаторские) выступления перед неискушенными слушателями (археологами, как в нижеприводимом примере). А.А.Долинина сообщает «свидетельство, как говорится, «свежего» зрителя. В.И.Филоненко, давно оторвавшийся от факультета, наблюдает Н.Я.Марра, которого не видел много лет, на керченской конференции археологов в сентябре 1926 г. Главный доклад был Н.Я. – «Скифский язык». Слушать и понимать Н.Я. без привычки очень трудно. На своем «яфетическом коне» он, как вихрь, носится с востока на запад, с запада на восток, разбрасывая вокруг себя «третий элемент», «материальную культуру», «проблемы». Все как-то сторонятся, жмутся, боясь быть раздавленными» [А, оп. 3, № 922, л. 177 об.] – [Долинина 1994: 209].

Сохранившиеся в переписке сведения могут свидетельствовать и о личных контактах востоковедов Самойловича и Марра, проживавших в одном городе, Ленинграде. Во всяком случае, в 1933 г. по приглашению турецкого правительства акад. А.Н.Самойлович вместе с акад. Н.Я.Марром ездили в республиканскую Турцию для установления постоянного сотрудничества в области истории и лингвистики между научными учреждениями соседних дружественных стран [Самойлович 1933а].

⁸ П.Е. Кузнецов – ташкентский тюрколог, в свое время закончивший Туркестанскую учительскую семинарию. В 20-е гг. был приглашен в Туркестанский восточный институт для чтения курса узбекского языка. По мнению арабиста А.Э.Шмидта, состоявшего в те годы ректором, Кузнецов был работником малоперспективным [из письма Шмидта к Самойловичу (РНБ. Ф. 671. Д. 320)].

⁹ О содержании одного из этих писем Самойлович сообщил Бартольд осенью 1925 г., находясь в научной командировке в Турции: «После бесед со мной Месарош стремится к нам. о чем подробнее я пишу Н.Я.Марру, ибо Месарош, оказывается, яфетитолог, может быть, “по-своему”» [ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219]. Месарош Дьюла (1883–1957) – венгерский тюрколог, собиратель фольклора, музейный работник. Собирал фольклорные материалы среди чувашей и татар Поволжья, в Башкирии, Турции.

Из изложенного выше вытекает вопрос, каков был реальный вклад Самойловича в яфетидизм Марра и, следовательно, в развившееся из него новое учение о языке.

Первая половина 30-х годов считается самым тяжелым периодом господства марризма – «сумерки лингвистики» [Базылев, Нерознак 2001]. В соответствии с занимаемым им официальным постом (директор Института востоковедения АН СССР – с начала 1934 г. и до самой смерти) Самойлович обязан был, наконец, окончательно «перевооружиться методологически». В 1935 г. он публикует свою первую и единственную конформистскую статью «Тюркология и новое учение о языке». Ею открывается последний – четвертый – период взаимоотношений, но уже не Самойловича и Марра (Марр умер 20.I.1934), а взаимоотношений директора Института востоковедения, главы новой школы тюркского языкознания (и это ясно из заглавия статьи: он говорит от имени всей тюркологии страны), с одной стороны, и нового учения о языке в целом – с другой.

К 1935 г. Самойлович мог назвать четыре свои «проphetические» статьи. Уже и в самом подборе тематики он вновь проявил себя как ученый, творчески независимый, не поддававшийся давлению извне. Во всяком случае, три из этих статей продолжают цикл его этнолингвистических исследований тюркской календарной терминологии. Это статьи «Названия дней недели у турецких народов», «Названия дней у азербайджанских турков» [Самойлович 1923; 19256] и «Кавказ и турецкий мир» [Самойлович 19266]. Об исследовании тюркских числительных количественных, демонстрирующем уровень этимологических разработок в конце 20-х годов XX в., Самойлович сообщил Бартольд 4.VII.1925 г. [ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219]. В этой работе, опубликованной в 1927 г., автор еще считал для себя возможным подчеркнуть: «Сравнительно-исторический материал по турецким числительным <...> не дает ключа к правильному объяснению происхождения подавляющего большинства турецких названий чисел, но при правильной постановке вопроса о происхождении турецких числительных в более ли широкой среде урало-алтайских или до-алтайских, например, яфетических языков *совершенно необходимо считаться с этим турецким сравнительно-историческим материалом*, поныне, насколько нам известно, не собранном в одном месте в систематическом порядке» [Самойлович 1927: 135] (курсив наш. – Г.Б.).

Из того, как Самойлович твердо отстаивает необходимость считаться с «*турецким сравнительно-историческим материалом*» (курсив наш. – Г.Б.), хотя и с подчеркнутыми нами «ограничителями», видно, что у него хватало смелости далеко не во всем соглашаться с руководящими установками нового учения о языке.

В статье 1935 г. Самойлович был вынужден признать «справедливыми» сетования Марра по поводу того, что тюркологи не оказали ему столь необходимой и ожидаемой помощи в деле развития яфетической теории. Он констатирует критику Марром своей классификации с точки зрения нового учения о языке, обходя молчанием его критические замечания, и при этом сообщает о приостановлении своих публикаций по классификаторской тематике. Поскольку кроме него других заметных тюркологов-марристов еще не появилось, Самойлович, перечислив все свои немногочисленные «проphetические» статьи, ясно и четко указал, какой именно тезис Марра он стремился развить в каждой из таких статей. Помимо этого уточняется позиция автора по ряду установок нового учения о языке. Это был повод обозначить не только свою собственную лояльность по отношению к новому учению о языке, но и всей тюркологии как отрасли знания.

Вместе с тем даже в сложных условиях 1935 г. Самойлович – в осторожных выражениях – высказывается против преуменьшения Марром роли внешних влияний «на турецкую среду»: «Признавая правильным это критическое замечание, тюрколог, само собою разумеется, вместе с тем не может отказаться совершенно от отнесения тех или иных культурных явлений у отдельных тюркских народов к числу заимствований или внешних влияний» [Самойлович 1935: 117].

Аналитическая статья «Туркология и новое учение о языке», пятая по счету его «пророческих», коренным образом отличается от вышеназванных по своим задачам и целям; наверное, это единственная статья Самойловича, которая не содержит собранного им фактического материала и исследовательского анализа. Помимо авторских оправданий на сетования Марра, уточняется позиция автора по ряду установок нового учения о языке. Кроме того, Самойлович уяснил себе, что для нового учения о языке необходимым и единственно приемлемым было густоцитатное и комплиментарное (в адрес Н.Я.Марра) изложение мыслей. Если в работах 20-х годов и особенно в «Турецких числительных» даже и имя Марра не встречалось (а если и упоминалось, то единично и без восхваляющих эпитетов), то в статье 1935 г. в основном широко представлен именно Н.Я.Марр, «творец яфетической теории, развившейся в новое учение о языке» [Самойлович 1935: 113], причем очень часто в сопровождении эпитетов-суперлативов¹⁰.

Статью «Туркология и новое учение о языке» Самойлович завершает трескучими политизованными фразами в духе адептов нового учения о языке (нельзя забывать, что первая половина 30-х годов – самый тяжелый период господства марризма). Возможно, что именно эти условия вынудили А.Н.Самойловича написать и опубликовать статью «Туркология и новое учение о языке» – спустя почти десять лет после того, как прозвучала разносная марровская критика в адрес его классификации тюркских языков. И тем не менее напоследок в статье звучит здравая, всегда актуальная для настоящего лингвиста мысль – призыв к овладению уникальным языковым богатством тюркских народов в советской России. Этим тезисом А.Н.Самойлович дает понять, что он не намерен отступать в вопросах фактологической эрудиции и лингвистической точности.

Такое «рабочее» качество Самойловича, как великолепное владение традиционными методами, позволяющее лингвисту самостоятельно добывать и анализировать достаточно большие массивы языковых фактов (что высоко ценится и в начале XXI в.: [Пиотровский 2004: 8]), реально воплотилось в его большой статье, построенной с привлечением терминологии нового учения о языке, – «*Богатый и бедный* в тюркских языках». Незаурядная масштабность этого исследования Самойловича вполне сознавалась современными ему ведущими учеными. Об этом свидетельствует тот факт, что такая большая статья опубликована в юбилейном номере журнала «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», приуроченном к 50-летию написания Фр. Энгельсом единственной лингвистической работы «Франкский диалект», и помещена она второй, сразу после вводной статьи В.М.Жирмунского ««Франкский диалект» Фр. Энгельса».

Собранный Самойловичем огромный словарный материал как из живых тюркских языков и фольклора, так и из старинных тюркско-арабских глоссариев и старых литературных тюркских памятников им систематизирован и подвергнут всестороннему анализу в историко-сопоставительном аспекте, невзирая на шелуху привлекаемой им поневоле марристской терминологии.

Опираясь на слова А.Н.Самойловича, К.М.Мусаев относит его статью о «*Богатом и бедном* в тюркских языках» к числу тех работ ученого по сравнительной лексикологии и семасиологии, которые имеют «программное значение» [Мусаев 1973: 49 и сл.]. Разработанную им программу исследований по этому новаторскому для тюркологии направлению Самойлович связывал с коллективной исследовательской работой в тюркоязычных республиках.

Верным показателем того, насколько высока до настоящего времени научная ценность и степень востребованности статей А.Н.Самойловича с «яфетидической ориен-

¹⁰ Приведем примеры: «весьма увлекательно написанный доклад», «руководящая мысль акад. Н.Я.Марра», «ряд блестящих примеров», «изумительно интересный пример» [Самойлович 1935: 114, 115, 118].

тированностью», может явиться сам факт перепечатки четырех (из шести) таких статей в одном из его избранных работ. Это две этнолингвистические статьи о календарной терминологии [Самойлович 2005: 254–269], одна по исторической грамматике («Турецкие числительные количественные...») и другая по сравнительной лексикологии и семасиологии («*Богатый и бедный* в тюркских языках») [Самойлович 2005: 92–106 и 291–330]. В отборе статей для перепечатки в разное время принимали участие В.Д.Аракин и Ф.Д.Ашнин, позднее Д.М.Насилов, отчасти Г.Ф.Благова.

Своими статьями «с яфетидической ориентированностью», носившими вместе с тем печать творческой независимости их автора, Самойлович на деле отстаивал своеобразие тюркологии как отрасли знания и её особое место в цикле гуманитарных наук даже при монопольном положении нового учения о языке, заботясь при этом, чтобы по возможности не прерывались «добрые традиции научной работы создателей русской тюркологии» [Самойлович 2005: 782].

К 70-летию со дня трагической гибели А.Н.Самойловича (13 февр. 1938 г.) на документальном материале и в результате ознакомления de visu с его «прояфетидическими» статьями удалось, как нам представляется, защитить славное имя ученого, трезво взвесив и рассеяв мифы, сопровождавшие его и после смерти.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М. Николай – Николас Поппе. – М., 1996.
- Ашнин Ф.Д. Александр Николаевич Самойлович. 1880–1938 // ТС 1974. – М., 1978 (а).
- Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. Ф.Д.Ашнин // ТС 1974. – М., 1978 (б).
- Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. и коммент. В.Н.Базылева, В.П.Нерознака. – М., 2001.
- Баскаков Н.А. А.Н.Самойлович в письмах к В.А.Гордлевскому // СТ, 1973, №5.
- Благова Г.Ф. Академик А.Н.Самойлович и его «Турецкие этюды» // Rocznik Orientalistyczny, 1999, t. LII, z. 1.
- Благова Г.Ф. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А.Н.Самойловича послеоктябрьского периода // Вопр. языкознания, 2002, №2.
- Благова Г.Ф. Плеяда востоковедов-единомышленников в противостоянии новой и старой школ (первые десятилетия XX в.) // Вопр. языкознания, 2007, № 1.
- Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. – Казань, 1933.
- «Читать меня подряд никому не интересно»: Письмо М.Л.Гаспарова к Марии Луизе Ботт, 1981–2004 гг. (подготовка текста и публикация М.-Л. Ботт) // Новое литературное обозрение (НЛО), 2006, № 1 (77), письмо от 15.06.1996. – С.210–211.
- Долинина А.А. Невольник долга. – СПб., 1994.
- Кононов А.Н. П.М.Мелиоранский и отечественная тюркология // ТС 1972. – М., 1973.
- Переписка академиков А.Е.Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / Публ., предисл. и примеч. И.М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения [Вып. I]. – М., 1997.
- Кузнецов А.М. Реф.: Сумерки лингвистики. – М., 2001 // РЖ. Сер. 6. – Языкознание. – М., 2001.
- Март Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары, 1926.
- Март Н.Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких народов // Под знаменем марксизма, 1927, № 6.
- Март Н.Я. Избр. работы. – Т. I. – Л., 1933 (автобиография Н.Я.Марта 1927 г.).
- Мусаев К.М. А.Н.Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков // СТ, 1973, № 5.
- Переписка В.Р.Розена и С.Ф. Ольденбурга / Публ. текста Д.Е.Мишин, М.А.Сидоров. Примеч. сост. А.А.Вигасиным, Д.Е.Мишиным, И.М.Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – Вып. II. – М., 2004.

- Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пг., 1922 (Изд. ПИЖВЯ, 4).
- Самойлович А.Н.* Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. II. – Пг., 1923.
- Самойлович А.Н.* И.Н. Березин как тюрколог (1818–1918) // ЗКВ. – Т.1. – Л., 1925 (а).
- Самойлович А.Н.* Названия дней у азербайджанских турков // Яфетический сборник. III. – Л., 1925 (б).
- Самойлович А.Н.* Кавказ и турецкий мир // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 2. – Баку, 1926 (а).
- Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков // Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюз. Тюркологического съезда. №4. – Баку, 28 февр. 1926 г. (б)
- Самойлович А.Н.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Сб. ст.: Языковедные проблемы по числительным. I. – Л., 1927.
- Самойлович А.Н.* К истории среднеазиатско-турецкого языка. // Мир-Али-Шир, Сб. к 500-летию со дня рождения. – Л., 1928.
- Самойлович А.Н.* Первые переводы «Коммунистического манифеста» на казахский и узбекский языки // Сб.: Памяти Карла Маркса. – М.; Л., 1933 (а).
- Самойлович А.Н.* Языковое строительство в Турции // Письменность и революция. Кн. 1., – М.; Л., 1933 (б).
- Самойлович А.Н.* Тюркология и новое учение о языке // Сб.: Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. XLV. – М.; Л., 1935.
- Самойлович А.Н.* Богатый и бедный в тюркских языках // ИАН СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 4.
- Самойлович А.Н.* К какой из турецких литератур относить роман XIII в. “Иосиф и Зулейха”? // Под. текста и публ., вступ. ст. Г.Ф. Благова // Rocznik Orientalistyczny. 2002. t. LIV, z. 2.
- Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. Г.Ф.Благова, Д.М.Насилов. – М., 2005.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.
 ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее.
 ЛИЖВЯ (ПИЖВЯ) – Ленинградский институт живых восточных языков (Петроградский институт живых восточных языков).
 НАЧГИН – Научный архив Чувашского гос. института гуманитарных наук.
 ПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал ГУ Архив Российской Академии наук.
 РНБ – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (С.-Петербург).
 ТС – Тюркологический сборник.

KEY WORDS: linguistic historical conception, Petrograd oriental studies, turanism, jafetism.

SUMMARY. The article dispels some ideas which are not peculiar to Samoylovich A.N. The author managed to restore his research on history of Middle Asian Turks' literature and the history of literary languages, introduce documental clarity and additions into interpretation of formation of his linguistic historical and historical philological conception. The essence of the new language theory was revealed.

Г.П. МЕЛЬНИКОВ И ТЮРКОЛОГИЯ

*В.Г. Гузев, Санкт-Петербург;**Д.М. Насилов, Москва*

Ключевые слова: системная лингвистика, типология, когнитивная функция, психолингвистические процессы предикации.

В 2008 г. исполнилось восемьдесят лет со дня рождения доктора филологических наук профессора Г.П.Мельникова, оригинального и многогранного лингвиста-мыслителя, создателя одного из своеобразных направлений современного теоретического языкознания – синтезирующего учения о системной лингвистике и системологии, выросшего из творческого освоения научного опыта преимущественно отечественной лингвистики. Законченное представление о лингвистическом вкладе Г.П.Мельникова дает его посмертно опубликованная монография «Системная типология языков: Принципы, методы, модели», в которой широко используются факты тюркских и других алтайских языков [Мельников 2003].

Богатое научное наследие Г.П.Мельникова только начинает осваиваться, но, к сожалению, очень медленно, однако вклад ученого в понимание строя языков разной типологии, несомненно, впечатляющ, и его идеи находят всё большее подтверждение на конкретном материале языков, в том числе и урало-алтайских, описанию которых посвящен большой цикл его работ за 1961–1999 гг. Уделив в этих разработках особое внимание строю агглютинативных языков, Г.П.Мельников чаще всего обращался к материалу тюркских языков как наиболее представительным в многочисленной семье агглютинативной языков.

Таким образом оказалось, что именно грамматический строй тюркских языков получил в работах Г.П.Мельникова всестороннюю характеристику, причем в сферу интересов ученого попали все подсистемы этих языков: фонетика с фонологией, морфология, синтаксис, лексика, одновременно затрагивались и соответствующие прикладные вопросы – проблема алфавитов, графики, орфографии, перевода, автоматического анализа текста и др.

Здесь уместно сказать несколько слов о состоянии теоретических разработок в тюркском языкознании. Российская тюркология как самостоятельная, отдельная область лингвистики, как научная парадигма сформировалась во 2-ой пол. XIX в.– нач. XX в. В системе тюркологических теоретических взглядов в это время определилось несколько направлений, которые мы называем «казанской», «петербургской» и «московской» школами, но главной фигурой в данный период был, несомненно, акад. В.В.Радлов, последователи которого работали в каждой из указанных школ.

«Радловский период» закончился с революцией 1917 г., коренным образом изменившей общественный строй в стране и определившей новую идеологическую платформу развития науки. В тюркологии, в частности, на основе последней были сформированы задачи так называемого «языкового строительства», развернувшегося с 20-х гг. XX в. на просторах образовавшегося Советского Союза.

В период существования Советского Союза в отечественной тюркологии сложилась определенная система взглядов и представлений, в рамках которых были сформированы важнейшие положения теоретической грамматики тюркских языков и решались многочисленные прикладные задачи. В этот период также четко определилось одно из направлений научных исследований: историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков [Кононов 1977: 15].

Необходимо особо отметить достижения российских лингвистов в области сравнительно-исторического исследования тюркских языков: реконструкция их исторической фонетики и морфологии была реализована в трех независимых друг от друга целостных концепциях: А.М.Щербака (5 монографий, 1970–1994), Б.А.Серебрянникова и Н.З.Гаджиевой (1979; 1986), а также группы тюркологов под руководством Э.Р.Тенишева, которая опубликовала 6 томов под общим названием «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1984–2006). В то же время проводилось исследование конкретных грамматических категорий в историческом аспекте. Продолжалось изучение диалектов тюркских языков и обобщение результатов диалектологических исследований, публиковались и анализировались письменные памятники.

Кстати, следует заметить, что модные в 50–70-е гг. теоретические течения в общем языкознании (типа структурализма в его крайних проявлениях и генеративной грамматики) практически не нашли отражения в работах российских тюркологов, они опирались на традиционные методы сравнительно-исторической грамматики и на структурно-описательные приемы интерпретации языковых фактов.

Общественно-политические и социально-экономические изменения, произошедшие в стране после 1991 г., когда перестало существовать единое государство, сказались отрицательным образом и на судьбе тюркологии, поскольку первым оказалось разрушенным единое научное пространство. Все эти события повлекли за собой, естественно, серьезные изменения в структуре тюркологической научной парадигмы.

На фоне фундаментальных достижений более скромными представляются результаты работы в сфере теоретической грамматики тюркских языков и их типологии; здесь мы видим только редкие разработки, среди которых в первую очередь следует упомянуть, на наш взгляд, публикации Н.А.Баскакова, Б.А.Серебрянникова, С.Н.Иванова, М.А.Черкасского, Э.А.Груниной, В.Г.Гузова, И.В.Кормушина.

Сюда же принадлежат и работы Г.П.Мельникова. Характерно, что и в перечне направлений отечественной тюркологии у А.Н.Кононова специально не выделены проблемы формирования грамматического строя тюркских языков, его грамматических категорий, определения его характерологических особенностей как языка агглютинативного, сравнительно-сопоставительной типологии тюркских языков; проблемы алтаистики для тюркологов всегда воспринимались и воспринимаются исключительно в плане генетических связей прежде всего между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Насколько нам известно, в отечественной тюркологии только Н.А.Баскаков специально занялся указанными выше вопросами глубокой истории и типологии тюркских языков, изложив результаты этих изысканий в трех фундаментальных монографиях: «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков» (1975 г.), «Историко-типологическая морфология тюркских языков» (1979 г.), «Историко-типологическая фонология тюркских языков» (1988 г.).

Концепция Н.А.Баскакова отличается завершенностью своих построений, что позволило ему охватить все уровни языка. Она базируется не на анализе «внешних форм» языка, а на исходном постулате о связи мышления и языка, поэтому языковые структуры рассматриваются им через призму логических категорий, и определяется соответствие грамматической системы этому логико-понятийному плану. Синтагматика всех уровней языка – это тот фундамент, на котором ученый строит свою концепцию о сущности строя тюркских языков в органической связи всех языковых уровней. «Все уровни тюркских языков тесно связаны между собой органическим изоморфизмом и зависят от синтаксического уровня, устанавливающего общий строй тюркских языков и определяющего его морфологическую структуру, которая, в свою очередь, служит базой, устанавливающей фонологические закономерности и специфические для тюркских языков типы фонологических структур» [Баскаков 1988, 8].

Структуру тюркских языков определяют, в конечном итоге, две фундаментальные синтаксические модели этих языков – атрибутивное словосочетание и реализующее предикацию предложение.

Эти две синтаксические единицы – типологические универсалии, присущие любому языку, ибо они покоятся на универсальных, общечеловеческих законах мышления. В построениях Н.А.Баскакова обращает на себя внимание своеобразное понимание основной функции языка: он ставит на первое место когнитивную функцию языка, т.е. «выражение им мысли, процессов мышления», предложение, по его мнению, – основная синтаксическая единица, реализующая законченную мысль и являющаяся единственным средством мышления и коммуникации [Баскаков 1975, 46]. Как видно, у него коммуникативная функция оказывается на втором месте.

Практически, в синтаксической концепции Н.А.Баскакова основной синтаксической единицей является атрибутивное словосочетание, построенное по законам тюркского синтаксиса: «определение + определяемое». Стоя на позициях гипотезы об изоморфизме всех ярусов тюркских языков (начиная с верхнего – синтаксиса), Н.А.Баскаков считает: «Морфологическая структура каждого слова, осложненного серией аффиксальных морфем, изоморфна структуре словосочетания, а в некоторых случаях и структуре предложения» [Баскаков 1979: 71]. Любое слово, каждую словоформу в языке организует и реализует фоно-фонологический уровень, на котором отношения между корневой и аффиксальными морфемами подчиняются закономерностям, изоморфным другим уровням [Баскаков 1988: 200–201]. Н.А.Баскаков признает тот факт, что аффиксальные морфемы генетически являются словами с самостоятельными значениями. В целом, из всех построений автора также следуют выводы о сущности строя тюркских языков в глубокой древности. «Структура тюркского слова позволяет гипотетически представить древний доагглютинативный строй тюркских языков как строй изолирующий, в котором абстрактные грамматические значения были образованы из знаменательных основ, которые, находясь в постпозиции по отношению к определяющей их основе, постепенно преобразовались сначала в элементы аналитической, а затем и в аффикс синтетической формы» [Баскаков 1979: 9].

Как видно, в трудах Н.А.Баскакова представлена действительно целостная концепция о структуре тюркских языков, всех их уровней, о предназначенности каждой из категорий; и эта целостность базируется на исходной идее о единстве мыслительных операций (логических категорий), находящихся в этих языках выражение и в атрибутивных, и в предикативных синтагмах.

Других тюркологов интересовали более частные вопросы: происхождение отдельных показателей конкретных морфологических категорий; становление ряда категорий, их формальное и содержательное развитие, сопоставление с категориями других алтайских языков и пр. Обобщенные глоттогенетические вопросы или общеграмматические реконструкции языкового типа остались вне поле зрения наших тюркологов.

На этом фоне особенно показательны достижения Г.П.Мельникова, продемонстрировавшего в рамках созданной им системной типологии комплексную теорию языка и, применительно к нашей теме, основы языковой системы агглютинативных языков алтайской семьи, и в частности тюркских языков. Проникновение в типологию, структуру этих языков основывается у Г.П.Мельникова на глубоком изучении объемного лингвистического материала, представленного в работах отечественных и зарубежных тюркологов, того материала, который был освоен тюркологией в рамках упомянутой выше второй тюркологической научной парадигмы. Однако у Г.П. это было не только пополнение базы разнообразных лингвистических данных, это было осмысление языковых фактов на основе сложившейся философской научной концепции, выработанной ученым благодаря синтезирующему подходу к освоению научных данных.

В подтверждение исключительной важности методологических оснований любой научной теории или гипотезы сошлемся на высказывание В.М.Павлова, германиста и психолингвиста, чье имя и чьи работы по теории языка вспоминает Г.П.Мельников, говоря об общеметодологическом понятийном базисе своей системной типологии языков [Мельников 2003: 38]. В.М. Павлов писал: «Уровень ясности и определенности научной мысли на всех этапах ее развития, ведущего к известному результату в виде научного знания, а вместе с тем и доступность анализа проблемы и его итогов критике существенным образом зависят от эксплицитности анализа проблемы начиная с исходных предпосылок, на которых он основывается. Исходность всяких исходных предпосылок, разумеется, относительна. Несомненно, однако, что изначальной предпосылкой всякого языкознания является существование языка. Это очевидно. И из этой очевидности следует, что способы постановки лингвистических проблем любого уровня обобщенности, от наиболее глобальных до самых частных, зависят в конечном счете от того, как понимается объект языкознания, от того, каким образом лингвист отвечает на вопрос о характере его существования («где» и «как» существует язык?), какими представлениями о системности этого объекта лингвист руководствуется в своей деятельности, выделяя в нём для исследования определенные элементы, подсистемы, «уровни», аспекты. Не нуждается в доказательствах весьма непосредственный характер зависимости представлений о природе языка от методологических позиций, из которых исходит тот или иной исследователь, та или иная лингвистическая школа» [Павлов 1985: 3–4].

Г.П.Мельников начал создавать свою системную типологию с построения методологического базиса, основанного помимо оригинальных собственных разработок ученого на синтезирующем обобщении тех достижений мировой лингвистики, которые особое внимание обращали на так называемый «человеческий фактор» в языке. Об этом не раз и пространно писал сам Г.П.Мельников, а также интерпретаторы его концепции [см.: Зубкова 2003]. Три титана мировой лингвистики: В.фон Гумбольдт, А.А.Потебня, И.А.Бодуэн де Куртенэ – вот три кита, на которых покоится общелингвистическая концепция Г.П.Мельникова.

Судя по публикациям, лингвистическая системология применительно к строю агглютинативных языков сложилась у ученого к концу 50-х – началу 60-х гг. XX в., поскольку в 1961 г. под грифом Института атомной энергии им. И.В.Курчатова была им издана работа о принципах сингармонистической огласовки тюркских аффиксов, на основе которой сделана публикация в «Вопросах языкознания» [Мельников 1962: 31–53] – «Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках». В статье используются материалы 40 языков и диалектов. Особенности их сингармонических систем соотносятся с результатами акустического анализа гласных и со статистикой проявления губной гармонии в разных языках. Г.П.Мельников и позднее обращался к проблемам сингармонизма в алтайских языках и даже в своей докторской диссертации отвел этому явлению несколько глав. Это вполне объяснимо, поскольку сингармонизм выступает как фундаментальное свойство агглютинативных языков.

Изучение сингармонизма дополнялось глубоким анализом морфологических категорий тюркских и других алтайских языков. Г.П.Мельникова интересуют разные аспекты тюркской морфологии: именное и глагольное формообразование, особенности падежной системы, структура и содержание морфологических категорий, грамматический статус изобразительных слов, функции служебных слов и пр.

Одновременно выстраивается синтаксическая составляющая тюркского языкового строя, в которой особое место Г.П.Мельников отводит психолингвистическим процессам предикации. Интересно отметить, что по данному вопросу он вступает в полемику с приведенной выше точкой зрения Н.А.Баскакова [Мельников 1968].

Как нам представляется, полная картина типологии тюркских языков у Г.П.Мельникова складывается во второй половине 60-х гг. Так, в июне 1968 г. на Тюркологической конференции в Ленинграде он выступает с докладом о детерминантном анализе грамматического строя тюркских языков [ТС-1971: 284–286].

Строй тюркских языков рассматривается Г. П.Мельниковым как система, определяющей чертой (детерминантой) которой является «принцип экономии аффиксов», обуславливающий важнейшие особенности языка на всех уровнях. Из этого вытекают некоторые выводы, объясняющие способы функционирования тюркской грамматической системы.

При тенденции к экономии аффиксов чистый корень должен в определенных контекстах функционировать как самостоятельное слово. Экономия в оформлении корней ведет к необходимости выражения части грамматической информации с помощью корней и, следовательно, к увеличению числа корней в высказывании. Возрастает роль строгого порядка слов, общего контекста, опоры на «логику вещей». Эффективность выражения грамматической информации позиционными средствами делает не только излишней, но и «вредной» специализацию слов по частям речи. Это, в свою очередь, предполагает сведение всех типов синтаксических отношений к возможному минимуму: уточняемое — уточнение и тема — рема. Требование членораздельного произношения корневых цепочек приводит к необходимости наличия гласных и согласных в корне, а увеличенный (по сравнению, например, с русским) состав корней в высказывании ведет к укорачиванию длины корней. Отсюда — тенденция к их однослоговости. Аффиксы, которые хотя и экономно, но добавляются к корням, также должны быть членораздельными и, следовательно, по рассмотренным причинам тяготеть к однослоговости.

Потребность исключения из слова любого грамматического значения, выраженного аффиксами, если соответствующая информация стала очевидной из контекста, приводит к необходимости закрепления за аффиксами минимума грамматических значений, а сами аффиксы должны легко вычленяться из любого места цепочки морфем и легко объединяться в цельнооформленное слово. Для легкости вычленения аффиксов в языке развиваются средства, обеспечивающие прозрачность морфемного стыка, отсутствие фузии согласных, а нагрузка по обеспечению цельнооформленности слова падает на гласные, и в связи с этим развивается гармония гласных. Функциональная роль чередования гласных делает необходимой ясность акустической противопоставленности гласных, что приводит к развитию богатых по составу симметричных систем гласных.

Корень как обязательный компонент слова должен быть максимально распознаваем и потому акустически максимально стабилен; сингармонически варьироваться могут лишь гласные аффиксов. Но состав согласных в аффиксах не должен препятствовать варьированию гласных, поэтому в аффиксах должны легко закрепляться акустически «податливые» согласные, такие, как сонорные. Наоборот, сингармоническая независимость корня должна сопровождаться очевидностью его сингармонической принадлежности как ведущего звена в цепи, поэтому согласный первого слога должен сам помогать первому гласному задавать нужный сингармонический тембр. Сонорные в этой роли выступать не могут, и в процессе эволюции тюркского строя они должны были в начале корня исчезнуть или превратиться в несонорный согласный. Второй согласный корня находится в противоречивом положении, поэтому здесь лишь в определенных случаях наблюдаются переходы сонантов в несонанты, например, $p > z$ или $l > ш$.

Детерминантный анализ позволяет объяснить и другие особенности строя тюркских языков. При этом вычленимость фразы в потоке фраз наиболее эффективна в тех случаях, когда совпадающие или соотносимые части темы и ремы охватывают высказывание как скобками. Поэтому желательно, чтобы уточняющие элементы ремы стояли перед уточняемыми, а необходимость однотипности синтаксических структур распространяет это правило на любые атрибутивные цепи. Отсюда же вытекают тенденция к однотипности интонационного рисунка тюркской фразы, стремление вложить сложную мысль в рамки унифицированной структуры атрибутивной ремы и все другие характерные черты тюркского строя.

Таким образом, знание детерминанты и учет как структурной, так и субстантной информации позволяют убедиться в том, что все в языке системно взаимообусловлено, и изолированное рассмотрение только одного яруса языка в настоящее время уже недостаточно эффективно.

В таком виде представляет Г.П. Мельников тюркский языковой строй в его системной обусловленности.

В мае 1969 г. на Первой алтаистической конференции в Ленинграде ученый делает доклад «Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики». В нём он формулирует 16 положений, вытекающих из детерминантного анализа строя языков алтайской семьи [Мельников 1971]. Детерминанта, объединяющая все алтайские языки, также формулируется как тенденция к экономии служебных элементов. Далее Г.П.Мельников демонстрирует различие отдельных групп языков, объясняемое степенью настроенности по детерминанте экономии служебных элементов, т. е. фазой адаптации по этой детерминанте, так как исходные состояния алтайских языков не могли быть при этом различными. В докладе было представлено 9 позиций, по которым расходятся эти языки в

фонетике, морфологии и лексике. Наивысший уровень оптимизации по алтайской детерминанте демонстрируют тюркские языки.

Вообще вопрос о неравномерном развитии алтайских языков поднимался, начиная с В.В.Радлова, многими учеными, также выдвигавшими тезис об ускоренной эволюции тюркских языков на фоне прочих алтайских. Рассмотрение развития строя алтайских (и шире – урало-алтайских) языков в соотносительном плане было в свое время стимулировано теорией агглютинации грамматических показателей, восходящей к Ф.Боппу, который отталкивался от исторической последовательности морфологических типов языков. Перенос данной теории на урало-алтайские языки привел к попыткам соотнести уровень развития агглютинации в этих языках с уровнем их абсолютного исторического развития. В связи с этим можно упомянуть имена Г.И.Рамstedта, Б.Я.Владимирцова, Е.Д.Поливанова, К.Менгеса, Г.Д.Санжеева. Эти ученые или просто констатируют возможность такой эволюции языков, или, опираясь на подобную тенденцию, видят в строе тюркских языков прообраз развивающихся в данном направлении монгольских языков; во всех случаях лучше сохранившими «древние» черты алтайских языков вообще оказываются тунгусо-маньчжурские языки. Идея о прогрессивном развитии тюркских языков живет в современных исследованиях, хотя их авторы часто и не приводят каких-либо аргументов для ее обоснования. И только в системной типологии Г.П.Мельникова мы видим детальное и аргументированное обоснование возможного пути расхождения алтайских языков, если считать их генетически родственными.

Опираясь на понятие детерминанты алтайских языков как «тенденции к экономии служебных элементов» и учитывая уровень адаптации по ней групп языков ученый подошел к вопросу о соотношении генетических и типологических схождений языков внутри алтайской семьи. «Если алтайские языки генетически родственны, то их различие должно объясняться в первую очередь степенью настроенности по детерминанте экономии служебных элементов, т.е. фазой адаптации по этой детерминанте, так как исходные состояния алтайских языков не могли быть при этом различными ... Какая из этих фаз соответствует большему уровню адаптации, а какая – меньшему, мы легко определим, зная детерминанту» [Мельников 1971: 70]. Наибольший уровень настроенности по данной детерминанте проявляется в тюркских языках, меньший – в монгольских и наименьший – в тунгусо-маньчжурских языках. «Этим легко объясняется тот факт, что в тюркских языках ... число аффиксов меньше, чем в монгольских, а в монгольских меньше, чем в тунгусо-маньчжурских», и обратным выглядит соотношение аффиксации с «полнозначными словами в полуслужебной роли» [Мельников 1971:74]. В серии дальнейших публикаций Г.П.Мельников продолжал развивать указанные положения, приводя новые дополнительные материалы и факты из разных урало-алтайских языков, которые демонстрировали проявление выявленной им детерминанты.

В упомянутой монографии 2003 г., обобщающей результаты его многолетних штудий, мы видим стремление Г.П.Мельникова подвести еще более прочный методологический фундамент под свою концепцию. Неслучайно, именно теоретическим вопросам в этой монографии отведено исключительное место. Понятие о внутренней детерминанте языка дополнено в этой работе понятием внешней детерминанты, связанной, в конечном счете, с социальной функцией языка и жизнью языковых коллективов. Сочетание этих параметров позволяет Г.П.Мельникову показать развитие грамматического строя языков разных типологических семей – инкорпорирующих, флективных,

агглютинативных и изолирующих в рамках стаднальной шкалы, а также непротиворечиво объяснять особенности каждого языкового типа.

Г.П.Мельников связывает формирование агглютинативного строя алтайских языков и его специфику с кочевым образом жизни древнейших алтайских народов. Образ жизни древних кочевников-алтайцев определяет, по мнению ученого, свойства коммуникации в кочевом обществе. Он считает, что для успешной коммуникации в условиях кочевого образа жизни самой важной чертой внутренней формы языка агглютинативного типа был «качественно-признаковый ракурс» изображения описываемого сюжета (ситуации, положения дел). Древние алтайцы-кочевники кочевали, например, по знакомым им пастбищам, то есть эти природные объекты были хорошо известны коммуникантам. Однако свойства объектов могли меняться за время перерывов в общении (например, при кочевании с зимних на летние пастбища). Эти изменения были важны для кочевников, именно новые свойства соответствующего субъекта или объекта представляли интерес для них. Такие перемены воспринимались как *новые атрибуты*, новые качественные характеристики этих природных явлений. Иначе говоря, коммуникант-кочевник был заинтересован прежде всего в сведениях о признаках, которые оказались ценными для сообщества кочевников, стали для них важными в социальном плане [Мельников 2003: 121–122].

Равным образом Г.П.Мельников связывает инкорпорацию и флексию в языке с образом жизни носителей таких языков и свойствами коммуникации в среде их обитания. На первый взгляд, данные гипотезы Г.П. Мельникова кажутся необычными и маловероятными. Однако, как нам представляется, они интересны уже тем, что детально обсуждают вопрос о генезисе языков разного типа.

Если нам признать достоверность некоторых построений Г.П.Мельникова и с его точки зрения посмотреть на грамматику, например, тюркских языков, то мы можем отметить следующие особенности их морфологии. На этой основе позволим себе высказать несколько гипотез. В данном случае следует помнить, что здесь речь идет о глубокой реконструкции, о древнейшей истории языков, о прототюркском периоде, а с точки зрения тюркского этногенеза, мы имеем дело с тюркскими протозтносами.

Прежде всего, обратим внимание на наличие в тюркских языках грамматической (морфологической) категории эвиденциальности. Эта категория есть языковая кодировка источника информации [подроб. см.: Эвиденциальность 2007]. Любая эвиденциальная форма однозначно отвечает на вопрос, «каким ты пользовался источником знаний (иногда: какими доказательствами) о ситуации, событии, которое ты сообщаешь в высказывании», а проще – «откуда ты знаешь о данном событии». Эвиденциальность позволяет говорящему четко указать на источник информации в качестве объективной или субъективной истины. Возникновение этой категории и устойчивое ее сохранение в большинстве тюркских языков можно объяснить именно тем фактом, что при прерывистом общении для кочевников было важно знать, откуда говорящий получил свои знания о событии (видел это сам или узнал откуда-то). Видимо, не случайно, значение эвиденциальности связано, как правило, с прошлыми событиями. Эта категория четко прослеживается в оппозиции форм прошедших времен (типа *-ди-*: *-миш/-ган-*). Как показывают новейшие исследования, в алтайской семье только тюркские языки реализуют эту оппозицию последовательно и в наиболее полном объеме. Категория менее представлена в тунгусских языках, еще менее – в монгольских языках.

Последнее обстоятельство можно интерпретировать в том плане, что тюркский протоэтнос формировался именно как кочевой в степной среде Центральной Азии, а монгольский протоэтнос обитал в иных условиях (в речных долинах и болотах Восточной Азии). Эти условия жизни протомонголов требовали уже отражения в предикате динамики процессов, а не их качества.

Другая особенность тюркских языков – это исключительная роль глагольных имен в формировании видовременной системы. Реконструкция древнейшего статуса глагольных категорий в тюркских языках позволяет показать, что эта система развивалась благодаря грамматикализации предикативных функций глагольных имен. Таким образом, можно заключить, что в истории тюркских языков наблюдается период, когда квалификация описываемого предикатом события (ситуации) осуществляется в качественно-количественных параметрах как некое его свойство, связанное с особенностями протекания самого процесса, причем локализация этого свойства в параметрах времени и отчасти пространства до какой-то поры оказывается для носителей языка несущественной для полноты коммуникации. Создается впечатление, что говорящих больше всего интересовали качественные и количественные проявления в описываемом событии-ситуации, качественная характеристика изменений в состоянии участников ситуации, внесенных событием, а не локализация последнего относительно точки коммуникативного акта.

Еще одна яркая черта тюркской морфологии – это наличие так называемых вспомогательных (или служебных) глаголов, с помощью которых выражаются разнообразные способы действия. Качественно-количественная детерминация процесса-предиката также связана с качественной характеристикой предиката в тюркском предложении. В рамках теории Г.П.Мельникова получает объяснение и эта примечательная особенность алтайских языков; в связи с этим он пишет следующее: «Служебные морфемы абстрактнее корневых, поэтому они должны присоединяться к корню в виде суффиксов, а не префиксов. И эта черта, также являющаяся следствием детерминанты, – одна из характерных для языков агглютинативного типа с детерминантой экономии служебных элементов. Хотя семантика корня конкретнее семантики служебного элемента – аффикса, тем не менее, степень конкретности корней также неодинакова. Поэтому самые абстрактные из них, хотя и оформленные аффиксами, естественно должны очень часто попадать в постпозицию по отношению к более конкретным корням и выполнять при этом полуслужебную или служебную функцию. Действительно, во всех урало-алтайских языках широко представлен ... также класс промежуточных единиц: служебных глаголов, служебных имен и, наконец, послелогов. Все они, как единицы более абстрактные по отношению к “обслуживаемым” единицам, позиционно размещаются за ними и служат резервом пополнения состава аффиксов» [Мельников 2003: 345].

Таким образом, фактическое распределение средств выражения способов глагольного действия по алтайским языкам хорошо согласуется с построениями системной лингвистики в отношении настроенности трех групп языков по алтайской внутренней детерминанте, и это также позволяет по-новому взглянуть на историю развития грамматического строя этих языков.

Представленное краткое изложение взглядов Г.П.Мельникова на грамматический строй тюркских языков как ярких представителей языков агглютинативной типологии, на его историю и формирование, на конкретное проявление закономерностей фонетической и фонологической структур, а также особенностей тюркской морфологии и синтаксиса демонстрируют обширность подходов и глубину проникновения ученого в сущность языковой системы

агглютинативного языка. Около 40 специальных публикаций посвятил ученый проблемам тюркологии; помимо рассмотрения конкретных задач тюркской фонетики, морфологии и синтаксиса он поднял в них важнейшие методологические проблемы общетеоретического, общезыковедческого плана, решение которых всё еще продолжает оставаться актуальной задачей не только современной тюркологии, но и общего языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1975.
- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979.
- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М.: Наука, 1988.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Заметки на полях сочинения В.В.Радлова // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избр. труды по общему языкознанию: Т.П. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С.175–186.
- Гузев В.Г.* А.Н.Кононов – педагог, ученый, историк науки // Тюркологический сборник: 2006, – М.: Вост. лит-ра, 2007. – С.23–25.
- Зубкова Л.Г.* О главном лингвистическом труде Г.П.Мельникова // Г.П.Мельников. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – М.: Наука, 2003. – С.6–17.
- Кононов А.Н.* Современное тюркское языкознание в СССР: Итоги и проблемы // Вопр. языкознания, 1977, № 3. – С.13–26.
- Мельников Г.П.* Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках // Вопр. языкознания, 1962, № 6. – С. 31–53.
- Мельников Г.П.* Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1968. – С.116–125.
- Мельников Г.П.* Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 65–76.
- Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – М.: Наука, 2003.
- Павлов В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, 1985.
- ТС-971 – Тюркологический сборник: 1971 / Отв. ред. А.Н.Кононов. – М.: Вост. лит-ра, 1972. – С.284–286.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. статей памяти Н.А.Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский.* – СПб.: Наука, 2007.

KEY WORDS: systematic linguistics, typology, cognitive function, psycholinguistic processes of predication.

SUMMARY. Professor Melnikov G.P. (PhD) created one of the original schools of modern theoretical linguistics – synthesized theory of systematic linguistics and systemology. Melnikov's achievements in integrated language theory which was created on the basis of his systematic typology are of special interest; there he researched bases of lingual system of agglutinative languages of Altai family, particularly of Turkic languages.

***

ЭДГЕМ РАХИМОВИЧ ТЕНИШЕВ КАК ЭТНОГРАФ

А.М.Решетов, Санкт-Петербург

Ключевые слова: врачебная деятельность, доланы, желтые уйгуры, камлание, лобнорцы, собирательная деятельность, чингизиды.

На формирование тюркологических интересов юного Эдгема Тенишева сильное влияние несомненно оказала семья и окружение. Он родился в г.Пензе в состоятельной татарской семье 25 апреля 1921 г., он прекрасно знал свою генеалогию и гордился ею: он происходил из старинного дворянского рода, восходящего к чингизидам улуса Джучи! В 1944 г. он был принят на первый курс кафедры тюркской филологии восточного факультета ЛГУ, только что выделенного из состава филологического факультета. Учителя у него были отменные: кафедру возглавлял тогда крупный тюрколог член корреспондент АН СССР проф. Н.К.Дмитриев (1898–1954), научные интересы которого распространялись на диалектологию и фольклористику. Ведущее положение на кафедре занимал тогда также член-корреспондент АН СССР проф. С.Е.Малов (1880–1957). Это был высококлассный представитель отечественного востоковедения: он в 1904 г. блестяще закончил Казанскую духовную академию, в 1909 г. – арабско-персидско-турецкий разряд факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. Огромное влияние на формирование С.Е.Малова как тюрколога оказали занятия с акад. В.В.Радловым. Директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук акад. В.В.Радлов высоко ценил способности С.Е.Малова, а потому, пригласив его в 1909 г. на работу в Музей, отправил его от Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии в научную экспедицию в северо-западные районы Китая, где С.Е.Малов в течение двух лет изучал языки, фольклор и этнографию тюркских народов. В 1913–1915 г. С.Е.Малов повторно посетил эти районы. В итоге им был собран громадный ценнейший материал и в том числе этнографические коллекции. В 1917 г. С.Е.Малов вместе с акад. В.В.Радловым в серии “Biblioteca Buddhica” издал “Сутру золотого блеска”. Как профессор ЛГУ С.Е.Малов оказал большое влияние на формирование научных интересов студента Эдгема Тенишева. Не случайно темой его кандидатской диссертации стал грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению “Золотой блеск”. Естественно, студент и позже аспирант Э.Р.Тенишев слышал от своего учителя много подробных рассказов в домашней непринужденной обстановке о его путешествиях по селениям тюркских народов Северо-Западного Китая: уйгуров, саларов, желтых уйгуров (сарыг-югуров). Разве эти полные научной поэзии новеллы могли не волновать молодого ученого? В это же время на той же кафедре преподавала диалектолог, фольклорист и этнограф О.И.Иванова-Шацкая (1897–1973), занятия с которой высоко ценил Э.Р.Тенишев. Как С.Е.Малов, так и

О.И.Иванова-Шацкая являлись одновременно преподавателями кафедры этнографии (зав. кафедрой проф. И.Н.Винников), которая в 1944–1949 гг. существовала в структуре восточного факультета ЛГУ. Курс по этнографии народов СССР читал в то время член-корр. АН СССР проф. Д.К.Зеленин, по этнографии тюркских народов проф. С.Е.Малов и О.И.Иванова-Шацкая, лекции которых приходил слушать и Э.Р.Тенишев, что в те годы в университете было обычным явлением. Например, студенты разных факультетов валом валили на исторический факультет, когда проф. С.Б.Окунь “убивал императора Павла”. Таким образом, можно утверждать, что еще в студенческие годы Э.Р.Тенишеву был привит глубокий интерес к этнографии и фольклористике.

22 июня 1953 г. по приглашению Н.К.Дмитриева Э.Р.Тенишев вместе с молодой женой кандидатом филологических наук Еленой Александровной переезжает в Москву на должность младшего научного сотрудника-кандидата наук в Институт языкознания АН СССР. Здесь перед ним открывались новые горизонты для большой самостоятельной работы в творческом коллективе московских тюркологов.¹ Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает...

В начале 1956 г. Руководство Академии общественных наук и Министерство высшего образования КНР обратились в АН СССР с просьбой прислать специалиста по тюркским языкам для оказания помощи в изучении тюркских языков страны и подготовки квалифицированных научных кадров, способных работать в области тюркологии. Выбор советской стороны пал на Э.Р.Тенишева. Дав согласие на работу в Китае, Э.Р.Тенишев отправился в Ленинград для консультации с С.Е.Маловым. Сергей Ефимович одобрил планы своего питомца и дал весьма ценные советы, которые в недалеком будущем сослужили ему добрую службу. Уже 9 июня 1956 г. Эдгем Рахимович вылетел в Пекин. Руководство Института языкознания АОН и Центрального института национальностей КНР познакомили с предложениями по плану на 1956 г.: предполагалось уже в 20-х числах июля отправиться в Урумчи – столицу Синцзян-Уйгурской автономной области, где состоится научная конференция по тюркским языкам Китая, а затем совершить поездку по намеченному плану в пределах региона, где основное население составляют уйгуры, после чего переехать в провинции Ганьсу и Цинхай к желтым уйгурам и саларам.²

Первые полтора месяца пребывания в Пекине были заняты у Э.Р.Тенишева знакомством с Институтом, с учеными, с состоянием тюркологии в Китае, подготовкой к столь длительной и ответственной поездке по северо-западу страны. Нет особого смысла останавливаться на конкретных аспектах деятельности Э.Р.Тенишева в Китае в 1956–1958 гг., поскольку, как отмечалось выше, они нашли отражение в его книге “У тюркских народов Китая (Дневники

¹ Об этом периоде жизни и деятельности Э.Р.Тенишева подробнее см.: *Тенишева Е.А. Эдгем Рахимович Тенишев // Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004.* – М., 2005. – С.6–35.

² Своей поездке в Китай Э.Р.Тенишев посвятил специальную книгу. О его пребывании в КНР подробнее см.: *Тенишев Э.Р. У тюркских народов Китая (Дневники 1956–1958 гг.).* – М., 1995. – 239 с.

1956–1958 гг.)³. Я вижу свою задачу в том, чтобы на отдельных примерах деятельности Э.Р.Тенишева в период его работы в Китае показать, насколько глубоко были этнографические интересы этого выдающегося ученого.

Первый этап его поездки – Синцзян-Уйгурский автономный район, где он находился с 24 июля по 27 декабря 1956 г. Как хорошо известно, в Синцзяне прежде побывали многие выдающиеся исследователи, оставившие свои описания этого региона, сообщившие сведения о языках, культуре и быте его населения. Поездка Э.Р.Тенишева состоялась спустя почти 40 лет после последнего из них, и поэтому собранные им материалы приобретают особую ценность. Значительный научный интерес представили его этнографические наблюдения об озере Лобнор и лобнорцах, о которых упоминали или писали самые разные путешественники от Марко Поло до Н.М.Пржевальского и С.Е.Малова. Локализация этого озера у разных авторов не совпадала. Оказалось, что Лобнор – это редкий пример “кочующего” озера, положение и очертания которого зависят от режима питания впадающих в него рек – Тарима, Конче-Дарьи и Черчен-Дарьи. Большая часть лобнорцев, которых местное население называет лоптуками, живет, по свидетельству Э.Р.Тенишева, по дороге Лой-Мирсаль-Саддаам, они сами себя называют кыргызами или кара-кошунлук, а в селениях Башаякспу и Аякспу аксакалы называют себя монголами. У лобнорцев сохранились представления о своей родовой принадлежности. Э.Р.Тенишеву удалось зафиксировать, что роды йалла и кыргыз по языку близки к киргизам, а язык каракошунцев – к уйгурскому языку. Однако, несмотря на то, что некоторые из кара-кошунцев в уезде Лоб. переселившиеся сюда с Лобнора, говорят уже на чистейшем уйгурском языке, а по облику они скорее киргизы, нежели уйгуры. Такие наблюдения мог сделать только опытный языковед-тюрколог, обладающий способностью наблюдать и собирать этнографический материал.

Лобнорцы в середине XX в. жили уже дисперсно, и Э.Р.Тенишев занимается тем, что тщательно фиксирует их наличие и численность в каждой посещаемой им местности, различия в их занятиях и наборе сельскохозяйственных культур, определяемых наличием достаточного количества воды, или наоборот – ее недостатком. В описаниях предметов, данном Э.Р.Тенишевым, чувствуется острый внимательный взгляд. Например, на р.Тарим “видел лодки, выдолбленные из целого дерева. Они очень легки на воде, но неустойчивы. Я сел в лодку, она закачалась и вошла в воду, метров сто мы плыли очень быстро, работая одним веслом. В длину такая лодка (кемэ) бывает два с половиной–три метра, в ширину сантиметров пятьдесят у кормы и тридцать у носа. Большая лодка может вместить до 750 кг” (с.37). Более ранние авторы отмечали, что лобнорцы живут в камышовых домах (сатма): остов такого дома составляли тонкие бревнышки, обкладываемые камышом и обмазываемые глиной. Если летом в таком доме микроклимат был вполне приемлемый, то зимой в нем было просто холодно и никакой очаг не давал возможности согреться. Теперь такие дома Э.Р. встретил только в местечке Кюзлек, где поселились переселенцы из Карагача. Кстати, жителей Карагача по внешнему виду, согласно замечанию Э.Р.Тенишева, можно вполне принять за цыган. Теперь подавляющее большинство лобнорцев живут в глиняных домах простой кладки. Пол земляной, причем левая от входа его часть

³ Благодарю Е.А.Тенишеву за предоставление в мое распоряжение и в дар книг: Тенишев Э.Р. У тюркских народов Китая (Дневники 1956–1958 гг.). – М., 1995; Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004. – М., 2005.

несколько выше правой: здесь едят, принимают гостей и ночью спят. На правой части находится камин, с помощью которого зимой комната отапливается. Свет в жилище проходит, как и в сатме, через отверстие в потолке (*тонлюк*). В некоторых домах теперь иногда в левой стене дополнительно делается небольшое оконце. Для освещения ночью используется светильник (*чираг*) – небольшой фитилек, опущенный в животный жир. Вообще изменения происходят довольно быстро.

Если женщины по-прежнему одеты в длинные свободные платья и длинные шаровары, на голову накинута платок, спускающийся с плеч, то традиционную мужскую одежду (длинные белые рубахи и шаровары) уже носят только старики, молодежь под китайским влиянием – синие брюки и китель с накладными карманами. Однако это влияние повсеместное и неглубокое: Э.Р. отмечает, что в некоторых местах аборигенное население не говорит по-китайски. Религия у лобнорцев менее дает себя знать, нежели в других регионах: здесь нет местных святых (*эвлия*), мечети маленькие, женщины довольно свободны. Лобнорцы любят песни (*кошук*): поют мужчины и женщины, старые и молодые, поют песни традиционные и вновь созданные, сказки любят значительно меньше. И Э.Р. пытается осмыслить этот факт: “Можно предполагать, что в лобнорских селах существовали школы народных певцов, которые соперничали друг с другом, наподобие того, что мы видим в Казахстане или Киргизии. Не сказывается ли здесь еще одна черта предков лоптуков – казахов?” (с. 45). Э.Р. встретился с исполнителем кошук 105-летним Исмаилом Тонуком и записал его песни. Свое прозвище (*лакам*) Тонук (“Известный”) получил, победив в стихотворном состязании другого известного исполнителя – Тогу Нияза. Народ знает кошуки Исмаила Тонука наизусть. “Это в полном смысле Гомер Лобнорский” – восхищенно восклицает Э.Р. (с.46). У Э.Р. мы находим и мельком оброненную фразу: “Обычай левирата существует в Синцзяне повсеместно в селах и городах. О левирате у уйгуров, кажется, никто не писал” (с.50). Действительно, в литературе нет описания обычая левирата у уйгуров. К сожалению, нет его и в дневнике Э.Р.Тенишева.

Как и всякому путешественнику, имеющему запас лекарств, Э.Р. пришлось заниматься врачебной деятельностью. Так, одного он излечил от простуды при помощи коньяка и аспирина, ослабевшей женщине дал камфару, в засоренный глаз девочки закапал альбуцид... Всем становилось лучше, люди поверили в его могущество (с.40). Вот один из многочисленных примеров рождения веры в так называемые сверхъестественные способности отдельных личностей.

О доланах и прежде было известно в литературе, однако сведения Э.Р. о них имеют свою самоценность. Он побывал у них после С.Е.Малова – единственного, кто сделал записи по доланскому языку в районах Ай Коль и Горочел уезда Оват. По свидетельствам стариков, доланы, населяющие районы Овата, переселились сюда из Маралвеша. Они называют себя “доланы тридцати двух тысяч домов”. Теперь доланы ничем не отличаются от уйгур: ни в языке, ни в пище, ни в одежде. Своей энергией, большой подвижностью они скорее походят на лобнорцев. В чертах лица слегка улавливается что-то казахское” (с.78). Как отмечает Э.Р., доланы очень любят музыку, песни, пляски, причем танец долан не похож на уйгурский. Свадьба долан сопровождается музыкой, танцами. Когда увозят невесту в дом будущего мужа, ее арбу провозят несколько раз возле костра с песнями “Пусть ноги невесты будут огненными”. Доланы любят мешрепы, на

которые приходят старики и молодежь, в Овате активно участвуют в них и женщины, в Дёнмелле на вечере их не было. Мешрепы проходят разнообразно, весело, с шутками” (с. 85). Для Э.Р. специально организовали сеанс бахши (шамана), причем как сам бахши, так и трое музыкантов были не доланы. Сеанс состоял из трех частей: *авах, этти оюн, зияндаш*. В комнате, где проходило камлание было установлено несколько веточек, на которые были положены кусочки ваты и свисали привязанные к ним полоски в основном белой, но иногда и красной материи. Хотя бахши во время сеанса много орудовал ножом, “весь сеанс (он длился полтора часа. – А.Р.) носит здесь характер скорее народной игры, нежели какого-либо мистического действия. И действительно, после окончания сеанса начались танцы вокруг туга. Танцы эти носили такой же веселый характер, как и на мешрепе” (с.81). Справедливости ради отметим, что сейчас трудно сказать, действительно ли камлание у долан претерпело изменения и в середине XX века совершалось в упрощенной форме или именно в такой форме оно разыгрывалось специально по просьбе высокого гостя, чтобы продемонстрировать деградацию отживших традиций. Однако в других районах во время поездки Э.Р. еще встречались настоящие шаманы-врачеватели, которых называли бахши или авахчи (заклинатель).

В свое время о кучарских бахши писал только С.Ф.Ольденбург, и Э.Р.обратился к уйгурским коллегам с просьбой организовать сеанс камлания. Камлал бахши Тогу Нияз. Подростком он пастушествовал, но внезапно заболел нервной болезнью. Лечил его в Кучаре Хомул-бахши. После выздоровления юноша остался у него изучать искусство врачевания. В 19 лет он начал практиковать самостоятельно и теперь востребован: иногда приходится проводить сеансы 14–15 вечеров в месяц. “Посредине просторной комнаты послан палас из грубой шерсти с черными и серыми полосами. В центре его в земляном полу укреплен кол, к которому привязан один конец черной шерстяной веревки, другой конец веревки закреплен на толстой балке потолка. На высоте человеческого роста к веревке прикреплен белый платок. Еще выше бахши укрепил большую связку тонких разноцветных лент (хелем). Все сооружение носит название “туг”. Вокруг него совершается церемония” (с.62). В процессе камлания бахши использовал гиджак (музыкальный инструмент, похожий на скрипку), кетмень с пылающими углями, свечи (палочки, обернутые ватой), тонкий длинный нож и курицу. Во время сеанса играло трое музыкантов (дапкеша) на бубнах. И бахши, и дапкеша имеют своих покровителей-пери. Церемония камлания состояла из трех частей: сенем, тези, кызык. “Первые две части подготовительные и соответствуют начальным разделам народной симфонии – мукам. Третья часть – основная, составляющая саму суть шаманской мистерии “пери оюн”. Три названных части составляют одно отделение. В зависимости от состояния больного бахши может повторить его несколько раз” (с. 63). Во время сеанса лечил душевнобольного мужчину средних лет. Э.Р. в дневнике дает довольно подробное описание всех частей камлания, сопровождавшихся определенными действиями бахши, игрой дапкеша и танцами (с.62-67). Сеанс длился без малого четыре часа и вызвал у Э.Р. как настоящего ученого сравнения и размышления, в результате которых он пришел к определенным выводам: сибирский и уйгурский шаманизм – это два самостоятельных типа шаманизма, промежуточным между ними является шаманизм желтых уйгуров, известный по описанию С.Е.Малова.

Конечно, в статье невозможно перечислить все этнографические наблюдения Э.Р., сделанные в Синцзяне и отраженные в его дневнике. Важно подчеркнуть, что они представляют несомненный интерес для всех, кто изучает этнографию народов этого региона и прежде всего уйгуров. В их качестве сказались хорошая этнографическая подготовка, полученная Э.Р. в ЛГУ от его учителей: С.Е.Малова, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова, О.И.Ивановой-Шацкой.

Вернувшись в Пекин накануне нового 1957 г., Э.Р. вскоре обрел отличного консультанта по этнографии в лице выдающегося советского антрополога и этнографа Николая Николаевича Чебоксарова (1907–1980),⁴ также работавшего с 1956 г. в Пекине в Центральном Институте национальностей. Их знакомство состоялось 3 января 1957 г. на новогоднем приеме у заместителя директора Центрального Института национальностей Су Кэчина (с.129). С тех самых пор Чебоксаровы и Тенишевы стали довольно часто встречаться и беседовать. Связи двух семей укрепляли и супруги, работавшие в качестве преподавателей русского языка: Елена Александровна в Институте русского языка, а Ирина Абрамовна Чебоксарова (1919–1994) вместе с мужем.

Когда Э.Р. собирался вторично ехать к саларам, Н.Н.Чебоксаров нацеливал его не только на изучение этнографии этого народа, но и предлагал ему обучиться под его руководством методике антропологических измерений (с.208). От Н.Н.Чебоксарова Э.Р.Тенишев воспринял более широкий подход к изучению этнографических артефактов, наблюдая за его работой (с.209). В 1957 г. Э.Р. довелось работать у саларов, в 1958 г. – у желтых уйгуров. Дневниковые записи свидетельствуют о напряженной работе Э.Р.: изучая языки этих тюркоязычных народов Китая, систематически делая с этой целью записи текстов на языке саларов и желтых уйгуров, он не упускал случая записать фольклорные тексты, собирал сведения по ономастике, заносил в дневники этнографические наблюдения. Большой интерес представляет записанная им легенда о переселении предков саларов на нынешние земли из местности с названием Самарканд (с.177-178). Находясь в длительных контактах с соседними народами, прежде всего с дунганями и тибетцами, салары испытывали на себе их немалое влияние: в Бэйчжуане чувствуется влияние тибетского языка, а в Мучане – китайского, причем китайские слова иногда произносятся саларами точно по-китайски, а иногда согласно фонетике саларского языка. С дунганями у саларов сложились настолько близкие отношения, что очень часто устанавливаются взаимные браки, чему способствует общность религии: и дунгане, и салары исповедуют ислам (с.147, 169). Познакомившись с жилищем дунган и саларов, Э.Р.Делает вывод, что салары в быту многое восприняли именно от дунган, а не от китайцев (с.172). От пристального взгляда исследователя не ускользнуло и то, что салары дома не поют, а поют только в поле во время работы (с.153), что мотивы саларских песен не похожи на уйгурские, а напоминают скорее туркменские (с.155), как салары совершают “Ягмур сана” – обряд вызывания дождя (с.172-173) и многое другое. Некоторые этнографические наблюдения и записи сделаны Э.Р. впервые. Благодаря ему теперь науке известен “орух сёс” –

⁴ О Н.Н.Чебоксарове подробнее см.: Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте времени //Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – С.358–396.

“речь родственников” в день свадьбы, когда невесту провожают в дом жениха (с.180–181).

С особым интересом Э.Р. ждал поездки к желтым уйгурам: ведь ему предстояло ехать именно в те районы, где в свое время побывал его учитель С.Е.Малов. Как же было приятно убедиться уже в начале работы у этого народа в том, что старики еще помнят об этом русском ученом, бережно хранят его подарки. На семейно-брачные отношения у желтых уйгуров (китайское название *юйгу*) значительное влияние оказывают представления о своей родо-племенной принадлежности: мужчина не может уступать в брак с девушкой из своего рода. “Дети носят имя рода отца, но в родственных связях братья матери имеют больше прав, чем братья отца” (с. 216). Зафиксирован обычай, когда дочь при отсутствии братьев по достижении половой зрелости хотя и надевает положенные по данному случаю женские украшения (*кембеи*), но не выходит замуж, она в родительском доме свободно встречается с мужчинами, дети носят имя рода ее отца (с. 216–217). Таким образом, как мне представляется, осуществлялось сохранение хозяйства, продолжался род, ее родители и она сама в старости получали материальное обеспечение и моральную поддержку. Как отмечает Э.Р., этот обычай быстро уходит в прошлое. Юйгу исповедуют ламаизм, что сближает их с тибетцами. Они отправляются на поклонение в известные монастыри, не только в провинции Цинхай, но и в далекую Лхасу. Еще совсем недавно у них сохранялись обряды поклонения Небу и Воде (с. 216).

Описывая одежду юйгу, Э.Р.обратил внимание и на их украшения, причем по его наблюдениям, нефритовые браслеты на руке в качестве амулетов носят и мужчины (с. 223). Как и все ламаисты, юйгу не едят рыбу, хотя рыба в местных водоемах водится. Новая власть начала вести агитацию за употребление рыбы в пищу. Как всякий народ, юйгу нуждаются в своей письменности, но они вынуждены пользоваться тибетскими буквами, хотя тибетского языка не знают. Священные буддийские книги написаны по-тибетски тибетскими буквами, ламы у юйгу их читают, но смысла не понимают (с. 219).

Каждый читатель, а тем более исследователь, знакомясь с дневниками Э.Р., рассказывающими о его поездках к тюркским народам Китая, черпает из них новые дополнительные сведения. В науке сложилось устойчивое представление о кане – отопительной лежанке как характерной детали жилища Северного и Северо-Восточного Китая. Э.Р. прослеживает наличие кана в северо-западных районах у саларов, дунган, желтых уйгуров, тибетцев, а также у уйгуров Синцзяна, кроме Керии и Хотана, где короткая и теплая зима (с.109). В его записях имеются сведения о том, что в давние времена пустыня Такла-Макан была обитаема и там жили калмыки и китайцы (с. 105), а на севере Синцзяна в предгорьях Алтая живут тувинцы (*кокмунжак*) (с.200). Историк найдет в дневниках Э.Р. полезные конкретные сведения о жизни Китая 1956–1958 гг., которые помогут глубже понимать политику китайского руководства в то время – например, в частности, в вопросе о переводе письменности на латиницу. Из его дневников выясняется, что в 1956 г. планировалась советская археологическая экспедиция под руководством С.П.Толстова (с. 125). У Э.Р. было много знакомых среди китайских ученых, среди которых, пожалуй, самая колоритная фигура Бурхана Шахиди, казанского татарина, встречавшегося с С.Е.Маловым в Китае, достигшего в КНР высокого положения в правительственных органах, но продолжающего заниматься научной деятельностью (с. 127–131, 161–162).

Плодотворная двухгодичная научная и собирательская деятельность Э.Р.Тенишева в Китае, нашедшая отражение в его последующих трудах, дает право заслуженно поставить его имя в почетный ряд исследователей Центральной Азии от Марко Поло до Свена Гедина, С.Е.Малова и С.Ф.Ольденбурга. Сегодня невозможно представить себе ученого, работающего в области лингвистики, фольклора, этнографии народов этого обширного региона, который не был бы знаком с трудами этого выдающегося ученого.

Вернувшись в Советский Союз, Э.Р.Тенишев успешно трудился в Институте языкознания АН СССР, где в 1969 г. защитил докторскую диссертацию, а с 1963 г. возглавлял сектор тюркских и монгольских языков, в 1984 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Его труды в области тюркского языкознания являются значительным вкладом в науку и хорошо известны научному сообществу. Одновременно Э.Р. продолжал свои этнографические исследования, основанные на богатом фактическом материале, собранном в Китае. Уже в 1962 г. в журнале «Советская этнография» появляется его статья об этническом и родоплеменном составе юйгу.⁵ В этой работе впервые столь определенно показано, как протекает процесс ассимиляции народности желтых уйгуров под влиянием соседних народов. Потомки древних уйгуров, переселившиеся сюда из монгольских степей в 7-8 вв. н.э., ныне разделились на четыре группы: тюркоязычные сарыг-югуры, монголоязычные шира-югуры, а также небольшие тибето- и китаеязычные группы. Хотя все эти группы еще сохраняют представление о своем единстве в недалеком прошлом, отчетливо прослеживается их отличия друг от друга не только в языке, но и в материальной и духовной культуре. В 1964 г. он принимает участие в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве с докладом «Еще раз о происхождении лобнорцев»⁶. Плодотворно сказываются результаты дружбы с Н.Н.Чебоксаровым. Еще в 1957 г. Н.Н.Чебоксаров приглашает Э.Р.Тенишева принять участие в подготовке тома «Народы Восточной Азии». Он рецензировал ряд статей этого тома по народам Центральной Азии, в т.ч. по уйгурам, и принял в них участие как автор, написав статьи о сalaraх⁷ и о юйгу.⁸ Это первое в мировой этнографии монографическое описание этих двух малочисленных народов. В списке трудов Э.Р.Тенишева есть статьи о топонимике⁹ и фольклоре.¹⁰ для этнографов значительный интерес представляют работы Э.Р.о доланах,¹¹ о диалектах уйгурского языка Синцзяна,¹² о языке кыргызов уезда Фууй (КНР).

⁵ Тенишев Э.Р. Этнический и родоплеменный состав народности юйгу //Сов. этнография, 1962, № 1. – С.59–66.

⁶ Тенишев Э.Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. – М., 1964. – 9 с.

⁷ Тенишев Э.Р. Салары //Народы Восточной Азии. – М.; Л., 1965. – С.641–645.

⁸ Тенишев Э.Р. Юйгу. //Там же. – С.647–651.

⁹ Тенишев Э.Р. О значении слова Taklamakan // Труды Института языка и литературы АПН Казахской ССР, т. 2. Вопросы уйгурской филологии. – Алма-Ата, 1961. – С.38–40.

¹⁰ Тенишев Э.Р. О фольклоре сарыг-югуров //Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В.М.Жирмунского. – Л., 1973. – С. 367–369; *Его же*. Стихи кёкмунчаков //У времени в плену. Памяти С.С.Цельникера. – М., 2000. – С.313–314.

¹¹ Тенишев Э.Р. Доланы и их язык //Исследования по уйгурскому языку. 1. – Алма-Ата, 1965. – С.94–103.

¹² Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синцзяна //Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963. – С.136–151.

являемся фактически хакасским,¹³ о происхождении киргизов и их языка,¹⁴ о тувинцах Синцзяна¹⁵ и др. Одно из направлений отечественной и мировой этнографической науки – изучение шаманизма у народов мира, и статья Э.Р. о центральноазиатском шаманизме являет собой определенный вклад в исследование этой проблемы.¹⁶ Для этнографов много интересных и полезных материалов содержится и в других работах Э.Р.Тенишева, в том числе в его монографиях по языкам тюркских народов Китая.¹⁷

В заключение не могу не отметить исключительную уважительность отношения Э.Р. к своим учителям Н.К.Дмитриеву, С.Е.Малову, О.И.Ивановой-Шацкой, А.Н.Кононову, воспитавшим его как столь разностороннего ученого. Им он посвятил не только специальные статьи, но и во время пребывания в Китае неоднократно обращался к их памяти. 22 дек. 1956 г., находясь в Синцзяне у уйгуров, он записал в дневнике: “Сегодня два года после кончины Н.К.Дмитриева, замечательного ученого-тюрколога, моего дорогого учителя. Николай Константинович был не только тюркологом, но и славистом, овладел настолько ивритом, что учил еврейских детей. Хотел написать письмо его матери, но думаю, что лучше это сделать вместе с Аленой”” (с.125). Очень часто вспоминал он и С.Е.Малова, особенно во время пребывания у уйгуров и желтых уйгуров. Запись от 9 сентября 1957 г.: “Вручили телеграмму с печальной вестью – умер Сергей Ефимович Малов. Не верится! Не хочется думать, что ушел дорогой учитель. Как нам надо было встретиться и поговорить теперь, когда я прошел его путями в Китае, и выслушать его мудрые замечания и советы. Для меня он всегда будет живым. Я не провожал его, наш контакт не прервался, я просто живу и работаю вдали от него. Надо многое сделать во имя его памяти” (с.195).

У китайцев есть поговорка, что ученик должен продолжать дело учителей, пойти дальше. Своей жизнью и научной деятельностью Э.Р.Тенишев сполна реализовал этот народный завет.

KEY WORDS: the medical profession, Dolans, yellow Uigurs, kamlanie, Lobnors, collecting activity, chingizids.

SUMMARY. The author on certain examples shows activity of the famous turkologist Tenishev E.R. during his work in China and shows profoundness of ethnographic interests of this eminent scholar.

***

¹³ Тенишев Э.Р. О языке киргизов уезда Фууюй (КНР) //Вопр. языкознания, 1966, №1. – С. 88–96.

¹⁴ Тенишев Э.Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка //Сов. тюркология, 1982, № 4. – С.3–17.

¹⁵ Тенишев Э.Р. Тюркское племя кёкмунчак из Синцзяна //Общее и восточное языкознание (посв. 70-летию чл.-корр. РАН В.М.Солнцева). – М., 1999. – С.130–133.

¹⁶ Тенишев Э.Р. О центральноазиатском шаманизме //Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти Н.И.Конрада. – М., 1974. – С.339–343.

¹⁷ Подробнее см.. Список научных трудов Э.Р.Тенишева в кн.: Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004. – М., 2005. – С.50–63.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ОРХАН ПАМУК И ЕГО РОМАН «СНЕГ»

М.М. Репенкова, Москва

Ключевые слова: интертекстуальность, меланхолия, политическая проблематика, постмодернистская эстетика, суфийские традиции, экзистенция.

Орхан Памук (род. 1952 г.), которого называют «турецким Умберто Эко», является автором таких известных романов, как «Джевдет бей и его сыновья» (1983), «Безмолвный дом» (1983), «Белая крепость» (1990), «Новая жизнь» (1994), «Меня зовут красный» (1998), «Снег» (2002), а также книги публицистических эссе «Стамбул: город воспоминаний» (2003). Произведения О.Памука переведены на многие языки мира и удостоены многочисленных литературных наград, среди которых I премия на международном конкурсе зарубежных романов в Великобритании, французская литературная премия «Медичи», премия Мира Ассоциации немецких книготорговцев, Нобелевская премия в области литературы за 2006 год.

Логика Нобелевского комитета, присудившего победу О.Памуку, вполне понятна. В писателе соединились качества, ценимые Шведской академией более всего: один из самых оригинальных писателей современности, к тому же диссидент. В 2005 г. О.Памук публично заявил о геноциде армян в Турции в начале XIX в., за что правительство страны возбудило против него уголовное дело. Его книги жгли на улицах, а сам писатель едва не оказался за решеткой. Только под давлением мировой общественности судебный процесс над О.Памуком был прекращен.

Однако для получения Нобелевской премии гражданских доблестей недостаточно. Награду присудили с формулировкой: «В поисках меланхолической души своего родного города он открыл новые символы столкновения и переплетения культур». Действительно, меланхолия пронизывает сложную структуру его романов, основанных на занимательных сюжетах (приключенческо-исторических, детективных, политических) и несущих в себе черты постмодернистской эстетики с её цитатностью, коллажностью, интертекстуальностью и т.п.

Источник меланхолии О.Памука в бесконечном поиске гармонии между личностью и обществом, разумом и чувствами, вымыслом и реальностью, Востоком и Западом. Пользуясь метким выражением Нобелевского комитета, можно сказать, что в О.Памуке «переплетаются культуры».

По литературным и политическим пристрастиям он – западник. Писатель учился в американском Роберт-колледже в Стамбуле, три года стажировался в США, постоянно ездит на встречи с читателями Европы и Америки. Его любимые писатели – Джеймс Джойс и Мишель Уэльбек. Однако, ощущая себя гражданином мира, он в то же время чувствует бесконечную пропасть, отделяющую Восток от Запада, турка от европейца. Герои его романов оказываются на трагическом перекрестке культур (азиатской и европейской), тщетно пытаясь найти между ними золотую середину.

Последний роман О.Памука «Снег» – это классический образец «романа поиска» (novel of the quest). Причем поиск этот ведётся одновременно в нескольких направлениях и нескольких смысловых планах: политики, детектива, искусства, морали. О.Памук – писатель-симфонист – умело соединяет в гигантский кристалл различные смысловые планы (недаром центральной метафорой названного романа является кристалл снежинки), сочетание которых порождает совершенно новые, порой неожиданные смыслы.

Роман «Снег» интересно и сложно выстроен. Он аллюзивен на современную историю Турции, в которой с пугающей закономерностью раз в 10 лет происходят военные перевороты и усиливается влияние ислама. Эта ситуация находит своё отражение в романе, который связан с топосами Турции, её стереотипами, формулами и формами социальной и культурной жизни.

В центре романа – увлекательный сюжет, в основе которого лежит военный переворот, но не реальный, как в турецкой политизированной прозе 70-х гг. XX в., а полностью вымышленный и рассказанный не автором произведения, а повествователем (писателем Орханом). О.Памук ведёт «постмодернистскую» игру с предшествующей литературной традицией, обильно (в духе У.Эко) используя старый культурный материал (экзистенциализм, суфизм, детектив, фантастику и т.п.) и создавая ситуацию педалированной интертекстуальности (на уровне сюжета, мотивов, образов, имен героев, внутритекстовых реалий). В этом романе автор далёк от языковых экспериментов литературы авангарда и языковых игр. Языковые средства этого произведения подчеркнута традиционны, клишированы и не препятствуют читателю в следовании неожиданным поворотам сюжета.

Главный герой романа – поэт Керим Алакуш-оглу, или Ка, – 12 лет прожил в Германии как политический эмигрант, хотя «политикой никогда особенно не интересовался» и «всегда старался держаться от неё подальше». Ка осудили за политическую статью, которую «он написал не сам и которую торопливо опубликовал, не читая», в одной из маленьких политических газет Турции 70-х годов прошлого века.

Творческая жизнь Ка во Франкфурте складывалась не очень удачно. «Она не приносила ему счастья». Ка считал себя посредственным поэтом, а последние четыре года, живя в Германии, он вообще ничего не мог написать и называл это «историей молчания».

Во Франкфурте он был одинок, проводил большую часть времени в городской библиотеке за книгами. Рассказывая о том периоде своей жизни, говорил, что безмолвие вокруг него заняло так много места, что он перестал слышать беспокоящий шум, с которым ему нужно было бороться, чтобы писать стихи. С немцами он вообще не общался, так как не знал немецкого. А отношения с турками, которые считали его и умником, и интеллектуалом, и

полусумасшедшим, у него не были хорошими. Он ни с кем не встречался, ни с кем не разговаривал.

Спустя годы Ка возвращается в Стамбул в связи со смертью матери и, встретившись с давним другом, политическим обозревателем крупной стамбульской газеты, поддаётся его уговорам отправиться в город Карс, чтобы написать статью о муниципальных выборах и самоубийствах девушек-исламисток. Ка совсем не по душе политическое расследование, которое он должен провести в Карсе, чтобы выявить причины, побуждающие «девушек в платках» совершать самоубийство. Он соглашается на эту поездку лишь потому, что в Карсе теперь живёт его бывшая университетская любовь – красавица Ипек, которая недавно разошлась с мужем (их же сокурсником Мухтаром).

Приехав в Карс, Ка со всей ответственностью играет роль политического обозревателя. Он встречается с представителями различных политических сил города, обходит кварталы бедноты, в которых жили девушки-самоубийцы. Негативное отношение Ка к своей роли следователя отражается на всём, что он видит вокруг (а это захолустный, грязный, нищий город, к которому он испытывает глубокую жалость). Если бы дороги не были засыпаны снегом, он бежал бы отсюда с первым же автобусом, похитив Ипек.

Политическую составляющую определяет в романе и образ приграничного города Карса. Это не только город-символ Европы и Азии (Карс, как известно, принадлежал то Османской, то Российской империи), истории и современности, но и город-сосредоточие социальных, национальных и политических конфликтов (парламентариев-исламистов, террористов, ультралевых экстремистских группировок, партизан из Курдской рабочей партии, а также левых и правых правящих партий). Ка не нравится в этом городе даже снег, который идёт безостановочно, покрывая всё вокруг белым ковром. «Снег обычно пробуждал в нём чувство духовной чистоты, покрывая собой грязь, нечистоты и темноту города, позволяя забыть их, но в первый же день, проведённый в Карсе, Ка утратил чувство чистоты, навеваемое снегом. Здесь снег утомлял, наводил тоску и вызывал чувство страха и одиночества» [Памук 2006: 16].

Искусно используя игру слов, схожесть их звучания, О.Памук настраивает читателя на восприятие снега (по-турецки *kar*), Карса и Ка как звеньев некоей единой цепи. «Снег шёл не прекращаясь... Заснеженные улицы... – это границы, от которых начиналась безнадежная, бесконечная нищета»... Город под снегом казался совсем пустым и брошенным» [Памук 2006: 17–18]. «Между нескончаемыми зимами и разрушающимся городом, население которого становилось всё более несчастным, словно бы существовала невидимая связь» [Памук 2006: 32]. Поэтому самые кровавые политические события в городе писатель вмещает в период сильного снегопада, когда связь с внешним миром оборвана и правительственные силы не могут добраться до Карса.

Совершенно неожиданно для себя Ка оказывается в самой гуще политической борьбы: он участвует в «местном», «театральном» военном перевороте. О. Памук постоянно подчёркивает игровую суть происходящего.

Переворот совершают заезжая труппа провинциальных актёров и отставные военные. Спектакль в Национальном театре, который поставил и играл известный в 70-е годы Сунай Заим, переплетается с реальной жизнью: в разгар сценического действия в зал врываются вооруженные люди и начинают

расстреливать зрителей. При этом сами зрители не сразу осознают, где кончается театр и начинается жизнь.

Писатель, как и в прежних романах, использует экзистенциалистский мотив вынужденного участия героя в игре, придуманной не им самим, переплетающийся с политической составляющей произведения. Ка не может не участвовать в представлении в Национальном театре, поскольку местная газета «Граница» уже подготовила номер, который должен выйти на следующий день после спектакля, с рецензией на выступление Ка с его последним стихотворением «Снег». Ка с гневом обращается к издателю газеты: «У меня нет стихотворения под названием «Снег», а вечером я не пойду в театр. Ваша статья выйдет с ошибкой». На что издатель отвечает: «Не будьте таким уверенным. Многие люди, которые недолюбливают нас за то, что мы сообщаем о событиях, которые ещё не произошли. Те, кто думает, что то, что мы делаем, это не журналистика, а предсказание, не могут скрыть своего изумления, когда события развиваются так, как мы написали. Многие события произошли только потому, что мы заранее о них написали. Это современная журналистика. А вы, чтобы не отнимать у нас нашего права быть в Карсе современными и чтобы не огорчать нас, напишете стихотворение «Снег» и прочтёте его» [Памук 2006: 42–43].

Политические игры Ка в Карсе соединяются с его нравственными поисками, которые реализуются в романе через контаминацию мотивов экзистенциализма и средневековой суфийской литературы. Любовь к Ипек всё больше и больше пробуждает в герое желание освободиться от всего наносного и наигранного, быть самим собой, особенно когда он находится рядом с возлюбленной. «Ипек вела себя так открыто, что Ка испугался того, что сам он выглядит неестественным. Больше всего в жизни, после страха написать плохие стихи, он боялся именно этого» [Памук 2006: 45].

В стремлении Ка снять с себя маску другого человека отчётливо проявляется потребность экзистенциалистского героя вернуться к своей изначальной сущности, экзистенции (доректорному *сogito*).

При этом любовь Ка к Ипек, которая заставила героя заглянуть в собственную душу, может быть рассмотрена и в сложной системе аллегорических образов суфийской поэзии. Так, «одинокий скиталец» поэт Ка сопоставим с влюблённым поэтом-суфием, вступившим на путь самопознания и самосовершенствования, чтобы соединиться с Возлюбленной, под которой в суфизме традиционно подразумевался Бог, Божественная истина.

Шейх Саадеттин Джевхер (*джевхер* по-турецки «сущность, существо; природа, натура»), к которому Ипек настойчиво посылает Ка и к которому Ка неоднократно приходит и слушает его наставления, словно бы подчиняясь его воле, уподобляется учителю, «взыскующему Бога» на послушнических этапах суфийского пути. Ипек наставляет Ка: «Никто лучше его не умеет проникнуть в душу человека и найти в ней уязвимое, слабое место ... Пообщавшись с ним, ты увидишь свою внутреннюю красоту и станешь счастливым» [Памук 2003: 118]. При этом состояние алкогольного опьянения Ка, в котором он каждый раз пребывает, приходя в обитель шейха, трактуется как экстатическое состояние суфия.

В результате духовных исканий Ка впервые вспоминает о Боге, о том, что Бог «растворён» во всём, и в снеге тоже: «Безмолвный снег приближал его к Богу». Он говорит шейху, что «снег падает в сердце пустой тёмной ночи на одиноких скитальцев».

Размышления Ка о сопряжённости Бога и снега, снега и города («Снег с божественным терпением падал на Карс») связаны с одним из основных постулатов суфизма: «Бог есть всё», Бог размыт во всём мире. При этом в суфийской традиции белый цвет снега является самым близким к бесцветному – символу Божественной Истины.

Изменившееся отношение Ка к снегу выражается в таких эпитетах, как «восхитительный», «сказочный», «божественный». «Снег падал очень медленно, большими восхитительными снежинками. В его белизне и в том, как медленно и обильно он сыпался, было что-то придающее покой и силу, было странное изящество, восхищавшее Ка» [Памук 2003: 78]. «Он был благодарен снегу, который перекрыл дороги, устроил совпадение времени, за которое Ка сможет убедить Ипек уехать с ним, и места, которое поможет этому» [Памук 2003: 267].

Ка отождествляет свою жизнь со снежинкой и тем самым осознаёт в себе Бога («Я – есть Бог» – другой постулат суфизма, ведущий к познанию божественного начала в человеке, его подобия Божеству, к пониманию того, что, восхождение человеческого духа к Божеству–Истине, слияние с ним есть путь постижения самого себя, самосовершенствования). «Ка с любовью и грустью оценивал свой путь, по которому как снежинка летела его жизнь, представляющая единство всего» [Памук 2003: 111].

Герой постоянно рисует снежинку (рисунок снежинки запечатлен на странице романа в виде шестиконечной звёздочки), в центр которой ставит себя; читает о снеге в «Энциклопедии жизни»: «Снег – это твёрдая форма воды, которую она принимает, падая, перемещаясь или поднимаясь в атмосфере. Снег существует в виде красивых кристалльных звёздочек шестиугольной формы. У каждого кристалла неповторимая шестиугольная конструкция. Тайны снега с давних времён вызывали интерес и изумление человека» [Памук 2003: 270].

Соединение снежинки со снегом, словно растворение капли в океане (снег – это твёрдая форма воды) и есть слияние суфия с Божественной истиной. Отметим, что момент слияния с истиной присутствует и в суфизме, и в экзистенциализме. При этом в суфизме личность растворяется в Божественной истине и приоритет отдаётся Истине, а в экзистенциализме – Истина растворяется в личности и приоритет отдаётся личности. При этом и в суфизме и экзистенциализме истина абсолютна. У О.Памука истина относительна. Она является истиной многозначного, многомерного постмодернистского мира, в котором всё переходит в свою противоположность: мечта – в горе, смерть, а абсолют – в сомнение. Слияние с истиной у О.Памука означает отдаление от истины и новые поиски её.

Снежинка на рисунке Ка означает симметрию противоположностей. Герой помечает её лучи словами: любовь – ревность, рай – место, где нет Аллаха; я буду счастливым – быть убитым, умереть и т.д. «Согласно представлению Ка о счастье, то количество хорошего и плохого, что могло с ним случиться, было равноценным» [Памук 2003: 447].

Представляя жизнь как единство противоположностей, О.Памук заставляет своего героя в самые счастливые минуты жизни ожидать чего-то плохого, что уравновесит его счастье. «В нём всегда усиливался страх того, что несчастье и безнадежность находятся где-то рядом, это было то ощущение, которое появлялось именно тогда, в детстве и молодости, когда он был невероятно счастлив» [Памук 2003: 114]. Именно здесь, в Карсе, где он «впервые за многие

годы стал очень счастливым», но, ожидая приход Ипек, он каждый раз панически боялся, что она не придёт и бросит его. Счастье в Карсе действительно оборачивается для героя болью и разочарованием. Познав близость с Ипек и уговорив её уехать вместе с ним в Германию, Ка узнаёт, что его возлюбленная лишь играет с ним, что её сердце принадлежит другому. Ка перестаёт верить Ипек.

В счастливые мгновения жизни Ка в Карсе нарушается «безмолвие» в душе героя, «Ка услышал тот зов, который слышали настоящие поэты, которые умели быть счастливыми только в момент вдохновения. Так, впервые за четыре года он мысленно сложил стихотворение: он был так уверен в существовании стихотворения, в его настроении и манере, что сердце его наполнилось невероятным весельем и неописуемым счастьем ... Он чувствовал себя спокойно, словно записывал стихи, которые нашептывал ему на ухо кто-то другой ... Никогда раньше он не писал с таким вдохновением и так быстро. Поэтому он немного сомневался в ценности написанного. Однако по мере того как строки ложились на бумагу, он отчётливо осознавал, что это стихотворение совершенно, и это усиливало его волнение и счастье. Так, не останавливаясь и оставляя в нескольких местах пустоты, словно не расслышав некоторых слов, Ка записывал строчки» [Там же: 111–112]. То, что Ка слышит в себе голос «другого», можно толковать и с точки зрения суфийской традиции, и с точки зрения экзистенциализма. В суфизме поэт выступает как передатчик божественной истины, которая говорит его устами, ибо слово прозревшего есть слово Бога. Неслучайно, что первое написанное спустя годы молчания стихотворение Ка назвал «Снег». «Это стихотворение вместило в себя всё: падающий снег, кладбище, чёрного пса, множество детских воспоминаний и Ипек ... пробуждая чувство радости и беспокойства ... Потом, когда он будет вспоминать о том, как он писал это стихотворение, ему придёт на память снежинка, и он решит, насколько эта снежинка и её форма воплощает его жизнь, настолько это стихотворение и должно объяснить логику его жизни» [Памук 2003: 112].

В то же время О.Памук использует в романе и экзистенциалистскую тему двойников. Ка в Карсе постоянно ощущает в себе «другого», который пишет за него стихи, причём с каждым новым стихотворением голос «другого» становится всё громче и громче. Постепенно Ка уже не только слышит в себе «другого», но и видит себя «другим». «Ка почувствовал этот взгляд внутри себя, а потом увидел, что записывает в стихотворение то, что подразумевал этот взгляд. Он смотрел на свою руку, записывающую стихотворение, как на руку другого человека» [Там же: 412].

Строя образ главного героя по принципу «я – другой», «я – мой двойник», в котором «другой», «двойник» постепенно трансформируется в непримиримого врага «я», а само «я» становится объектом познания в глазах «другого», писатель опять переплетает в постмодернистском коллаже экзистенциалистские мотивы с политической проблематикой. Политические игры Ка в «другого» приводят к тому, что он действительно становится другим, тем, кого он в прежние годы ненавидел. Он становится политиком. На определённом этапе романного действия игра Ка в политику воплощается в жизненную реальность, в настоящую политику, в которой нет места любви, вере, чувствам и вдохновению. Если в начале романа Ка вынужден участвовать в политическом спектакле как поэт, то впоследствии (в разгар военного переворота), он уже сотрудничает с военными как настоящий расчётливый политик, который входит в сделку со своей

совестью, чтобы живым выбраться из этого города и увести с собой Ипек. Ка выступает посредником между военными и террористом Ладживертом, в разговоре с которым Ка просчитывает все свои политические ходы, «получая от этого удовольствие».

Для заключения политической сделки, в результате которой Ладживерт погибает, Ка получает полномочия посредника от военных. Руководители переворота дают ему военную машину и двух солдат-телохранителей, чтобы его не убили исламисты, и поздравляют его «со вступлением в ряды якобинцев». Но Ка уже этого мало. «Увидев двух вооруженных солдат, Ка испытал разочарование. Ему хотелось, чтобы по меньшей мере один из них был офицером либо шикарно одетым полицейским в штатском» [Памук 2003: 390].

Превращение Ка в «другого» не остаётся незамеченным и окружающими. Например, сестра Ипек Кадифе обвиняет героя в том, что он «уже не посредник, а человек, сотрудничающий с тиранами». Газета «Граница», которая раньше писала о Ка как об «известном всей Турции молодом поэте», резко меняет своё отношение к нему, именуя его «так называемым поэтом Ка, стихи которого непонятны, неприятны и портят людям настроение», «запятнанным человеком», «шпионом», «безбожником-атеистом, приехавшим в Карс с целью посеять смуту, подстрекать народ к бунту».

«Погружение» Ка в политику отдаляет его от творчества. Постепенно уходит вдохновение. Своё последнее стихотворение «Место, где кончается мир» он вообще забывает и не может записать. Вернувшись во Франкфурт, он перестаёт писать. Его прежние стихи, сочиненные в Карсе, становятся «непонятными» не только для окружающих, но и для него самого, и «последние четыре года своей жизни он занимается тем, что истолковывает стихотворения, которые сам написал». В своих записках Ка объясняет это так: он «не чувствовал, что сам написал стихотворения, которые пришли к нему в Карсе. Он верил в то, что был только посредником для того, чтобы записать их, что эти стихотворения «пришли» к нему откуда-то извне» [Памук 2003: 474]. В Германии Ка мучительно старается изменить своё «пассивное» положение и понять смысл написанных стихов, «разгадать их скрытую симметрию» (экзистенциалистское положение о том, что «я» является объектом познания в глазах «другого»), но у него ничего не получается.

Политика нарушает план Ка уехать с Ипек в Германию. Ипек, уверенная в том, что Ка предал Ладживерта и повинен в его смерти, отказывается ехать с ним. И наконец, всё та же политика, по мнению многих, является причиной смерти Ка во Франкфурте (его труп с пулей в голове нашли на улице). Одни считали, что его убили исламисты, не простив ему смерти своего лидера Ладживерта, а другие – что его уничтожили спецслужбы за связь с участниками «театрального» переворота.

Смерть Ка О. Памук предлагает истолковать и с иных позиций: превратившись в «другого», он пережил духовную смерть. В его жизни больше не осталось ни веры, ни любви. Он снова стал одиноким и несчастным человеком, что неминуемо привело к физической смерти.

Мотив духовной смерти, являющейся причиной смерти физической, развивается О. Памуком и в образах других героев романа. Характерен в этом плане образ актёра Суная Заима. О. Памук подробно приводит историю его «падения в глазах общества». В 70-е годы Сунай Заим был очень знаменит.

Левонастроенный молодой человек «был трудолюбив и обладал актёрским талантом». «Турецкий зритель очень любил те спектакли, где Сунай играл роли сильных исторических личностей, наделённых властью: Наполеона, Ленина, Робеспьера, революционеров-якобинцев или местных народных героев... Передовые люди из университетов смотрели эти спектакли со слезами на глазах и отвечали аплодисментами на то, как он мастерски изображал сострадание народу ... и говорил о том, что ради счастья народа мог бы безжалостно применить силу» [Памук 2003: 238].

Став главным претендентом на роль Ататюрка, Сунай уже не только играл политику на сцене театра, но и занялся ею в реальной жизни. Актёр вошел в образ Ататюрка, стал делать громкие политические заявления, выступать на телевидении и в газетах. «Рассказывая о своём доме, о повседневной жизни, о своих политических взглядах, он стремился показать, что достоин Ататюрка, что некоторые его собственные пристрастия и черты характера похожи на Него (раки, танцы, элегантность, изящество). Он позировал с томом речей Ататюрка, которые он постоянно перечитывал» [[Памук 2003: 239].

Однако в результате политического скандала, который сильно скомпрометировал Суная Заима, творческая карьера актёра оборвалась. Его перестали приглашать на крупные роли, например Ататюрка. «Ему перестали предлагать даже дублировать, потому что он так часто появлялся на телевидении в течение месяца, чтобы закрепить за собой роль лидера турецкого народа, что теперь все воспринимали его хорошо знакомый голос как голос Ататюрка. Телевизионные рекламисты, которые прежде предлагали ему роли практичного отца семейства, умеющего выбирать хороший, надёжный товар, также отвернулись от него, так как «Ататюрк» смотрелся бы странно, занимаясь окраской стен или рассказывая о том, как он доволен своим банком» [Там же: 242]. Творческий кризис Суная Заима углублялся с каждым годом (он дошёл до аниматора в Анталии), пока не создал маленькую театральную труппу, разъезжающую с постановками второсортных пьес по Анатолии. Приехав с очередной такой пьесой в Карс, Сунай Заим встретил в городе своего давнего друга, отставного полковника, с которым они, опираясь на знакомых военных, и решили совершить военный переворот против исламистов, чьи позиции в городе были очень сильны. Игры Суная в лидера, революционера, Ататюрка перешли в жизнь. «Театральный» переворот втянул в свою кровавую орбиту различные воинствующие экстремистские группировки, которые не желали подчиняться Сунаю и военным, чинили беспредел в городе.

Во время переворота Сунай не оставлял и своей театральной деятельности, устраивая спектакли в Национальном театре. Эти спектакли не пользовались популярностью. Зрители освистывали актёров, выкрикивали унижительные слова из зала или вообще бойкотировали представления. Творческая смерть Суная также оказалась сопряжённой с физической смертью: его убивают на сцене.

Под этим же углом можно истолковать основную интригу романа, которую Ка приехал расследовать в Карс: почему убивают себя девушки-исламистки. Истинно верующие «девушки в платках» вступают на путь политических игр с государством, которое не пускает их с покрытой головой на занятия (в школы и университет), и начинают использовать платок как «политический флаг угнетённых мусульманок Анатолии», как «совершенно особый метод борьбы». Политическая борьба с государством за веру в действительности оборачивается для «девушек в платках» потерей веры. Это подтверждается тем, что девушки

совершают самоубийство (некоторые из них снимают платки и вешаются на них), запрещенное Кораном.

В романе «Снег» О. Памук использует характерную для своего творчества форму повествования от первого лица. Рассказывает лучший друг Ка, писатель Орхан, который, с одной стороны, является двойником самого О. Памука, на что указывают многочисленные автобиографические аллюзии (профессия и имя повествователя, возраст, написанные книги и т. д.), а с другой стороны, двойником Ка, за которым он после убийства Ка едет в Европу, а затем в Карс, пытаясь найти пропавшую книгу стихов, которые Ка написал в Карсе. Писатель Орхан играет в детектива, являясь сыщиком не по профессии, а по своему призванию: он собирает сведения о последних годах жизни Ка у знавших его людей, а главное – внимательно перечитывает письма, дневники самого Ка.

Писатель Орхан, который ощущает в себе своего друга Ка, постоянно представляет себя на его месте, «чувствует себя похожим на Ка», «становится его тенью», старается прожить жизнь Ка. О.Памук прибегает к активной автоцитации и повторам (в духе постмодернистских предположений и реализации). Писатель Орхан также влюбляется в Ипек, постоянно повторяя слова Ка, что она красивее, чем он её себе представлял. Он пишет книгу «Снег», которую так и не удалось написать Ка, вступая, так же, как его друг, на путь духовных поисков. Писатель Орхан подчёркивает: «Возможно, мы дошли до самого сердца нашего рассказа. Насколько возможно понять боль, любовь другого человека? Насколько мы можем понять тех, кто живёт с болью более глубокой, чем наша, среди пустоты жизни и унижений? Если понять означает суметь поставить себя на место тех, кто отличается от нас, то разве смогут когда-нибудь богачи, правители и судьи мира понять миллиарды бедняков и бродяг, оказавшихся на обочине жизни? Насколько может писатель Орхан почувствовать темноту тяжёлой и горькой доли его друга – поэта?» [Памук 2003: 327].

Однако в образе писателя Орхана есть одна существенная особенность. Большую часть своего рассказа о Ка он ведёт не напрямую, а опосредованно. То есть он повествует не о наблюдаемой им самим реальности, а о прочитанном в письмах Ка и в его дневниковых записях. Иными словами, писатель Орхан рассказывает уже рассказанное, причём не пережитое, а прочитанное. Он воспроизводит копию (цитату, повторение), которая, в свою очередь, ассоциируется с романом «Снег» самого О.Памука. Роман оборачивается симуляцией. Симптоматично в этом плане, что и книга стихов Ка – тоже симуляция, фикция (поскольку её нет, она бесследно исчезла).

Образ писателя Орхана даёт ключ к пониманию основной идеи романа – нереальности, «виртуальности» окружающего нас мира. Этот мир воспринимается О.Памуком как симуляция реальности. В нём всё ненастоящее, всё игра, всё превращается друг в друга и в свою противоположность. Так, главный герой Ка носит ненастоящее имя. Он проживает ненастоящую жизнь, то заменяя её чтением книг в библиотеке, то играя в кого-нибудь другого. Местом симуляции и замещения реальности в романе предстаёт и театр, в котором сценическая реальность и реальность мира перемешиваются.

О.Памук настаивает на том, что окружающий мир есть нечто, порождаемое не жизнью, а сознанием, более того – не индивидуальным сознанием, а сознанием «масс-медийным», внедряющим в сознание индивида представление о мире как о некой «виртуальной реальности».

В этой «виртуальной реальности» и живут герои О.Памука, которые регулярно на протяжении всего повествования смотрят, бросив даже самые неотложные дела, мексиканскую мыльную оперу. Писатель подчёркивает, что во время показа её по телевизору провинциальный город, как и вся страна, словно вымирает. Люди со слезами на глазах переживают судьбу несчастной Марианны, жизнь которой они воспринимают как настоящую, как свою собственную.

О.Памук подчёркивает, что окружающая нас жизнь только тогда становится реальной, когда она превращается в масс-медийный продукт, например в телевизионную картинку, газетную статью или художественное произведение. Так, транслируемые местным телевидением спектакли в Национальном театре переходят то в военный переворот, то в убийство актёра Суная Заима. Передовицы заштатной газетёнки «Граница» странным образом пресказывают всё то, что впоследствии происходит в городе. А фантастический роман студента лица имамов-хатибов Неджила превосхищает его собственную смерть.

Демонстрация фикциональности, симулятивности реальности, показ её двойника в многообразном постмодернистском пастише, использование «традиционного повествования», в котором отсутствует сосредоточение только лишь на словесных текстах (языковых играх, проблематике поэтического языка), – это те признаки, которые определяют постмодернизм О.Памука и роднят его с постмодернистской европейской литературой 1990–2000 годов, в частности с французскими писателями – представителями школы «Новой художественности» (Ф.Тристан, Ж.Леви, Ф.Купри, М.Пети и др.) и с австрийскими романистами из поколения «новых рассказывающих» (К.Райнсмар, Р.Шнайдер, М.Кейльмайер, Р.Менассе, Й.Хазлингер и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Гайденко П.П.* Экзистенциализм и проблема культуры. – М., 1963.
Джавелидзе Э.Д. У истоков турецкой литературы: Джелаль-ед-дин Руми. – Тбилиси, 1996.
Затонский Д.В. Реализм – это сомнение? – Киев, 1992.
Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
Ильин И.П. Проблема личности в литературе постмодернизма: Теоретические аспекты // Концепция человека в современной литературе 1980 годы. – М., 1990.
Постмодернизм: Что же дальше? Художественная литература на рубеже XX–XXI веков / Сб. науч. трудов. – М., 2006.
Памук О. Снег / Пер. А.С. Аврутиной. – СПб., 2006.

KEY WORDS: intertextuality, melancholy, political subject matter, postmodern aesthetics, Sufi traditions, existence.

SUMMARY. The article deals with the analysis of the novel 'Snow' by Turkish writer O.Pamuk, Nobel prize winner in literature of 2006. His novel is a classic novel of the quest. This quest is simultaneously done in several directions and several sense aspects – political, detective, artistic, moral. O.Pamuk is a writer-symphonist, he skillfully combines diverse sense aspects into one giant crystal.

***

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ О ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА
В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ф.З. Яхин, Казань

Ключевые слова: модернизация суфийских понятий, поэтический символ, суфизм, суфийские понятия, учение о *кальбе* и *нафсе*.

В средневековой татарской литературе *нафс*, как суфийское понятие, имеет несколько значений. Данное понятие употреблялось и как поэтический символ в рассуждениях о человеческой праведности и справедливости мироздания. Суфии отвергали мир, мирную жизнь из-за её несовершенства, противопоставляя ей мистический образ вселенной. *Нафс* в их понимании есть, во-первых, душа, которая может быть *кябирун-нафс*, то есть благородная душа, великодушная, или же низкой, подлой, то есть *сагырун-нафс*. *Нафс* имеет разные качества, независимо от благородности или низости, а именно: озабоченность, удрученность, хладнокровие, инертность или состояние покоя. Такому пониманию *души* суфии противопоставляли понятие о *кальб*, то есть о душе-сердце, которому приписывались качества жесткости, бесчувственности, жестокости, силы, смелости, отважности, храбрости, добросердечности, ума, возвышенной любви. В татарской литературе *кальб* употребляется редко только потому, что используется его синоним *багырь*.

Нафс есть человеческий инстинкт, *кальб* – человеческая душа, по сути своей чистая и могучая, но обреченная состоять в единении с *нафс* в человеческом теле, подчиняться влиянию инстинкта. Суфии понимали это единение и как Всевышнее наказание, и как Земное начало. В их философии человек, «адамово дитя», имеет два начала: земное и божественное. При понимании земного начала употреблялся термин *нафс*, а когда имелось в виду божественное начало, говорили о *кальб*. Тело – земное, душа – божественное. Любому телу земному присущ *нафс*, то есть инстинкт, который отражается, как понимали суфии, в психике человека. Термином *нафс* суфии обозначали человека, так как человек от ангелов, которые имели *кальб*, отличался инстинктом (*нафс*), от животного мира – душой (*кальб*). Для суфия преданная собака, например собака *Кытмир* из легенды «Отроки и собака», есть пример подражания в усмирении *нафс*. В таком понимании *нафс* и *плоть* есть одно и то же, это термины, присущие разным культурам, но по сути одинаковые.

В татарской поэзии средневековья *нафс* проявляется в любых человеческих начинаниях, в старании, усердии, рвении, высокомерии, гордости, сущности, намерении, желании, охоте, аппетите, дурости. Все эти качества в суфийско-философском понимании есть инстинкт. Суфии желали регламентировать эти качества, которые даются человеку его волей. Усмирение воли и есть подчинение судьбе. Судьба есть дар человеку от Всевышнего. Подчинение судьбе считалось шагом приближения к божественному. Суфийская терминология в средневековой татарской литературе, как и в Восточной, широко использовалась в качестве поэтической символики.

Всех средневековых татарских поэтов ученые относят к суфиям. Понятия *нафс* и *кальб* (*багырь*) являлись основными категориями в их поэтико-философских,

поэтико-дидактических, поэтико-нравственных размышлениях. Их произведения были насквозь «пропитаны» такими размышлениями. Руководствуясь суфийскими понятиями, поэты создавали шедевры литературы, «пропитывали» свои произведения философствованием о *нафс*.

В эпической поэме «Кыйссаи-Йосыф» Кул Гали, например, Йосыф (библейский Иосиф) от отца и братьев, от других героев произведения отличался тем, что не подчинялся *нафс* (человеческому инстинкту), а руководителем его души был *кальб*. Пророчество от Йагкуба (библейского Якова) перешло к нему благодаря такому качеству. Поэты суфии в образе Йосыфа видели идеал чистой от *нафс* души человека, отвергавшего человеческий инстинкт, идеал покорности Всевышнему, *кальб*. Испытания судьбой очистили душу Йосыфа, укрепили его сердце. А судьба испытала и всех остальных, они не смогли стать счастливыми, покорились *нафс*. Судьбы Йосыфа и его братьев, отца являлись действующим поэтическим примером для суфийских учений о *кальб* и *нафс*.

Обвинение в предательстве матери-кормилицы Йосыфа присутствует в татарском литературоведении. Этому вопросу во многих случаях уделяют основное место. Мечь матери (по религиозным обычаям, матери-кормилицы являются также родными для выкормленного ребенка) в произведении Кул Гали мотивирована. Поэт руководствуется суфийскими понятиями о *нафс*, показывая его качество с разных сторон, приписывая каждому герою по качеству.

В эпической поэме золотоордынского поэта Кутба «Хусрау и Ширин» одержали верх герои, имеющие *нафс*. Герои, имеющие качества *кальб*, потерпели поражение. Развивая мысль, автор показал, как одних героев с качеством *нафс* уничтожают другие герои с таким же качеством. В поэме Н.Гянджяви на первый план выступают герои с качествами *кальб*, тогда как Кутба, наоборот, выводит на первый план героев с качествами *нафс*. Это основное отличие данных сочинений. Кутб в своих суждениях выступает как осуждающий поэт. Его суждения, как он сам пишет, направлены против братоубийственной вражды ханов Золотой Орды.

В поэме Х.Кятиба, золотоордынца, один и тот же герой показан с качествами *нафс* (в первой части сочинения) и с качествами *кальб* (во второй части того же произведения). Во второй части Иисусом герой воскрешен из ада. Из суждения автора данного произведения становится ясно, что его герой уже не имеет качеств *нафс*, ибо они у него «сгорели» в аду. Султан (герой произведения) во второй части выбирает не судьбу правителя, а судьбу дервиша.

В период Казанского ханства в татарской поэзии усиливается идея подчинения судьбе, в которой поэты видели совершенство, очищение от *нафс*. На первый план выступает чистота совести, совесть и *кальб* рассматриваются как единое целое.

Во второй половине XIX в. суфизм приходит к упадку среди татар, хорошо известны исторические и общественные предпосылки отхода народа от суфийских идей. На самом деле мост к отходу от суфийских принципов заложили признанные поэты-суфии XVII–XVIII вв. своей философией о судьбе и свободе совести. В татарской литературе тема свободы воли появляется в XVII в. в произведениях Суфи Аллахиара, далее нашло развитие в творчестве Г.Утыз Имани.

Хотя суфизм сохранялся среди татарского населения до начала XX в., но суфийская философия перестаёт влиять на развитие татарской литературы. В XVII–XIX вв. религиозные идеалы суфизма еще оказывали определяющее влияние на население. «Тайное братство» дало возможность в новых условиях защищать интересы веры. В творчестве М.Кулия на первый план выступают земные интересы человека, усмирившего *нафс*. Его лирический герой имеет «чистую» душу – *кальб*, сильно переживает за малейшие свои грехи. Этим он не отличим от поэтов XII–XIII вв. А.Яссави и С.Бақыргани. Своими произведениями М.Кулий стремился возродить

утраченные идеалы средневековых суфиев. У Г.Утыз Имани были такие же интересы. В этот период в татарской литературе прочно сохраняются суфийские мотивы, присущие средневековому периоду. Остановившись на данной проблеме в частных примерах, диссертант приводит интересные факты «переклички» образов, символов, использованных поэтами М.Кулий и Г.Утыз Имани, с поэтическим наследием татарских поэтов средневековья.

Уже в XVII в. в татарской литературе суфийско-философские понятия начали использоваться как морально-нравственные категории. Это особенно наглядно в примере изменения содержания понятия *нафс*.

Центральной фигурой конца XVIII – первой половины XIX в. был татарский суфийский шаих и поэт Х.Салихов. В формировании новых суфийско-дидактических мыслей особую роль сыграло его сочинение «Мудждагуль-адаб», в котором суфийские идеи и идеалы перевоплотились в морально-нравственные представления.

На базе новых морально-этических представлений поэтов XVIII–XIX вв. формировалось новое поколение татарских поэтов, приверженцев «джадидизма». И.Гаспринский, идеолог данного течения, в своей газете «Тарджуман-Переводчик» называл «джадидизм» модернизмом.

Модернизация суфийских понятий в общественные морально-нравственные идеалы была поддержана и развита поэтами-писателями начала XX в. Молодой Г.Тукай в своих суждениях о морали и нравах неоднократно ссылался на стихотворные строки суфийских поэтов средневековья А.Яссави, С.Бакыргани.

В XX в. новых изменений в понимании души человека не проявились.

KEY WORDS: modernization of Sufi terms, poetical symbol, sufism, Sufi terms, theory about *kalba* and *nafs*.

SUMMARY. In medieval Tatar literature 'nafs' as Sufi term has different meanings. This term was also used as a poetical term in discourses about human goodness and justice of the universe. Sufis rejected worldly life, secular world because of its imperfection setting it off against mystic image of the universe. On the example of Kul Gali's 'Kyssa'i Yusuf', H.Qutb's 'Hosrov i Shirin', H.Salihov's poetry, G.Utyz-Imyani's works the author shows how poets guided by Sufi notions created literary masterpieces full of thoughts about nafs.

***

Издательством Казанского гос. ун-та культуры и искусств опубликована на татарском языке монография З.М.Хуснуллиной «Фамилии казанских татар» (Казан, 2009. – 132 с.).

В работе приведена историография формирования, развития и применения фамилий у татар; проведен лексико-семантический анализ основ татарских фамилий г.Казани; выявлены этнолингвистические пласты татарских фамилий, особенности структуры этих фамилий.

ОНОМАСТИКА

СЕМАНТИЧЕСКИЙ РЯД ТОПОНИМОВ БАЛКАРИИ

А.С.Жазаев; Б.Х.Мусукаев, Нальчик

Ключевые слова: географическое название, семантическая группа, топоним

Языковеды различных специальностей издавна проявляют самый живой интерес к топонимике, науке о возникновении, развитии и современном употреблении географических названий. Этот интерес находит выражение в научных публикациях и на страницах периодики.

Данные топонимики представляют для ученых весьма значительный научный и практический интерес. Топонимическое исследование, доведенное до установления этимологии названий, дает в ряде случаев определенное представление о характере ландшафта, полезных ископаемых, растительном и животном мире, хозяйстве и расселении человека.

Географические термины, особенно относящиеся к физико-географическим объектам, часто определяют содержание названия, являются ключом ко всему названию в целом. При этом нередко только знание местной географической терминологии позволяет правильно понять значение названия, опровергнуть иногда очень распространенную, но ошибочную терминологию. Например, в литературе очень часто можно встретить объяснение названия *Каракумы* как черные, злые пески; *Карасу* – как черная, мутная река и т.п. Ошибочность этих распространенных этимологий показал Э.М.Мурзаев (1960). Изучая местную географическую терминологию, он установил, что *каракумы* и *карасу* – понятия типологические, что это географические термины, относящиеся: первый – к закрепленным пескам, а второй – к рекам с родниковым питанием.

Семантические группы топонимов дают информацию о характере и признаках объекта, к которому относится топоним. Однако даже при очень широком понимании «характера» и «признака» существуют топонимы, не подходящие под эту рубрику. Таковы, например, топонимы-посвящения, когда название объекта дано в честь какого-нибудь человека (*Пржевальск*, *Берингов пролив*, *Море Лаптевых* и т.п.). Или топонимы, отражающие принадлежность объекта определенному лицу, названия по имени первого поселенца, названия поселений по характеру или прозвищу его жителей. И эти топонимы несут определенную информацию, как правило связанную с историей народа. Весьма интересная информация может быть получена при массовости материала от топонимов, отражающих принадлежность селений определенному лицу.

Следует сказать, что под «характером» объекта мы понимаем не только географический тип объекта (лес, поле, болото, ручей, озеро, село, город), но и признаки этого объекта. При получении информации о географическом типе объекта проще всего дело обстоит в тех случаях, когда в состав топонима входит географический термин *город*, *село*, *поле*, *нива*, *река*, *озеро*, *болото* и т.п.

который сразу определяет место объекта в соответствующей категории. Именно так и обстоит дело в названиях *Новгород*, *Городок в Емце*, *Волховское село*, *Ракульское село*, *Гнилино поле*, *Дураково поле*, *Мартынова нива*, *Барная нива*, *Купецкая река*, *Керчаская речка*, *Икс-озеро*, *Стражинское озеро*, *Десятинное болото*, *Грязное болото* и многих других. Однако, как известно, существует множество названий, где географический термин, входящий в их состав, не соответствует характеру объекта, который он называет. Часто это бывает в тех случаях, когда название перенесено с объекта на объект. Но если исследователь не располагает дополнительными сведениями об объекте, к которому относится название, то по термину, входящему в его состав, он не может определить характер объекта. Ср. названия Санин хутор – покос, Медвежий омут – покос, Заречки могилы – поле, Мельнуховский ручей – покос, Волок Ламской – город. Остров – город, Луг – деревня, Еловый Бор – деревня, Красная Лука – деревня. Кривой Ручей – деревня, Ладожское озеро – починок и т.п. [Поспелов 1964: 95].

Название выражает свойства не объекта, а общества, дающего название. Даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака и само обращение к природным признакам продиктовано процессом развития общества [Никонов 1964: 83].

В отдельную группу входят топонимы, состоящие из географических терминов. Многие топонимические названия Балкарии, как наиболее консервативная группа слов, относятся к древнейшим формам общетюркского словарного фонда. Среди географических номенклатурных терминов имеются такие, которые являются общими почти для всех тюркских языков. Например: *кёл* «озеро», *кьыр* «хребет», *тау* «гора», *тёбе* «холм», *суу* «река», *жар* «обрыв», *кьяя* «скала», *аууш* «перевал» и т.д. Многие из современных балкарских номенклатурных терминов, являющиеся общими и для тюркских языков, зафиксированы в наиболее древних тюркских памятниках: *агъыш* (балк. *аууш*) «восхождение, переход», *агъыз* (балк. *аууз*) «рот, ущелье», *йурт* (балк. *журт*) «земля, страна, родина» и др.

В балкарском языке в образовании топонимов широко применяются географические термины, характеризующие рельеф местности. Это явление, как известно, особенно характерно для всех тюркских языков, термины участвуют в образовании топонимических названий, очевидно, во всех языках.

В.А.Жучкевич устанавливает причину превращения географического термина в географическое название: «... в каждом термине уже заложена потенциальная возможность перехода его в класс собственных имен, в ряд собственных географических названий. Эти возможности осуществляются в тех случаях, когда термин в данной местности единичен или крайне редок» [Жучкевич 1968: 36].

В качестве топонимов эти термины применяются как самостоятельно (*Чат* «лощина», *Юзюк* «обрыв», *Дыркъыла* «террасы», *Сууакъгъан* «водопад», *Къырыкъла* «желоба», *Юзюлгенле* «обрывы»), так и в сочетании с другими, чаще всего с определительными словами (*Гара башы* «верх нарзанного, минерального источника»; *Чат башы* «верх, горловина лощины»; *Къара шаудан* «черный родник»; *Къырыкъ аузу* «вход в желоба»; *Ачы гара* «горький, минеральный источник», *Турукълу* «удобное, богатое место (стойбище) для скота»; *Чегет сабанлыкъ* «пашня на теневой (северной) стороне (уклоне) горы»; *Сырт тётте* «вершина», «макушка холма, возвышенность»; *Тауукълу туптур* «холмик, изобилующий куропатками») и др.

В топонимике изучаемого нами ареала в качестве географических терминов широко применяются названия частей тела человека и животных: *Сырт* «спина», а как географический термин «плоская возвышенность»,

«поднятое плато»; *Тамакъ* «горло» – «устье реки»; *Баш къол* «голова + балка» – «головная балка», «верхняя балка»; *Гара башы* «минерального источника голова» – «верх минерального источника», «начало минерального источника» и т.п.

Многие из этих слов являются общетюркскими как в употреблении в своем основном значении, так и в качестве географических терминов. Это «позволяет утверждать, что в большинстве случаев метафоры (применение названий частей тела человека и животных как географические термины) возникают по одним и тем же, жестко повторяющимся ассоциациям независимо от языка. В этом сказывается одна из существенных универсалий народной географической терминологии». В этой группе балкарской топонимики зафиксированы термины, которые в других языках не встречаются. Например: *Жалау чат* «лощина с солончаками», где *чат* – «лощина», *Чыран* «ледник», *Сызгъа* «лощина» и т.д.

В балкарской топонимике встречаются названия, указывающие на ориентировку по солнцу, такие, как *Кюллом къол* «балка на солнечной стороне»; *Чегет тюз* «равнина на теневой стороне»; *Чегет* «теневая сторона»; *Кюллом* «солнечная сторона». В эту же группу топонимов входят названия, указывающие на величину, размер объекта со словами *уллу* «большой», *гитче* «малый». *Уллу дорбун* «большая пещера»; *Уллу чат* «большая ложбина»; *Уллу таллы къол* «большая ивовая балка»; *Узун сабан* «длинная пашня»; *Узун бичелик* «длинный покос»; *Узун тала* «длинная поляна»; *Гитче чат* «малая ложбина»; *Гитче таллы къол* «малая ивовая балка».

К топонимам по природным признакам уместно отнести и названия, указывающие на форму географического объекта: *Тогъай къол* «округлая балка»; *Къынгыр сырт* «кривая возвышенность»; *Жапыр тала* «плоская поляна»; *Зугулда* «продолговатые»; *Терс къол* «неправильная балка»; *Тегерек тала* «круглая поляна»; *Буруу къол* «загонная балка»; *Гар орта* «тесная середина»; *Айры агъач* «разделенное дерево»; *Тешик къая* «скала с отверстием».

Наличие этих топонимов подтверждает правильность принципа номинации географических объектов, о котором писал В.А.Никонов, – принципа историзма. Хотя и говорим о том, что все они относятся к названиям по природным признакам объекта, здесь ясно, что в принципе наименования лежит оценка, отношение человеческого коллектива к местности в конкретное время [Мусукаев: 86–87].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск, 1968.
2. Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик, 1970.
3. Мусукаев Б.Х. Топонимия высокогорья Балкарии. – Нальчик, 1981.
4. Никонов В. А. Пути топонимического исследования, – М, 1964.
5. Подольская Н.В. Какую информацию носит топоним // Принципы топонимики. – М, 1964.
6. Поспелов Е.М. Топонимика в географическом образовании // Принципы топонимики. – М, 1964.

KEY WORDS: geographical name, semantic group, toponym.

SUMMARY. The work considers toponyms of Balcariya, which are based on geographical names.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ЛЕКСИКА ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В
ДИАЛЕКТАХ СИБИРСКИХ ТАТАР
(в семантическом и генетическом аспектах)*Г.Н. Ниязова, Тюмень*

Ключевые слова: диалектное членение, диалекты сибирских татар, жилище, контактирование, лексика материальной культуры, сибирские татары, типы домов.

В последние годы усиление внимания государства к национальным языкам и ученых-лингвистов к вопросам формирования и функционирования терминологической системы привело к принятию комплексных мер по изучению национальной отраслевой лексики татарского языка и его диалектов. В связи с этим возникла необходимость в сборе и систематизации названий, сложившихся и устоявшихся в татарском языке и его диалектах. Изучение лексики, связанной с конкретной областью жизнедеятельности человека, приобретает важное научно-теоретическое и практическое значение.

Сибирские татары – это тюркское население Сибири, издавна обитающее в основном в сельских районах и городах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей [Валеев 1993: 3]. Диалекты сибирских татар имеют следующее членение: а) тоболо-иртышский диалект с тюменским, тобольским, заболотным, тевризским и тарским говорами; б) барабинский диалект; в) томский диалект.

В данной работе мы рассматриваем лексику хозяйственно-жилищного комплекса в диалектах сибирских татар конца XIX – нач. XX вв. По жилищу народа можно судить об общественно-экономической жизни, о материальной культуре народа, о его связях с другими народами, о типе хозяйства и способе его ведения. Изучение данной лексики интересно для истории языка, и для всех, кто занимается историей, этнографией, психологией сибирских татар.

Центральное место в жилищно-хозяйственном комплексе занимает жилой дом. Он являлся сравнительно устойчивым компонентом материальной культуры и использовался в бытовой жизни нескольких поколений людей.

В конце XIX – нач. XX вв. в селениях сибирских татар еще бытовали низкие подземные одно- и двухкамерные типы жилищ, построенные по старым строительным канонам, включая безфундаментность, завалинки и т.д. [Мухаметшин 2002: 88]. Но затем под влиянием русского населения возникают

четырёхстенные одноэтажные избы русского типа. Правда, татарская изба сохраняла некоторые традиционные национальные особенности, присущие жилищам татар (малая высота, плоская земляная крыша, особенности в интерьере). Строились татарами также низкие пятистенные одноэтажные и двухэтажные дома.

Для обозначения понятий «дом», «изба» в диалектах сибирских татар употребляется слово *өй*. Эта лексема восходит к древнетюркскому *ev* «дом; юрта; помещение», *ij, iv* «дом» [ДТС 1969: 189, 623, 629].

Словосочетанием *пәчтәннэй өй* обозначается пятистенный дом. Название заимствовано из русского языка и фонетически изменено. Этот дом представлял собой длинный сруб, разделенный капитальной стеной в середине.

Другой тип сибирско-татарского дома – это дом-крестовик. Название этого дома также заимствовано из русского языка и звучит как *креставай өй*. Отличие его в том, что он представлял собой большой сруб, разделенный посередине стен двумя пересекающимися (крест-накрест) капитальными стенами, т.е. на четыре жилых помещения.

Наконец, самый распространенный тип дома на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время – это четырехстенный дом. В говорах тоболо-иртышского диалекта его называют *туңқалақ/туңқаләк өй* [Тумашева 1992: 219], образовано от *туңқалақ/туңқаләк* «круглый» и *өй* «дом». Компонент *туңқалақ* восходит к др.-тюрк. *töñäl* «круглый». Ср.: тат.д. *дүңгәләк, дүңгәнак* «деревянное кольцо или зажим», каз., к.калп. *дөңгелек*, кир. *дөңкөләк*, башк. *дүңгәләк*, ног. *түңгелек* «круглый», «колесо», «окружность», монг. *tüngelik* «серьга, кольцо» [Ахметьянов 2005: 174].

Также у сибирских татар встречались избы с прирубом. Прируб, пристройка к основному дому называется *йәтшермә өй*, образовано от глагола *йәтшер-* «приклеить» + суффикс *-мә* + *өй* «дом» – букв. «приклеенный дом».

В пятистенных домах устраивалось двое сеней с отдельным входом в каждую половину дома. В таких сенях всегда выгораживались кладовки. В двухэтажных домах устраивалось по двое сеней как на первом, так и на втором этажах. Они соединялись внутренней лестницей [Валеев 1993: 102].

В разных группах сибирских татар сени называли по-разному.

В тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта *аран*, в тюменском говоре *өй аран* обозначает «сени». В тевризском говоре *аран* имеет значение «чулан, кладовка в сенях». Данная лексема, употребляясь с уточняющими словами, может означать различные помещения для скота: *ат аран* «конюшня», *сыйыр аран* «хлев».

В тарском говоре тоболо-иртышского диалекта *аран* без уточняющих слов означает «хлев». Данное значение древнее и восходит к др.-тюрк. *aran* «скотный двор, конюшня» [ДТС 1969: 51]. В близких к последнему значениям оно бытует в основном в тюркских языках кыпчакской группы: башк. *аран* «стойло, скотный двор», каз. *аран* «загон, место для скота», кум. *аран* «хлев, стойло», ног. *аран* «стойло, хлев, конюшня», караим. *аран* «конюшня, стойло, хлев, загон». Семантическое изменение слова *аран* в тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта, по мнению исследователя А.Х.Насибуллиной, возможно, связано с суровыми климатическими условиями, в связи с чем оно стало обозначать «холодную часть дома, т.е. сени» [Насибуллина 2001: 53].

«Кладовка», «чулан» в тоболо-иртышском диалекте имеет название *кәсәнка* [Тумашева 192: 96]. Это слово известно в значении «кладовая, чуланчик в сенях»

в отдельных заказанских, нагорных и приуральских говорах среднего диалекта и мишарских говорах в разных фонетических вариантах: *кәзаңкә*, *кәжсинкә*, *кәжсункә* и др. [Садыкова 2003: 61]. Данное слово восходит к арабскому *hazīna* «казна» от глагола *hazn-* «охранять», откуда также дериват *ma-hzan* «магазин» [Аникин 1997: 244].

Двухэтажный дом обозначается словосочетанием *ике этажлы өй*. Понятия «верхний этаж» и «нижний этаж дома» и обозначаются соответственно *йугары өй* (букв. «верхний дом») и *түмән өй* (букв. «нижний дом»).

Исследовавший в конце 80-х годов XIX в. тюменских татар и бухарцев С.К.Патканов выделял такую особенность татарских домов. В двухэтажных домах «лестница, ведущая на верхний этаж, всегда наружная и вход в нижние комнаты расположен непосредственно под ней; напротив, в русских домах лестница всегда внутренняя <...>, а вход в нижний этаж открывается по одной или обеим ее сторонам» [Патканов 2003: 21].

Лестница в диалектах сибирских татар называется *пасқың*. Слово образовано от глагольного корня *пас* «вступать, встать» и суффикса *-қың*. Ср.: кум. *баткыч* «лестница, трап», тат.д. *бацман* «крыльцо, лестница».

Дома сибирских татар обычно разделялись на две половины. Первая половина, в которой готовилась пища, служила кухней, называлась *қара өй*, а вторая половина была горницей и называлась *ақ өй* (букв. «белый, чистый дом») или *қунақ өй* (букв. «дом для гостей»). Также в значении «горница» выступают слова *төп өй* (букв. «главный дом») и *түр йақ* (*түр* «передняя часть, лучшее место» + *йақ* «сторона»). Комнаты в доме именуются словом *пұлма* < гл. *пұл-* «делить» + суффикс *-ма*.

Слово *түбә* в тюркских языках обозначает «вершину», «макушку», «крышу, кровлю». Оно употребляется в диалектах сибирских татар с уточняющими словами: *өйтүбә* (от *өй* «дом» + *түбә* «вершина, крыша»), *түбә тақта* «потолок» (от *түбә* «вершина» + *тақта* «доска»). Составное название *түбә тақта* «потолок» характерно для ряда говоров мишарского диалекта и приуральских говоров.

Лексема *итән*, означающая «пол» аналогична татарскому литературному *идән*. Ср.: в башкирском *изән* «пол», в чагатайском *адән* «нижняя часть юрты; место, близкое к двери в противоположность *төр* – почетному», в туркменских диалектах *эден* «передняя часть кибитки», в ногайском *ыдан* «темница, яма» [Ахметьянов 1989: 56]. Образовано от *ордаң*, *ордөң* «шлифованный пол, земляной пол; гумно» [Ахметьянов 2005: 205].

«Подполье», «помещение под полом» обозначается словом *урын асты* (от слов *урын* «место» и *асты* «низ»). Ср.: тат.лит., тат.д. *идән асты* «подполье». Второе устарелое значение слова *урын* – «нары, где принимают пищу» [Алишина 1994: 94], следовательно, буквально *урын асты* означает «помещение, находящееся под нарами». В тюменском говоре тоболо-иртышского диалекта для обозначения подполья используется слово, заимствованное из русского языка – *путтал*. В говорах мишарского и среднего диалектов татарского языка, соседствующих с русскими говорами, также бытуют фонетические варианты русского слова: *патвал*, *путтыл*, *падвал* [Садыкова 2003: 69].

Лексема *ишек* «дверь», является общетюркской. В сочетании с другими словами образует названия отдельных частей двери и преддверья: *ишек алт* «двор», *ишек йаңақ* «косяк двери», *ишек қаиш* «верхний косяк двери, притолока».

«занавеска над дверью» – букв. «дверные брови», *ишек қорма* «занавесь на дверях», *ишек тупса* «порог». Ср.: ног., каз., к.калп. *эсик*, чув. *алăк*, тув. *ăjik* «дверь». Восходит к др.-тюрк. *ešik* «дверь» [ДТС 1969: 85].

Понятие «окно» в диалектах сибирских татар передается фонетическими вариантами *тирәс/тәрәс*. Употребляется в тюркских языках: тат.лит. *тәрәза*, сред.д. *тирәза*, миш.д. *тәрзә*, башк. *тәрзә*, мар. *торза*, чув. *чурече*. Общекрыпчакское слово *тәрәза* «окно» восходит к персидскому *даричэ* «окошко, дверце». Это персидское слово проникло во многие тюркские и нетюркские языки Восточной Европы, Средней Азии, Кавказа и Сибири [Ахметьянов 1989: 141].

Двухстворчатое окно в тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта передается словосочетанием *йарсағылма тирәс* – букв. «окно, открывающееся на две стороны», в тюменском и тевризском говорах этого же диалекта словом *ағылма* [Тумашева 1992: 34, 70]. Аналогичное словосочетание есть и в татарском литературном языке и его диалектах – *ачылмалы тәрәза*. Употребляясь в сочетании с другими словами может означать части окна: *тәрәс тупса* означает «подоконник» (от *тәрәс* «окно» + *тупса* «порог»), *тәрәс қаш* «верхняя часть оконного косяка» (от *тәрәс* «окно» + *қаш* «край, бровка»), *тәрәс йаңак* «оконный блок» (от *тәрәс* «окно» + *йаңак* «косяк»). В значении «оконное стекло» бытует составное слово *тәрәс шеишә* (от *тәрәс* «окно» + *шеишә* «стекло»). Однако еще во второй половине XIX в. источником света в жилищах татарской бедноты было волоковое окно, в которое вставлялась рама, затянутая специально обработанным бычьим пузырем. Такие окна назывались татарами *қарынтық тирәс* (от *қарынтық* «брюшнина» + *тирәс* «окно») [Валеев 1993: 99].

Основным атрибутом жилищ была печь, находившаяся либо сбоку, либо в центре жилища. С.К.Патканов отмечал отличие татарских печей от русских, состоящее в том, что печи «инородцев состоят из одного или трех отделений. В последнем случае печь состоит из “учака”, “мсица” и “чувала» [Патканов 2003: 21].

Для передачи понятия «печь» употребляется заимствованное из русского языка слово «печь» – *мейец*. По типу и форме печи различались: *урыс мейец* «русская печь», *түңәрәк мейец* «круглая печь», *тимерле мейец* «печь, обитая жостью», *контрамарка* «печь с прямым ходом и плотными крышками» [Алишина 1994: 93]. Лексема *мейец* и употребляемые вместе с нею определительные слова имеются также в других диалектах татарского языка: *мич* «печь», *рус миче* «русская печь», *тимер мич* «железная печь» и др. [Садыкова 2003: 83].

Органически связан с хлебной печью так называемый казанлык – *қасанлық*. Это «очаг, сложенный из кирпичей и поставленных на “ребро”, с вмазанным в него чугунным котлом для варки пищи» [Валеев 1993: 103]. Название образовано от слова *қасан* «котел» и суффикса *-лық*.

В тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта понятие «очаг» передается словом *ут* (букв. «огонь»). Восходит к др.-тюрк. *ot* «огонь» [ДТС 1969: 372].

Слово *уцақ* «очаг» употребляется на всей территории распространения татарского языка. Это древнее тюркское слово зафиксировано в словарях В.В.Радлова, Л.З.Будагова. Ср.: каз. *ошак*, кир. *очок* «очаг», к.калп. *ошақ* «земляной очаг», «таган, тренога для установления котла над очагом», уйг. *очағ* «очаг (примитивная печь для приготовления пищи)», тур. *осак* «очаг». Восходит к др.-тюрк. *oşag*, *oşug*, *oşug* «очаг, печь» [ДТС 1969: 362, 373].

У сибирских татар были также дворовые очаги, называемые *тышықы уцақ*, *урам уцақ* (от *тышықы*; *урам* «уличный» + *уцақ* «печь»).

В зимнее время в каждой избе устанавливалась железная печка – *тимер мейең* (*тимер* «железный» + *мейең* «печь»). Труба такой железной печки также присоединялась к дымоходу хлебной печи. Для именования понятия «дымоходная труба» в диалектах сибирских татар используются следующие слова: *торба*, *цуалбаш*, *кәкермәң*. Слово *торба* заимствовано из русского «труба». Лексемы *цуалбаш* и *кәкермәң* являются собственно диалектными.

Часть дымохода, находящаяся между потолком и крышей называется в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта *йатқы* [Тумашева 1992: 72]; в тобольском – *мыйралық*, в восточно-тобольском подговоре – *ет йату* [Тумашева 1992: 51]. Данные названия также являются собственно диалектными. Возможно, название *йатқы* образовано от гл. *йат-* «лежать» и суффикса *-қы* исходя из устройства дымохода, поскольку это было частью лежачей дымовой трубы. В основе же сочетания *ет йату* находится древнее существительное *ыт*, которое сейчас в говоре функционирует в форме *ыс* и означает «копать; сажа». То есть компонент *ет* имеет значения «копать; сажа; грязь», но не «собака» [Алишина 1999 Ч.1: 49]. В названии *мыйралық*, возможно, основа слова *мыйрық-майрық* «кривой» + суфф. *-лык*.

Чувал, называемый сибирскими татарами *цуал*, представлял собой печную трубу из необожженного кирпича, которая, расширяясь книзу, образовывала собственно очаг, напомилавший неправильный полый конус с дугообразным отверстием с одной стороны [Валеев 1993: 103]. Кроме западно-сибирских татар, чувал в прошлом применялся также пермскими, оренбургскими татарами, башкирами. Он, несомненно, представлял общий древний элемент в их материальной культуре, связанный с традициями народов Сибири, Алтая [Мухаметшин 2002: 102]. Кроме того, чувал был известен многим народам Севера (якутам, ханты, манси и др.). Данное название общетюркское. Ср.: башк. *сувал*, шор. *söl* «очаг», хак. *söl* «избушка», «печь», тур., аз. *çuval* «мешок». Из тюркских языков проникло в русский, а также финно-угорские языки: рус. *чувал* «очаг», «плита у камина с колпаком и дымоходом», «мешок, упаковка тюка с товаром», хант. *i'õyal* «чувал». Отсюда происходит одно из самоназваний сибирских татар – чувальщики [Аникин 1997: 96].

Таким образом, наименования жилищно-хозяйственного комплекса в диалектах сибирских татар характеризуются разнообразием. Большинство лексем сходны с татарским литературным языком и другими диалектами татарского языка. Выявляются параллели с западно- и восточнотюркскими языками. Некоторые из них восходят древнетюркскому языку. Все это указывает на то, что в основе лексических параллелей с другими тюркскими языками лежит единство тюркской лексики вообще, а также на тесные этноязыковые контакты сибирских татар с соседними тюркскими народами в историческом прошлом.

Выявленные заимствования из арабского, персидского и русского языков свидетельствуют об обогащении словарного состава диалектов сибирских татар за счет других языков, что происходило также в условиях их культурного и языкового контактирования. Особый интерес представляют специфичные для диалектов слова, например, *цуалбаш*, *кәкермәң* «дымоходная труба» и др. Кроме того, в составе данной лексики имеются устаревшие слова. Они возникли вследствие выхода из употребления обозначаемых ими реалий или замене их на

другие. Например: *қарынтық тирәс* «окно с брюшником вместо стекла», *чувал* «чувал» и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Алишина Х.Ч.* Ономастикон сибирских татар: В 2-х частях. – Ч.1. – Тюмень, 1999.
- Алишина Х.Ч.* Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: Монография. – Казань, 1994.
- Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских, палеоазиатских языков. – Новосибирск, 1997.
- Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1989.
- Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: В 4-х т. – Т.1. – Бирск, 2005.
- Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1993.
- Древнетюркский словарь.* – Л., 1969.
- Мухаметшин Ю.Г.* Этнографическое своеобразие традиционных сельских жилищ татар Западной Сибири // Сибирские татары: Сб. статей. – Казань, 2002. – С.86–113
- Насибуллина А.Х.* Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах). – Тюмень, 2001.
- Патканов С.К.* Сочинения в 5 т. – Т.1: Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Кашегальской, Червишевской и Яровской волостей Тюменского округа Тобольской губернии / Сост. Ю.Мандрика. – Тюмень, 2003.
- Садыкова З.Р.* Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. – Казань, 2003.
- Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

KEY WORDS: dialectal segmentation, dialects of the Siberian Tatars, housing, contacting, the vocabulary of the material culture, the Siberian Tatars, types of houses.

SUMMARY. The author gives the analysis of the names of the housing-economic complex (one of the most important elements of the material culture) in dialects of the Siberian Tatars in semantic and genetic aspects. Housing of peoples can tell about social-economic life and material culture of the people, their connections with other peoples and type of housekeeping. The work deals with the research of lexemes denoting 'house', types of housing of Siberian Tatars and their elements and their etymologization. Common traits of the dialects can be traced in the vocabulary of Turkic languages, and borrowings, that resulted from interactions of Siberian Tatars' dialect with Russian, Arab, Persian languages.

◆◆◆

**О НЕКОТОРЫХ ЭТНОЗООНИМАХ
В СОСТАВЕ ЭТНОНИМОВ КАЗАХОВ
(По материалам этнонимов Младшего жуза)**

Кожанулы Манасбай, Астана (Казахстан)

Ключевые слова: этнозоонимы, кочевой образ жизни, младший жуз казахов, тотем, топонимы, антропонимы.

В бескрайних просторах роды и племена, составляющие основу казахского народа, занимались скотоводством и, заботясь летом о жайлау (летовка), зимой о месте для зимовки, постоянно перекочёвывали с места на место. И поэтому кочевники, хорошо знакомые с природными особенностями широкой степи, знали отличительные черты каждой сопки, каждого оврага, каждого родника, использовали это знание в своей кочевой жизни как приметы, определяющие особенности местности. Название местности давалось соответственно этому. И во многих случаях, уже по названию местности можно было получить много сведений о рельефе земли, флоре и фауне, особенностях климата, природных богатствах окрестности.

С этой точки зрения, ономастические наименования, т.е. этнонимы, наряду со сведениями о том, какие племена и народы проживали с древних времён в данной местности, их истории, культуре и языке, дают ещё и представление о рельефе земли в древности, о флоре и фауне.

Например, в ответвлении Жаукашты, относящемся к роду Байулы, встречается род Кулан. В древности здесь был также город Кулан, чьё имя имело отношение к животному кулан. Об этом городе К.Байпаков и А.Нуржанов [Байпаков, Нуржанов 1992: 133] приводят такие факты: «Город Кулан известен из письменных источников, относящихся к первой половине VIII в. В путевой программе китайского проповедника Сюань-Цзянь и в истории династии Тан город именовался как Цзюйлань. В VIII–X в.в. о нем упоминают арабские авторы, описывающие города, расположенные вдоль трассы Великого Шелкового пути. Географы Ибн-Хордадбек и Кудама докладывают о городе Кулан, расположенном в 14 фарсах к западу от Тараза такими словами: «...песчаные пустыни находятся вдоль северной стороны от дороги между Таразом и Куланом, а далее от них песчаная пустыня с круглыми камнями, а там змеи, (она) (расстиляется) до границы кимаков». Арабский географ X в. Аль-Максуди писал так: «Кулан – укрепленный город, там есть соборная мечеть (медине). Сейчас он опустел, находится вдоль дороги в Тараз. Автор географического словаря Якут, создавший свой труд в двадцатые годы XIII в., заявляет: «Кулан – милый город, расположенный на границе страны турков с Мавераннахром».

С городом Кулан был связан ряд исторических событий. К примеру, здесь в 740 г. тургешский бек Курсул убил самого последнего западно-турского кагана Ашин Сынь. В 840 г. в Кулан прибыли арабские войска. В свое время

В.В.Бартольд сделал предложение отождествить город Кулан с городищем возле с.Луговое. Предложение было изучено и его правота была доказана.

Беря во внимание этот факт, видим, что имена, связанные с названиями зверей (этноним, топоним, антропоним) применяются с древних времен.

Ф.Энгельс писал: «Некоторые племена именовались названиями зверей. В племени Сенеке имеются восемь родов, которые имеют названия, как волк, медведь, черепаха, бобр, олень, рыба, цапля серая, беркут. По народным преданиям, другие племена распространились от родов медведь и олень» [Энгельс 1984: 102]. В связи с объектом нашего исследования мы видим то, что в составе этнонимов Младшего жуза встречаются названия родов, именовавшихся названиями животных, зверей и птиц. Именование родов первобытно-общественного строя названиями животных являются непрерывно продолжающимся историческим процессом (этот процесс – общий и для этнонимов в составе тюркоязычных народов).

Из истории известно, что казахский народ вел кочевой образ жизни и, в основном, занимался скотоводством. Следовательно, это не случайное явление, что в этнонимах встречаются названия, связанные с растениями, живыми существами и другими различными животными.

Как писал ученый-этнограф Х.Аргынбаев, проводивший исследования этнографических рассказов только лишь относительно скотоводства казахского народа, о животноводческом хозяйстве региона: «Территорию Казахстана по своим природным характеристикам можно разделить на четыре зоны. Западный Казахстан, то есть природа бассейнов Каспия, Арала и полуострова Мангыстау, в основном состоит из песчаных и пустынных земель, и поэтому здесь более благоприятные условия для занятия скотоводством, а именно, для содержания овец и верблюдов» [Аргынбаев 2000: 10]. Известно, что скотоводство играло решающую роль в жизни казахского народа. В таком случае, названия родов, встречающиеся в этнониме Младшего жуза и происходящие как от имён животных, зверей и птиц так и от имён домашних животных, приведённые в нижеследующей таблице, являются доказательством этому (см. таблицу).

№	Название родов и племен в составе генеологии Младшего жуза (МЖ)	Отношение к объединениям Младшего жуза		
		МЖ-Байулы	МЖ-Алимулы	МЖ-Жетыру
1.	Арыстан (Лев)			Колено Есенкелди
2.	Аю (Медведь)		Колено Буганай; от Айтмамбета; от Кошана; от Есенали	
3.	Бөрі (Волк)		Колено Тауен//Дауен от Турлы	
4.	Бай бори (Волк-богач)		Карабазар	
5.	Бұқа (Бык)	От Сабынай		

6.	Қабылан (Барс)		От Итемген	
7.	Кошқар (Овец)	От Дербис; От Жанбай; От Али		От Караша; От Аккожа; От Танирберген От Баябдал
8.	Қоян (Заяц)		От Сеиткул	От Кожамберди; От Косым
9.	Құлан (Кулан)	От Жауқашты		
10.	Құндыз (Бобр)		От Мангытай; от Ебески	
11.	Қыран (Сокол)	От Курман		
12.	Сұңқар (Кречет)			От Абыз

По нашему мнению, названия, свойственные миру казахского этнозоонома, давались главным образом в связи с основным занятием или способом жизни живущих там племен и людей, во-вторых, в связи с отличительными чертами различных свойств и особенностей, присущих самому зоониму, и в дальнейшем со временем стали географическими объектами.

Обстоятельство, которое надо учесть здесь: в древние времена человек не был полностью отделен от зверей, собирал готовые плоды природы и питался ими, жил в горных пещерах. В то время каждое племя, каждый род, каждая община жили в разных местах. Следовательно, они почитали, поклонялись диким животным, которые часто встречались в местах их обитания: волкам, волкам-самцам, медведям; природным явлениям; озерам, горам, холмам, пещерам и др.; среди птиц чаще всего – орлу.

Как и заметили из вышеприведенного примера, слово *Бөрі* (Алимулы Тауен//Дауен; название рода колена Турлы) встречается и в переносном смысле, и в астрономических названиях. Вместе с тем, существует также тотем волка-самца.

Бөрі – имя существительное. 1. Волк, волк с торчащими ушами. Например: Издалека слышны голоса и других воющих волков-самцов (Т.Алимкулов); 2. *перен.*: хищный, жестокий, кровожадный (человек). Например: Убивший своего ребенка. Он же волк-самец, сожравший свое дитя! (Иманжанов); Волк-самец арлан (самец животных, чаще хищных) – самый крупный из волков-самцов, самый сильный; Голодный волк-самец – изголодавшийся, ненасытный, рыщущий волк-самец; Волкодав – собака, берущая волка; Волчьи уши – прямые, торчащие уши; Волчье чрево – то голодный, то сытый; Волчьи игры – резвость волчьей стаи; Матёрый волк – крупный большой волк.

Волк – *суц.*, астрономическое название. Созвездие в южной части неба. Созвездие волка появляется весной в южной широте РК.

Волк – *суц.*, античный. Звание, которое давалось особым отрядам древних тюркских каганатов. В одной из летописей упоминается звание волка иногда присваивал каган [Қазақ 1975: 425–426].

Тотем серого волка проявляется в традициях и обычаях, сохранённых со времён Тюркского каганата. Например, во время войны с китайцами племена сянта, жужан, хун надевали на коней голову волка. В легенде «Огыз нама», когда Огызхан отправлялся в поход на войну, его войско вёл матёрый волк [Коныратбаев 1991: 67–69]. Есть особый смысл в том, что их называют волк,

волк-самец. Боясь, что если волка называть «волк», то можно его накликать, его называют «ит-күс» (*собир.* хищник, нападающий на домашний скот).

Также, в ответвлении Карабазар, относящемся к Алимұлы Младшего жуза, слово «бәрі», слившись со словом «бай» образовали название рода Байбори. А в эпосе «Алпамыс батыр» означает имя человека. Например:

На земле Жидели-Байсын,
В стране Конырат,
Жил бай Байбори.

Т.Жанұзақов в своих исследованиях [Жанұзақов 1974: 293–295] высказывает мнение о том, что в китайских летописях роды, племена назывались словом «бай» в 694–250 гг. до н.э. и это слово было названием отдельного рода.

С этой точки зрения мы думаем, что род Байбори, относящийся к Алимұлы младшего жуза, образовался в результате объединения родов, именовавшихся в начале по отдельности «бай», «бори» в значении тотема.

А король птиц *буркит* «орёл» (род Буркитбай из ответвления Косжан от Байұлы) в толковом словаре означает: «Беркут – имя суш. Крупная хищная птица с твёрдыми шпорами, обитающая в горных и степных местностях» [Қазақ 1975: 574]. Беркут вьёт своё гнездо на самых высоких вершинах гор. В настоящее время беркут встречается редко. Казахи тренировали таких птиц как орёл, ястреб, сокол-балобан для охоты и использовали их в охоте на волков, лис, зайцев и др.

Подытоживая, о месте названий животных в топониме Казахстана учёный Н.И.Баяндин сказал: «...все эти имена давались не случайно. Они тесно связаны с кочевым образом жизни казахов, занятием скотоводством, в общем с историей народа...» [Баяндин 1994: 90]. Это утверждение относится и к этнозоонимам, встречающимся в составе этнонима Младшего жуза, а исследование их мировоззрения с точки зрения лингвокультуры – дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байтаков К., Нуржанов А. Великий Шелковый путь и средневековый Казахстан. – Алма-Ата, 1992.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, собственности и государства. – Алма-Ата, 1984. – 102 с.
3. Аргынбаев Х. Этнографический очерк о животноводстве казахов. – А., 2000.
4. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі: Т.2. – Алма-Ата, 1975.
5. Коныратбаев А. История казахского фольклора. – Алма-Ата, 1991.
6. Жанұзақов Т. Қазақ тілі ономастикасының негізгі проблемалары: Филол. ғылымының докторы дәрежесін алу үшін жазылған докт. диссертация [Докт.дисс.]. – Алма-Ата, 1974.
7. Баяндин Н.И. О некоторых казахских географических названиях Восточного и Центрального Казахстана // Вестник АН КазССР, 1994, №4 (49).

KEY WORDS: Ethnozoonyms, nomadism, junior juz of Kazakhs, totem, toponyms, anthroponyms.

SUMMARY. The article considers some problems of ethnozoonyms with lexemes *бәрі* 'wolf', *буркит* 'eagle', etc., which are found in ethnonyms of Kazakhs.

***

О СЛОВАРЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Ф.С.Хакимзянов, Казань

Ключевые слова: образные сравнения, сопоставление, устойчивость.

Сравнение издревна являлось одним из видов мыслительной деятельности (поэтому считается и предметом логики), и сутью его выступало сопоставление предметов и явлений на основе сходства, что достигалось при наличии общего признака. Выступая формой художественного мышления, сравнение является и предметом стилистики и поэтики.

Как известно, многообразие форм выражения идеи сравнения поддерживается лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами. И не во всех языках эти средства могут организовать сравнение, предполагаемое состоящим из двух отдельных элементов. Не углубляясь в теорию сравнения, образования сравнительных конструкций в татарском языке [подробнее об этом см.: Хакимзянов 2006; 2008], скажем только то, что чем образнее речь, чем она ярче, тем сильнее она воздействует на того, к кому обращена. И необходимость воздействия на собеседника, вынуждает для сравнения искать более известные объекты для данного коллектива, т.е. на первый план выступает культурно маркированная оппозиция «свое – чужое» (интракультурная) и «далекое – близкое» (интеркультурная). Так, например, иронический оборот «нужен как в Петров день vareжки» не всеми будет восприниматься как общенациональное в силу невосприятия отдельных компонентов в смысловой структуре компаративного тропа. Используя в речи общеизвестные для культурной среды предметы и явления, достигается образное восприятие уже знакомой действительности.

Образные сравнения рассматриваются как индивидуально-творческие и общенародные, т.е. устойчивые. Основным условием в составленном нами словаре сравнений татарского языка выбран принцип устойчивости. Под устойчивыми компаративными структурами мы понимаем воспроизводимые компаративные единицы языковой системы, в которых проявляется устойчивость связи логических элементов сравнения, закрепленная в коллективном сознании говорящих, т.е. тот факт, что образ сравнения всегда оказывается связанным со строго определенным основанием – общим признаком и с определенным или ограниченным предметом сравнения. Степень устойчивости определен неоднократным использованием у различных авторов, а также наличием общего семантического гнезда. Своеобразным образцом словаря послужил «Словарь устойчивых сравнений русского языка» проф. В.М.Огольцова (М.: ООО «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001 г.).

предназначенный широкому кругу читателей, но, в первую очередь, писателям и переводчикам.

В заголовок словарной статьи вынесен, в виде опорного слова, субъект сравнения, затем идут наиболее употребительные или единственно возможные послелог, аффиксы с субъектом сравнения, ср.: **Ай. Ай күк/тик/төсле/айдай “словно луна”**. Круглые скобки применяются для показа лексических вариантов устойчивого сравнения, например: [Тулган] **ай кебек/айдай йөз (бит) “Лицо (лицо) словно [полная] луна”**. Как видно из приведенного примера, в квадратные скобки заключены факультативные компоненты устойчивого сравнения, ср. также: **Ай кебек [салкын] нурлы “С [холодным] лучом, словно луна”**.

При определении значений, выдержан принцип, примененный В.М.Огольцовым, т.е. определение значения состоит из описания признака, лежащего в основании сравнения и описания круга предметов, способных выступать в роли элемента объекта сравнения. Описание каждого значения и созначения в словаре подтверждается как правило тремя примерами..

КАР

[АК; ГЫЙНВАР; ЯЗГЫ; ЯҢА ЯУГАН; ЭНЖЕ] **КАР КЕБЕК /ТӨСЛЕ/ ШИКЕЛЛЕ/ КАРДАЙ**

1. Агарырга. Нинди булса да авырудан, куркудан һ.б. битнең төсе үзгәрергә. *Аның битләре башта кып-кызыл булып чыкты, аннан кар кебек агарды.* Ф.Бәйрәмова. Караболак. *Аңына килгәндә, ул Биташның аяк очында ята иде, бабасы аның кардай агарган битенә учлап салкын су сибә...* Ф.Бәйрәмова. Караболак. **Гыйнвар кары кебек агарынып** киткән кыз куллары белән битен каплады. Т.Галиуллин. Мәкер.

2. Агарырга – кешенең чәченә чал иңәргә. *Чәчләре тамам кардай агарып бетсә дә, битләрен, маңгайларын эҗьерчык басса да, беренче карауга ярыйсы гына таза, саламәт күренде ул миңа.* Ф.Шәфигуллин. Ана һәм бала. *Бу дәншәттән кшлер бала төеп, Чизә чәчем кардай агарды...* А.Хәлим. Ут. **Ак кар булып** чәчләренә кара кайгы иңгәндер. Д.Сирай. Кар ява.

3. Ак, ап-ак. Нинди булса да киём (күлмәк, яулык, бүрек һ.б.) турында. *Тау башкайларында асыл таш – төлке балалары тараткан: Ак бүрек – кар кебек, аузы – шикәр, теле – бал кебек.* Г.Тукай. “Ак бүрек” көе. *Өстендә өр-яңа кара костюм, кар кебек ак күлмәк, ак ефәк галстугын чикләвек хәтле генә төенләп таккан.* Г.Әпсәләмов. Ак чәчәкләр. *Өстендә аның куе-зәңгәр костюм, башында кар шикелле ак берет, аякларында кар ефәк оеклар өстеннән кигән шундый ук төстәге биек үкчәле модный туфлиләр иде.* Ә.Еники. Икенче көнне. **Кардай ап-ак** күлмәк киеп, Килен булып төшкәнән. Д.Сирай. Кар ява.

3.1. Ак. Материя, жәймәнең чисталыгы турында. *Ул кар кебек ак эҗәймәләр арасыннан кытыршы, дәү кулын чыгарып малайның кояшта уңган эҗитү чәчен сыйпады.* А.Гыйләжәв. Тәрәзәләр. *Түшәк-ястыклар тау кадәр булып өелгәч, эбиемнең буге да эҗитми башлый, кардай ак эҗәймәне мамык тавы өстенә мин үзем эҗәям.* Ф.Бәйрәмова. Болын. *Өстәлема эҗәям ак ашьяулык – Яңа яуган карлар кебеген.* Л.Янсуар. Кавыщу жыры.

3.2. Ак. Кешенең чәче турында. *Чәч агарды, калды ул бик сип-сирәк һәм кардай ак.* Г.Исәнбирдин. Үтте. *Кардай ак озын күлмәк. Хәмзә бабай, кардай ак башын сыйпаштыргалап, гөлҗимеш куагы*

төбәндәге эскамияда утырып калды, Фәһим исә, өстәл кадәрле якты пычланы култыгына кыстырып йортка таба әңгилдерде. Ф.Шәфигуллин. Өстәл кадәрле якты пыяла. *Кардай ак яулык астыннан кардай ак чәчләр күренеп тора.* Ф.Садриев.

3.3. Ак. Шомырт чәчәге турында.

Шомырт чәчәге кар кебек. Р.Харис. *Ап-ак карлар төсле бу шомыртлар. Сафлык төсө булып яралган.* Р.Мөхияр.

3.4. Ак. Хисләрнең пакьлеге турында.

Күңелләрдә кардай аклык, Тәндә кардай әңгиллек. Э.Шәрифуллина. Гашыйк булдым. *Күктә йөзә карлы болыт, Күкләрдә кар исләре, Кардай актыр хисләрем.* Р.Мөхияр. *Көзләр әле үтмәсә дә, Беренче карны көткәндә, Сукмакта кар исләре, Эңгә кардай хисләрем.* Р.Мөхияр.

3.5. Ак; Кешенен нинди дә булса әгъзасы (бит, аяк, беләк һ.б.) турында.

Күзләренә туры каригач та, яңи яуган кар шикелле ак бите уртасында хәзер кызыллык хасил була... К.Тинчурин. Беренче чачәкләр. *Ул кар кебек аяклары белән сапсары йомшак ком өстенә баскан иде.* Ш.Камал. Эч пошулы. *Ак кар кебек бәнем беләгем, бел алладан күттер теләгем.* “Аксак Йосып” жыры.

4. Эергә – бетәргә, юкка чыгарга.

Нигә ана кайгысы да шул кар кебек кенә эреми икән? Г.Әпсәләмов. Оңгытырлык түгел. *Моңа да ризалаштым – мин язга бәреп кердем, әй эредем карлар кебек, тик беркай акмадым. – Умырзаяларга диеп, мин үземне сакладым.* Р.Харис. – *Ә аннары инде кыздагы түземлек тә язгы кар шикелле барыбер эреп беткән.* В.Имамов. Казан дастаны.

Сюда же можно отнести и сравнительные конструкции, образованные при помощи союза *гүя* “как будто”, например, *Еллар эри – гүя карлар. Еллар эри – гүя карлар.* Р.Вәлиуллин. *[Беренче] кар гүя шикәр. Ява – эри, ява – эри, гүя шикәр... ә шулай да... мәңгә иста калачак ла Беренче кар...* Роб.Әхмәтжан. Беренче кар.

Со временем определительная часть значения устойчивых сравнений может увеличиться. Это связано в основном с ростом количества анализируемого материала, когда определенные сравнительные конструкции, в силу различных причин потерявшие свою актуальность, вновь начинают употребляться в разностилевой литературе. Например, когда-то было весьма актуальным сравнение белизны зубов со снегом (ср.: *Күзеңне дә, кашыңны да кары димен дә мактыймын; Йөзеңне ай кеби нурлы, тешеңне кардай ак димен.* С.Габделмәнев. Гүзәл ханыма әйтәм), ныне таких сравнений пока не зафиксировано. Возможно, увеличатся сравнения такого типа как *кар кебек бөтерелергә* «кружиться, словно снег», ср.: *Никтер еллар хәзер ак кар кебек – Салмак бөтерелә...* Р.Харис. Бәхетлерәк кем бар бездән.

ЛИТЕРАТУРА

Хакимжан Ф. Образлы гыйбарә булмаган чагыштырулар// Научный ж. “Milli mədəniət”. – Казан: Gumanitarya, 2006, №9. – Б.55–58; *Его же.* Образ, образлылык һәм чагыштыру// Научный ж. “Milli mədəniət”. – Казан: Gumanitarya, 2008, №16. – Б.24–29.

KEY WORDS. Figurative comparisons, confrontation, constancy.

SUMMARY. The work deals with problems of compiling the first in Tatar linguistics Dictionary of set comparisons. The work provides as an example dictionary entry of comparative construction with component ‘snow’.

***

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«РОССИЯ И ТУВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ –
ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА»

Под таким названием 15 января 2010 г. в Тувинском ин-те гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва состоялся круглый стол, посвященный 60-летию директора института, видного ученого, государственного и общественного деятеля Каадыр-оола Алексеевича Бичелдея.

В первой части круглого стола юбиляра поздравляли государственные деятели России и Тувы, коллеги, соратники, друзья, представители научной и преподавательской общественности.

Председатель Правительства Республики Тыва Ш.В.Кара-оол, отметил вклад К.А.Бичелдея в развитие тувиноведения, как автора теоретических, методических работ по проблемам тувинского языка, а также учебников по тувинскому языку. Особо была подчеркнута роль Каадыр-оола Алексеевича как гос.деятеля, участвовавшего в разработке Федеральных Законов «О языках народов РСФСР» (1991 г.) и «О государственном языке РФ». В знак признательности юбиляру была подарена мантия ученого с нагрудным знаком в образе пантеры (по мотивам археологических находок из кургана «Аржаан-1»), автором которых является министр культуры и туризма Республики Тыва В.О.Донгак.

С приветственным словом выступили зам. председателя Правительства Республики Тыва А.П.Дамба-Хуурак; зам. председателя Палаты представителей ВХ Республики Тыва Н.Германова, зам. министра образования, науки и молодежной политики Республики Тыва У.С.Ондар, ректор Тувинского гос. ун-

та, докт. биол. наук, проф. С.О.Ондар; директор ТИКОПР СО РАН, докт. геолого-минерал. наук В.И.Лебедев; специально приехавшая по случаю празднования юбилея из Москвы докт.ист. наук, акад. РАЕН, проф., Генеральный секретарь Лиги малочисленных народов и этнических групп России Е.А.Гаер.

Во второй части круглого стола были представлены доклады об особенностях политического и культурного развития России и Тувы на рубеже веков, о научной и государственной деятельности К.А.Бичелдея, подготовленные зав. сектором языка, канд. филол.наук Н.Ч.Серээдар; канд. филос. наук, глав. редактором журнала "Новые исследования Тувы" Ч.К.Ламажаа; докт. юрид. наук, проф. ТывГУ Н.А.Ондаром, народным писателем Республики Тыва А.А.Даржаем, а также доклад самого юбиляра «Субъектная государственность и конституционализм нового времени – моя концепция: поиски, обретения и новации».

В заключении состоялось подведение итогов круглого стола ведущей – Ч.К.Ламажаа. К юбилею К.А.Бичелдея подготовлены два издания: Библиографический указатель (к 60-летию со дня рождения) «Каадыр-оол Алексеевич Бичелдей – человек своего времени». – Абакан, 2009; а также журнал «Зову всех мыслить (к 60-летию Каадыр-оола Алексеевича Бичелдея)». – Абакан, 2010. По итогам работы круглого стола будет издан сборник материалов.

М. М.-Б. Харунова.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ

12–14 октября 2009 г. в Центре культуры и конференций университета Османгази г.Эскишехир Республики Турция работал «Международный научный симпозиум по татарскому языку» [“Uluslararası Tatar Türkçesi Bilgi Şöleni”], организованный Отделением турецкого языка и литературы факультета науки и литературы университета Османгази г.Эскишехир и Турецким лингвистическим обществом (г.Анкара).

Директор Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Татарской академии наук д-р филол. наук, проф. К.М.Миннуллин (Казань), зав. отделом этого же института д-р филол. наук, проф. М.З.Закриев (Казань), ректор Крымского университета искусств и педагогики проф. Ф.Якубов (Симферополь) и д-р филол. наук, проф. Н.Ш.Хисамов (Казань), поздравив организаторов и участников симпозиума, вручили хозяевам памятные подарки. Вступительными речами от имени университета Османгази выступили ректор университета проф. Фазыл Текин, декан факультета проф. Халиль Буттанры, зав. отделением проф. Эрдоган Боз, выступил также глава Турецкого лингвистического общества проф. Шюкря Халюк Акалын и губернатор Эскишехира Мехмет Кылычлар.

Глава Турецкого лингвистического общества, докт. филол. наук, проф. Шюкря Халюк Акалын, например, свое выступление начал с того, что ТЛО от

начала своей организации М.К.Ататюрком обращал большое внимание, наряду с исследованием турецкого языка, и изучению других родственных наречий, организации конференций, и опубликованию исследовательских работ. Он отметил, что прежде чем говорить о сформировании единого языка общения между тюркским миром, необходимо исследовать все тюркские письменные языки и наречия, выявить их лексическое богатство. Проф. Акалын сказал: “Единый язык общения возвысится за счет лексического богатства тюркских наречий. Если посмотрим на наши основы, то увидим общие корни, по этой причине лексическое богатство турецкого языка – наше священное сокровище. Присутствие темных пятен на теле турецкого языка связано с неисследованностью турецкого письменного языка и его диалектов”.

Глава ТЛО, отметив, что ощущает гордость от встречи с соплеменниками, которые своим языком, образцами художественной литературы, традициями, жизнью образуют культурное единство с тюркским миром, и они хотят вместе с коллегами из Татарстана, Крыма и Румынии провести научный меджлис о татарском языке, преподнес сюрприз жителям Эскишехира. Он дал сведения об учителе с.Арапорен Эскишехира, который годами записывал в особую тетрадь сведения о чагатайском

языке, о правильном произношении слов, о написании их согласно новым правилам письма, и в 1932 г. направил их на I съезд Турецкого языка, в котором участвовал организатор государства М.К.Ататюрк.

Губернатор Ескишехира Мехмет Кылычлар подчеркнул внесение ощутимого вклада, проживающих в регионе свыше 100 тыс. крымских татар в развитие культуры, промышленности и сельского хозяйства. Далее он продолжил: «В три часа 18 мая 1944 года раздался стук в двери 200 тыс. людей и было потребовано собраться на площади в течении 15-минут. Так эти люди начали свою 50-летнюю ссылку, которая для некоторых продолжается и поныне». Затем он провел параллель между горькой судьбой крымско-татарского народа с судьбой их лидера Абдулджемила Крымоглу, Крымоглу понял вкус ссылки в возрасте шести месяцев, провел всю жизнь в тюрьмах, рабочих лагерях, голодовках, но ни разу ни он, ни крымские татары не заикнулись о начале вооруженной борьбы.

После вступительных речей по решению Ученого совета университета Османгази за «Начало в советское время Национально-свободительного движения крымских татар с целью возвращения на свою родину сосланных крымских татар, за ведение борьбы за права крымско-татарского народа без проливания крови, продолжение борьбу за права и свободу, несмотря на многочисленные изгнания и заключения в тюрьмы...» председателю Крымско-татарского национального меджлиса Украины Мустафе Абдулджемиу Крымоглу присвоено звание «почетного доктора».

В работе симпозиума приняли участие и выступили с докладами из Татарстана доктор наук, профессор Ф.А.Ганиев, М.З.Закиев, К.М.Миннуллин, Н.Ш.Хисамов, канд.филол.наук А.Х.Алеева, научн.сотр. Б.К.Миннуллин; (все из ИЯЛИ), проф. Ф.С.Хакимзянов, ст. преподаватель Л.Ф.Гараева (ТГГПУ),

проф. Ф.М.Хисамова, канд. филол.наук А.Ш.Юсупова (КГУ), из Вашингтона (США) Мюбеййин Бату Алтан, из Лефкоши (Северный Кипр) Надежда Чирли и др. Со своими докладами, связанными с разными проблемами казанских, крымских, румынских татар, ногайцев, участвовали и ученые из разных регионов Турции, например, доктора наук, проф. Эрдоган Боз, Тунджер Гюленсой, Наджи Экем, Мустафа Онер, Хатидже Шахин, доценты Зухал Юксел, Эрдал Шахин и др. В 9-ти заседаниях всего выступило 12 иностранных ученых и 36 ученых из Турции. Невозможно перечислить тематику всех докладов, здесь прозвучали выступления и об этапах истории татарского литературного языка (Ф.М.Хисамова), отражении татарского языка в словарях (К.М.Миннуллин), теории лексикографии и словарях татарского языка (Ф.С.Хакимзянов), о названии «татар» (Т.Гюленсой), о корнях современных татар (М.З.Закиев), о татарском аффиксе *-гер(е)* со значением проклинания (Э.Шахин), о судьбе нации в поэзии Дердменда (Н.Ш.Хисамов), сравнение крымско-татарского говора Эскишехира с наречием татар Добруджи (Дж.Карасу), о следах ссылки крымских татар в романе Ченгиза Дагчы «Они тоже были людьми» (С.Акпынар), наблюдения о татарах Бурсы, его окрестностях и об их говоре (Х.Шахин, Ш.Баштюрк, М.Улуоджак, С.Эроглу), о борьбе за сохранение крымско-татарского языка в крымской диаспоре Америки (М.Б.Алтан) и т.д. Выступления докладчиков вызвали большой интерес (в некоторых случаях и оживленный спор), их обсуждение показало актуальность проводимых научных исследований.

В рамках Международного научного симпозиума по татарскому языку прошла церемония присвоения звания почетного доктора и открытие Крымско-татарского дома культуры. Крымско-татарский дом культуры им.М.Крымоглу открылся в отреставрированном историческом двух-

этажном здании на ул. Шейха Шамсудина Среднего микрорайона района Одунлазары при участии официальных лиц, некоторых ректоров университетов Турции, участников симпозиума, представителей общественности города (в т.ч. крымско-татарского общества, общества культуры и взаимопомощи казанских татар, общества ногайских тюрок). Ныне в Эскишехире, где в большом количестве компактно проживают крымские татары, и где функционирует Общество крымских татар, основной целью которого является сохранение и развитие языка и культуры, открылся самый большой в Турции культурный центр.

На открытии центра участвовали и выступили Генеральный секретарь аппарата Президента Турции Мустафа Исен, глава администрации Одунлазары Бурхан Сакаллы, губернатор Бакчасарая (Украина) Ильми Умеров, мэр Бакчасарая Александр Терьянид и участвовавший на научном симпозиуме в качестве гостя, Председатель Национального меджлиса крымско-татарского народа Мустафа Крымоглу. Затем в историческом «Османском доме» для присутствующих был дан ужин.

А.Балджи, Э.Боз.

***

І МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРОТЮРКСКИЙ – ОТ ДАЛЬНОЙ ДО ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ»

С целью ознакомления с исследованиями в области старотюркского (древнетюркского) языка от Дальней Азии до Передней Азии, а также дать информацию о них всем ученым, и объединить усилия научных учреждений и всех ученых для развития изысканий, ознакомиться с новыми находками, их чтениями, толкованиями, Отделение современных тюркских языков и литературы факультета науки и литературы Университета Коджателе (г.Афйонкарахисар) и Турецкое лингвистическое общество (г.Анкара) с 18 по 20 ноября 2009 г. провели I Международный научный симпозиум «Старотюркский – от Дальней до Передней Азии» (I. Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi Şöleni). Во время работы секций симпозиума (названных именами крупнейших ученых Хусеин Намыка Оркуна, Неджип Асыма Йазыксыза, В.В.Радлова, Рашит Рахмати Арата, Мухаррема Эргина, В.Томсена) и в отдельно организованных тематических заседаниях (например, имени В.Радлова – о проблемах чтения и сохранения памятников, написанных руническим

письмом; имени А-М.фон Габэн – о проблемах чтения и опубликования уйгуроязычных тестов; имени С.Н.Малова – о лексическом богатстве старотюркского (древнетюркского) языка; имени Э.Р.Тенишева – история, культура и археология древних тюрок) ученые знакомили своими новыми достижениями, ставили различные проблемы, обменивались мнениями с точек зрения теории и методов исследования.

В работе I научного симпозиума приняли участие 53 ученых представляющих 13 стран: Азербайджан (др.Х.Алеева), Венгрия (проф. М.Добрович), Германия (проф.М.Ердал), Грузия (др.Ф.Гаджиев), Казахстан (др. Н.Базылхан), Киргизстан (проф.Ч.Джумагулов, др.Н.Усеев), Китай (др. Д.Ышбарлы, др.Р.Нури), Россия (проф. И.В.Кормушин, проф.Ф.С.Хакимзянов), Северный Кипр (др.Р.Алимов), Турция (проф. С.Тезджан, проф. А.Эрджиласун, проф. С.Барутчу-Озондер, проф. М.Олмез и др. – всего 31 чел. из разных университетов и научных центров). Украина (проф.А.Евглевский), Южная

Корея (др. Й.-С.Ли), Япония (проф. Т.Осава).

Символично прозвучало на открытии симпозиума выступление в сопровождении оркестра народных инструментов хора Отделения современных тюркских языков и литератур университета «Музыка тюркского мира», в исполнении которого прозвучали мелодии различных тюркских народов, создавая тем самым атмосферу степей Средней Азии до Анатолии. Дополнило все это прекрасно оформленная и высокохудожественно подготовленная костюмированная танцевально-эпическая постановка «Тюрки от Дальней Азии до Афйонкарахисара», исполненная студентами. Здесь чтецы и танцоры средствами искусства пытались передать своеобразие тюрков от появления на исторической арене до кочевания их до Анатолии, показывая отдельные этапы их жизни и известных личностей.

В выставочный зале были развернуты специально экспонированная «Тюрксоем» «Международная выставка архео-арт картин» и подготовленная студентами названного отделения университета «Выставка коктюркских знаков».

Работа симпозиума проходила в Центре конференций им. Ататюрка Университета Коджатеппе в 4-х секциях и заседаниях (названия указаны выше). Значительный интерес вызвали краткие информации выступающих о состоянии и проблемах, связанных с памятниками древнетюркской письменности в различных странах.

При сведении воедино квинтэссенций докладов выступающих, можно было бы выделить проблемы, которые прозвучали чаще всего, это – новое чтение некоторых слов, выражений памятников древнетюркской письменности и уточнение чтений (С.Гомеч, С.Тезджан, С.Демирбелек Дж.Кайа, О.Мерт, Р.Усеев, Х.Ширин Усер, С.Шен и др.); древнетюркский язык и последующие варианты тюркского языка (С.Барутчу-

Озондер, Д.Ишбарлы, И.В.Кормушин, Р.Нури, М.Эрдал, Ф.С.Хакимыязов и др.), древняя история и история тюрков (Ч.Джумагулов, Д.Сарыгулов, Ф.Гаджиев, Э.Мемиш, О.Каратай, К.Эрджиласун, Н.Базылхан и др.).

Российские ученые выступили со следующими докладами: И.В.Кормушин "«Тюркский народ» и «тюркский язык» в тюркских памятниках орхонского, караханидского и мамлюкского периодов", Ф.С.Хакимыязов "Следы древнетюркского языка в средневожском регионе".

В предложениях и решениях, прозвучавших в заключительном заседании отмечалось присутствие у выступающих различного толкования понятий, необходимость более широкого, может урало-алтайского, обсуждения некоторых проблем (поэтому было предложено о проведении следующего аналогичного симпозиума в Венгрии), важность перевода обобщающих трудов на современные тюркские языки, необходимость исследования (может, реконструкции) пратюркского состояния, желательность концентрирования эстампажей, снимков, копий памятников в одном месте, создание координирующего центра по отдельным проблемам и т.д.

Было решено опубликовать доклады участников и ход их обсуждений в ближайшее время отдельной книгой.

Последний день симпозиума был посвящен культурной программе: одна группа знакомилась с достопримечательностями Афйонкарахисара и окрестностей, посещала музей; другая группа выехала в местность, называемая «Памятные захоронения с наскальными надписями».

Необходимо подчеркнуть важное значение таких симпозиумов, позволяющих исследователям разных стран быть в курсе новейших работ в области изучения древнетюркской письменности, источников древних литературных языков, а также обменяться мнениями со своими коллегами.

Озгур Ай.

***

«РОССИЯ-МОНГОЛИЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
(К 70-ЛЕТИЮ СОБЫТИЙ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ)»

19–21 октября 2009 г. в Санкт-Петербурге прошла Первая международная научно-практическая конференция «Россия-Монголия: историко-культурное взаимодействие в прошлом и настоящем (к 70-летию событий на Халхин-голе)». Главным организатором конференции выступили Петербургское общество друзей Монголии /СПБОДМ/ и Международный фонд поощрения социальных инициатив /МФПСИ/. Официальными партнёрами являлись: с российской стороны – Институт Восточных рукописей РАН /ИВР РАН/; Санкт-Петербургский гос. ун-т /СПбГУ/; Фирма «ПетерЛюкс»; с монгольской стороны – Монгольская Академия наук /МАН/; Союз монгольских обществ дружбы /СМОД/.

Основными темами конференции стали: События на Халхин-голе. Взгляд из будущего; Россия и Монголия в исследованиях российских, монгольских и западных историков, политологов, философов, филологов; Россия и Монголия: восемь веков совместной истории; Россия и Монголия: взаимодействие культур; Вклад российской науки и культуры в развитие Монголии.

На конференцию была приглашена группа почётных гостей, в числе которых находились В.В.Горбатко, лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, Герой Монголии, Герой Вьетнама, президент Общества друзей Монголии (Москва); В.А.Джанибеков, лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, Герой Монголии; а также руководители, офицеры и курсанты военных академий и училищ Санкт-Петербурга, представители Администрации города.

Конференция проходила в Центральном музее связи имени А.С.Попова. Первый день работы состоялся в конференц-зале Музея.

Открыл торжественное заседание С.Б.Евстафьев, председатель Правления Санкт-Петербургского общества друзей Монголии. Он отметил, что Санкт-Петербургское Общество друзей Монголии лишь в прошлом году возобновило свою работу в нашем городе после десятилетнего забвения постперестроечного времени. Это мероприятие уже вторая акция Общества, цель ее – стать знаком дружбы между нашими народами.

На открытии заседания с приветственным словом выступил Чулуны Дашдава, директор Института истории МАН (Монголия). Он отметил, что конференция проводится в память о событиях на небольшой реке Халхин-гол на северо-востоке Монголии. В боевых действиях принимали участие с одной стороны – Красная армия и монгольские вооруженные силы, с другой – Квантунская японская армия. И хотя дипломатические отношения между СССР и Японией не были разорваны, это была настоящая война с многочисленными для обеих сторон потерями. Для России это была помощь братскому монгольскому народу, для Монголии – борьба за свою территориальную целостность, за независимость своей нации. С этого времени прошло 70 лет. История расставила многое на свои места. Монголы и русские чтут память героев, погибших на полях сражения в этой необъявленной войне.

Л.Н.Бакаютова, директор Центрального музея связи имени А.С.Попова, кандидат культурологи обратила внимание собравшихся на то, что Гос. музей связи имени А.С.Попова, русского физика и электротехника, одного из пионеров применения электромагнитных волн в практических целях, находится во Дворце светлейшего князя А.А.Безбородко, построенном в последней четверти XVIII в. архитектором

Джакомо Кваренги. В настоящее время Музей является хранилищем около восьми миллионов предметов. В нем имеются документальные и вещевые фонды по истории почтовой, телеграфной, телефонной и космической связи, радиовещания и телевидения. В музее собраны материалы, рассказывающие о новейших достижениях информационных, коммуникационных технологий и услуг, а также богатейшая коллекция знаков почтовой оплаты.

Приветственные слова в адрес конференции высказал Н.П.Милоченко, первый заместитель председателя Правления Санкт-Петербургского общества друзей Монголии, президент Международного фонда поощрения социальных инициатив, акад. Российской академии естественных наук. Он подчеркнул актуальность исторического наследия и высокую миссию тех, кто изучает прошлое, чтобы донести до потомков историческую правду происходящего. Попытки искажения фактов могут быть нейтрализованы только открытыми дискуссиями специалистов, обсуждениями и высказыванием полярных точек зрения. Выступили также В.А.Бабушкин, вице-президент Общества друзей Монголии, отв. секретарь Российского общества друзей Монголии; О.П.Мухин, вице-президент Федерации космонавтики России.

На открытии были заслушаны видеоприветствия Батарын Чадры, вице-президента Общества дружбы «Монголия–Россия», акад. Монгольской Академии наук, директора Института физики МАН; Жугдэрдэмидийн Гуррагчи, президента Союза монгольских обществ дружбы, лётчика-космонавта МНР, Героя Монголии, героя Советского Союза.

В адрес собравшихся ученых и молодежи прозвучали теплые слова В.В.Горбатко и В.А.Джанибекова. В.В.Горбатко, в частности, отметил, что Победа СССР на Халхин-Голе сыграла решающую роль в ненападении Японии на СССР. Примечательным фактом

является то, что когда в декабре 1941 г. войска Германии стояли под Москвой, Гитлер яростно требовал от Японии напасть на СССР на Дальнем Востоке. Именно поражение на Халхин-голе, как считают многие историки, сыграло главную роль в отказе от планов нападения на СССР.

Вели пленарное заседание А.А.Шубин, член Правления Санкт-Петербургского об-ва друзей Монголии, помощник президента Международного фонда поощрения социальных инициатив и И.В.Кульганек, первый заместитель председателя Правления Санкт-Петербургского об-ва друзей Монголии, канд. филол.наук, ст. научный сотрудник сектора тюркологии и монголистики Ин-та восточных рукописей РАН.

В своем обращении к собравшимся они подчеркнули, что по советским официальным источникам ко времени заключительной боевой операции 57 тысячной советской армии противостояла 75 тысячная, хорошо оснащенная японская. С каждой стороны были задействованы сотни самолетов, танков и орудий. Среди героев Советского Союза 20 человек положили свои жизни на Халхин-голе. 690 бойцов, героически сражавшихся в битве на Халхин-голе, награждены Монгольским правительством медалями и орденами. Героями Монголии стали Л.Дандар, Д.Нянтайсурэн, Ц.Олзвой, Л.Гэлэгбатар, Д.Хайнхирва, Ч.Дугаржав, П.Чогсон, Д.Гулин, Д.Самдан, М.Экэй, Н.Жамба, С.Томорбатар, Ж.Лхагвасурэн, а также русские полководцы Г.К.Жуков, И.И.Федюнинский, В.А.Судец.

На открытии конференции для участников и гостей конференции был продемонстрирован документальный фильм производства «Пигмалион» по заказу «Телеканала Россия» «Халхин-гол. 1939 год. Неизвестная война» режиссера Вадима Гасанова (2004 г.), в котором использовано большое количество хроники, комментарии ветеранов-участников памятных событий

и историков, а также привлечены материалы Российского гос. архива кино-фотодокументов. Этот фильм продолжает галерею отечественных, монгольских и советско-монгольских фильмов о Халхин-Голе, таких как художественный фильм «Слушайте на той стороне» (реж. Бориса Ермолаева и Бадрахын Сумху, 1971), «Дорогами отцов» (иркутской тележурналистки Натальи Волиной, 2004), созданного к 65-летию окончания боёв и советско-монгольской экспедиции по местам боевой славы.

Рабочее заседание было посвящено историческим проблемам наших стран, его открыл док. филос.наук, проф., заведующий кафедрой культурологии Балтийского гос. технического ун-та им. Д.Ф.Устинова И.Ф.Кефели с докладом «Современная геополитическая ситуация в Восточной Евразии», в котором констатировал отмечающуюся тенденцию к установлению реальной многополярности, что повышает значимость региональных аспектов в решении глобальных проблем, которые касаются в первую очередь осуществления совместных мер в преодолении глобального экономического кризиса, обеспечения равной безопасности для всех без исключения государств, реализации крупномасштабных проектов с целью укрепления потенциала региона как коммуникационного моста между континентами.

Докт.ист.наук, директор Ин-та истории АН Монголии Чулуны Дашдава в докладе «Исследование истории Халхингольских битв», остановился на существовании различных концепций по вопросам истории событий на Халхинголе, выразил мнение, что в настоящее время определены с достаточной ясностью узловые проблемы этой войны, в т.ч. причины ее возникновения, ход, итоги и уроки, что происходят заметные сдвиги в выработке единой позиции учеными России, Японии, Кореи, Монголии, Китая.

Заведующий сектором тюркологии и монголистики Ин-та восточных рукописей РАН проф. С.Г.Кляшторный, девятнадцать сезонов проработавший в историко-культурной советско-монгольской экспедиции в докладе «О советско-монгольском сотрудничестве в области изучения древней истории Монголии» уделил особое внимание научным успехам советских и монгольских специалистов в области изучения древних рунических памятников на территории Монголии.

Научный сотр. Управления архивами Монголии канд.ист.наук, Дашдавагийн Батжаргал в докладе «Российско-монгольские культурные отношения» поднял ряд вопросов, касающихся перспектив развития между нашими странами в области литературы и искусства, обмена современными культурными достижениями, а также вопросы сущности историко-политических отношений между Россией и Монголией в XIII–XIV вв. По его мнению, в настоящее время созданы благоприятные условия и правовые основы дальнейшего развития сотрудничества, чему способствует «Уланбааторская декларация» принятая в 2000 г., в которой подчеркивается необходимость поддерживать сотрудничество в деле изучения монгольского и русского языков, исследование исторического и культурного наследия России и Монголии.

Зав.кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та док.ист.наук В.Л.Успенский, в докладе «Возникновение независимого монгольского государства и связи с Россией» обратил внимание на тот факт, что присутствие России на Дальнем Востоке с XVII века стало фактором, благодаря которому на сегодняшней политической карте мира появилось Монгольское государство. Оно сразу после провозглашение в 1911 г. независимости Монголии под руководством Богдо-гэгэна обратилось за помощью к России, и царское

правительство оказало поддержку Монголии. В 1921 г. советское правительство подписало с Монголией договор об установлении дружественных отношений. Битва на Халхин-голе продемонстрировала готовность советского правительства оказать Монголии военную поддержку Монголии против угрозы извне.

Доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та канд.ист.наук А.В.Попов выступил с докладом «Цинское законодательство XVIII–первой пол. XIX в. об административном режиме русско-монгольской границы», тема которого относится к «белым пятнам» в истории русско-монгольских отношений в период влияния государственных институтов империи Цин, в состав которой Внешняя Монголия входила с конца XVII в. до 1911 г. Изучение малоизвестных в современной историографии сообщений монгольских и китайских источников об особенностях административного режима русско-монгольской границы остается до настоящего времени весьма актуальной в современной историографии. Докладчик обратил внимание на важность и необходимость анализа размеров не контролировавшейся властями трансграничной миграции населения, что позволяет оценивать степень влияния межгосударственных административных рубежей на фактическое развитие экономических, культурных и политических связей между двумя странами и населяющими их народами.

Независимый историк А.Г.Юрченко в докладе «Сакральная арифметика и численность армии чингизидов» затронул тему, поиска некоей средневековой реальности, которую он считает тяжелым наследием позитивизма в современных исторических исследованиях. Автор высказал уверенность, что средневековых авторов летописей не интересовала численность монгольских армий в том бытовом контексте, в котором рассматривают этот вопрос

нынешние историки. Для христианских писателей существовал единственный контекст – эсхатология. Вопрос о численности противника увязывался с темой божественного наказания за грехи, в нем не было места для бытовых аспектов войны. Реальная численность монгольских армий была военной тайной чингизидов и под страхом смертной казни не подлежала разглашению. Сообщения средневековых хроник о 100 000 или 500 000 армиях являются проекцией небесных битв на земные сражения.

Старший научный сотр. Ин-та лингвистических исследований РАН канд. ист.наук, П.О.Рыкин выступил с докладом «Вклад российских ученых в исследование монгольского текста Тырской стелы 1413г.», посвященного историографии изучения единственного в мире эпитафического памятника, объединяющим тексты на китайском, чжурчженском, монгольском языках и выступающим важным свидетельством исторических контактов минского Китая с народами Приморья в начале XV в.

Л.Н.Бакаютова в докладе «Россия–Монголия: из истории почтовых эмиссий (по материалам Гос. коллекции знаков почтовой оплаты Центрального музея связи имени А.С.Попова)» продемонстрировала видеоряд марок, выпущенных в России и Монголии, посвященный культурному взаимодействию наших стран.

В совместном докладе директора Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, руководителя Рериховского центра Санкт-Петербургского гос. ун-та . канд. физ.-маг.наук А.А.Бондаренко и зам. директора по научной работе Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге канд. культурологии В.Л.Мельникова «Близкие академика Н.К.Рериха и участники его Центрально-Азиатских экспедиций, связанные с Монголией и монголами», содержалась новая информация о сотрудниках и родственниках Рерихов, связанных своим творчеством и происхождением с

Монголией: Н.В.Грамматикова, Г.Д.Гребенщикова, В.Н.Иванова, Н.В.Кордашевича, М.М.Лихтмана, С.С.Митусова, П.К.Портнягина, К.Н.Рябина, З.Г.Фосдик.

Доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та канд. филол. наук М.П.Петрова в докладе «Халхин-гол в современной монгольской поэзии» проанализировала произведения монгольских авторов, посвященные событиям на Халхин-голе. Выступившая в прениях по этому докладу С.В.Курманалиева, преподаватель высшей категории Санкт-Петербургского Ракетно-артиллерийского корпуса продемонстрировала ученому сообществу видеоряд сатирических рисунков из монгольских журналов времен событий семидесятилетней давности, которые должны были способствовать поднятию боевого духа монгольского воина.

И.В.Кульганек в докладе «Память о Халхин-голе в Монголии и Бурятии: судьба Лувсандоржийн Гэлэгбатора», сделанному по полевым материалам российско-монгольской фольклорной экспедиции в Бурятию летом 2009 г., подняла вопрос о связи баргутов с другими бурятскими племенами и о существовании для бурятов – участников этих событий, особой психологической плоскости в оценке происходившего, по сравнению с эмоциональной оценкой событий русскими бойцами и воинами других национальностей.

В рамках акции «Россия-Монголия: историко-культурное взаимодействие в прошлом и настоящем (к 70-летию событий на Халхин-голе)» московские и зарубежные гости Санкт-Петербурга посетили Государственный музей истории Санкт-Петербурга «Петропавловская крепость», где были приняты

директором музея Н.М.Калякиным. Гости осмотрели также Петропавловский собор и Великокняжескую усыпальницу – некрополь Императорского Дома Романовых, прошлись по анфиладе экспозиции «Улица времени». Они посетили Музей космонавтики и ракетной техники им. В.П.Глушко, находящийся в Иоанновском рavelине, где в прошлом размещалась первая в стране опытно-конструкторская газодинамическая лаборатория по разработке ракетных двигателей, возглавлял которую основоположник ракетного двигателестроения В.П.Глушко. Директор музея О.П.Мухин прокомментировал богатые музейные материалы и документы, среди которых имеются спускаемые аппараты космических кораблей, скафандры космонавтов, теплозащитные костюмы, ракетные двигатели, фотографии поверхности планет.

Президент Международного фонда поощрения социальных инициатив Н.П.Милоченко вручил ордена и медали наиболее достойным личностям за заслуги перед отечественной культурой и гражданскую доблесть, ряд людей был награжден юбилейных медалей «70 лет победы на Халхин-голе».

Таким образом, петербургская конференция и мероприятия, связанные с ней, явились важным и достойным звеном в цепи тематических акций России и Монголии, посвященных с событиями на реке Халхин-гол. Они не только продемонстрировала научный интерес к данной теме, но и подтвердили братскую солидарность наших народов и засвидетельствовали развивающиеся культурные и взаимообогащающиеся отношения между нашими странами.

И.В.Кульганек.

***

ТУМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ–2009

15 октября 2009 г. в г.Тюмень, в стенах Тюменского гос. университета состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция «Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии», посвященная светлой памяти Диляры Гарифовны Тумашевой, выдающегося тюрколога, исследователя диалектов сибирских татар, доктора филологических наук, профессора Казанского гос. университета, действительного члена Академии наук Республики Татарстан, заслуженного деятеля науки РТ и РФ, лауреата Государственной премии РТ в области науки и техники, Почетного члена Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu).

Д.Г.Тумашева – уроженка Сибири, она родилась в г.Тюмень и здесь же окончила среднюю школу. С отличием окончила восточное отделение филологического факультета и аспирантуру при кафедре тюркской филологии МГУ. По совету своего научного наставника проф. Н.К.Дмитриева темой своих научных изысканий она выбрала диалекты сибирских татар и посвятила этой отрасли тюркологической науки всю жизнь. Четверть века она возглавляла кафедру татарского языка Казанского госуниверситета им. В.И.Ульянова-Ленина, под ее руководством подготовлена плеяда ученых и преподавателей, которые успешно трудятся в различных вузах и исследовательских учреждениях страны.

Конференция «Тумашевские чтения» проводится в Тюмени с 2006 г. и имеет широкий научный резонанс. Вторые «Тумашевские чтения» состоялись в октябре 2007 г. Они были посвящены 80-летию со дня рождения акад. Д.Г.Тумашевой.

В 2009 г. для участия в конференции было прислано около 100 заявок и статей. Среди авторов были представители Португалии, г.Тюмени, Тобольска, Сургута, Казани, Набереж-

ных Челнов, Уфы, Елабуги, Стерлитамака, Махачкалы, Карачаевска и др.

В программу было включено 88 докладов. Круг научных проблем, обсуждавшихся на конференции, был довольно широк. Участники конференции заинтересованы в развитии духовной культуры, образования, науки сибирских татар.

Председателем оргкомитета «Тумашевских чтений–2009» был ректор Тюменского гос. университета, докт. юрид. наук, проф., депутат Тюменской Городской Думы *Геннадий Николаевич Чеботарев*. В своем вступительном слове ректор ТюмГУ отметил, что «проведение данной конференции в Тюменском государственном университете стало традиционным. Отличие ее в том, что конференция проходит не только в форме выступлений участников с докладами. Она носит воспитательный и обучающий характер, поскольку здесь активно задействованы студенты отделения татарского языка и литературы филологического факультета ТюмГУ, которые творчески представляют отчеты по итогам фольклорной и диалектологической практик».

В работе конференции были заявлены две секции: 1. Актуальные проблемы языкознания. 2. Актуальные проблемы литературы, фольклора, истории, искусства, педагогики.

На пленарном заседании выступили зам.председателя Комитета по делам национальностей правительства Тюменской области *В.В. Хоменко*, докт. филол. наук, проф., декан филологического факультета ТюмГУ *Е.Н.Эртнер*, канд. филол.наук, доцент, руководитель аппарата исполкома Конгресса татар Тюменской области *Г.Ф. Тимканова*. Они отметили большое значение данной конференции в поддержании взаимосвязи «тюменской земли и земли казанской», в продвижении тюркологической науки в целом, большую роль в организации и проведении данной

конференции докт. филол. наук, проф., зав. отделением татарского языка и литературы Ханисы Чавдатовны Алишиной, ученицы и продолжателя идей Д.Г.Тумашевой.

Были зачитаны тексты приветственных слов депутата тюменской областной Думы Г.С.Корепанова, председателя исполкома Всемирного конгресса татар Р.З.Закирова (Казань), директора института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимова (Казань). Музыкальные приветствия представили победители II Международного фольклорного фестиваля «Түгәрәк уен» ансамбль «Шытыр-Шатыр» с.Чикча Тюменского р-на Тюменской обл. и др. коллективы.

Свое стихотворение, посвященное Диляре Гарифовне Тумашевой, прочитал сибирский поэт Захит Акбуляков.

Большой научный интерес вызвали выступления на пленарном заседании докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой общего языкознания ТюмГУ Н.К.Фролова с докладом «Письменная культура древних тюрков»; докт. филол. наук И.Ш.Кадырова (Казань) «О специфике фольклора тобольских татар»; докт. филол. наук, проф. Х.Ч.Алишиной (Тюмень) «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г.Тумашевой – сокровищница фразеологического богатства сибирских татар».

Не менее интересными были доклады секционных выступлений. Привлекли внимание доклады канд. пед. наук, доц. ТГСПА К.С.Садыкова (Тобольск) «Я.К.Занкиевның романнарында диалектизмнар кулланылышы»; канд. филол. наук, музыковед-фольклориста Л.Р.Сурметовой (Тюмень) «Лирические песни сибирских татар: тематика и содержание (по материалам экспедиции)»; канд. филол. наук Х.Х.Киравовой (Тюмень) «Проблемы воспитания подрастающего поколения в публицистике Я.К.Занкиева», гл. редактора журнала «Ак калфак» Б.Н.Сабировой (Тюмень) «О научно-методическом сотрудничестве кабинета родного и русского языков ИУУ с проф. КГУ Д.Г.Ту-

машевой (II пол. XX в.)»; отличника просвещения Л.Б.Хабидуллиной (Тюмень) «Из истории татарских школ г.Тюмени (XX в.)» и многих др.

В заочной форме были представлены доклады профессоров, докторов наук, как А. Khairulina-Valieva (Португалия) «The Sabiri > Savirs > Suwars», Д.М.Исхаков (Казань) «О формировании сибирско-татарской общности: историографический аспект», Л.Ш.Арсланов (Елабуга) «Мордва-карагайский говор мишарского диалекта», А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск, Карачаево-Черкесская республика) «Этногенетические пласты карачаево-балкарского языка», Н.Э.Гаджихаимедов (Махачкала, Республика Дагестан) «Способы и средства выражения временной локализованности и нелокализованности в именных предложениях кумыкского языка», «Устойчивые элементы тюркского менталитета в кумыкском языке», Ф.Г.Галлямов (Елабуга) «Татар телендә стилистик кабатлаулар», И.С.Карабулатова (Тюмень) «Возможности прогностической топонимии в исследовании тюркского топонимического субстрата», Д.А.Салимова (Елабуга) «Лингвостилистические характеристики личных имен как поэтонимов в детских стихотворениях Роберта Миннулина», Г.М.Ниязова (Тюмень) «Из истории создания телефильма о соотечественниках сибирских татар, живущих в с. Бюгрелдик Республики Турция», Х.С.Шагбанова (Тюмень) «В преддверии личности: концепт души человека в национальной культуре» и др.

Конференция завершилась выступлениями студентов с докладами, составленными на основе материалов, собранных во время фольклорных и диалектологических практик, и музыкальными номерами.

Участники и гости конференции выразили благодарность организаторам за прекрасную возможность обсудить актуальные проблемы тюркологии, отметили высокий уровень организации и научных выступлений.

Г.Н.Ниязова

«НАСЛЕДИЕ ДЭРДМЕНДА И СОВРЕМЕННОСТЬ»
 КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ
 ТАТАРСКОГО ПОЭТА ДЭРДМЕНДА

11 декабря 2009 г. в Казани прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Наследие Дэрдменда и современность», посвященная 150-летию классика татарской литературы, поэта, мецената, золотопромышленника Дэрдменда (Закира Рамиева), организованная Институтом языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, совместно с Министерством культуры Республики Татарстан.

Поэт, общественный деятель, золотопромышленник Дэрдменд (настоящая фамилия и имя Рамиев Закир Мухаммадсадыкович) родился 23.11.1859 г. в д.Зирган Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. В 1880–81 гг. он жил в Стамбуле, где изучал турецкий язык и литературу, знакомился с издательским делом. Совместно с братом Мухаммадшакиром владел 20 приисками. В 1906 г. Дэрдменд начинает вместе с ним издавать в г.Оренбурге газ. «Вақыт», с 10 января 1908 г. журнал «Шура». В 1909 г. там же открывают типографию «Вақыт», которая в феврале 1918 г. была передана новым властям. За 1906–12 гг. в этих изданиях было опубликовано около 40 стихотворений Дэрдменда. (после 1913 года поэт продолжал писать, но свои стихотворения нигде не публиковал). В 1906 г. Дэрдменд избирался депутатом от Оренбургской губернии в 1-ю Государственную думу, был выборщиком 2-го и 3-го созывов, членом Оренбургской городской управы. Занимался благотворительностью: являлся членом Мусульманского благотворительного общества, Об-ва помощи мусульманским шакирдам, Комитета помощи беднякам и воспитания сирот; совместно с братом за свой счет обучал нескольких студентов за границей, строил мечети, медресе, обеспечивал их книгами, учебниками и

др., в д.Юлык открыл библиотеку После 1917 г. Дэрдменд добровольно передал свои прииски государству, скончался 9 октября 1921 г. в г.Орск Оренбургской области.

В работе конференции, местом проведения которой стал конференц-зал Министерства культуры Татарстана, приняли участие со своими докладами более шестидесяти научных деятелей, преподавателей, аспирантов из Республики Татарстан и других регионов Российской Федерации, а также родственники поэта из Казани, Уфы и Москвы.

Открывший научный форум директор ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, докт. филол. наук К.М.Миннуллин отметил, что Дэрдменд прожил недолгую, но насыщенную на события жизнь. Он принимал активное участие не только в литературно-творческой, но и общественно-политической жизни татарского народа начала XX в. По его словам, сохранилось не более 150 произведений поэта, но «по своему идейно-тематическому богатству, философской глубине, художественному совершенству они бесценны».

О важности изучения творчества Дэрдменда говорил вице-президент АН РТ А.Ш.Зиятдинов, который также отметил большую значимость поэта и общественного деятеля в жизни татарского народа.

На пленарном заседании выступил и правнук Дэрдменда – ученый-физик из Уфы Ш.Р.Рамиев, председатель «Клуба рода Рамиевых», рассказавший о мероприятиях, которые прошли на протяжении года в Республике Башкортостан в связи с отмечаемой круглой датой – 150-летием со дня рождения Дэрдменда–Закира Рамиева.

Среди интересных, освещающих жизнь и творчество Дэрдменда с позиции

новых достижений литературоведения докладов, прозвучавших на пленарном заседании можно назвать выступления докт. филол. наук Н.Ш.Хисамова «Судьба нации в поэзии Дэрдменда», главного ученого секретаря АН РТ Д.Ф.Загидуллиной «Основные мотивы в творчестве Дэрдменда». Писатель Л.Х.Хамидуллин в своем выступлении «Дэрдменд и татарская печать» привел ряд малоизвестных фактов о том, чем и как жили ведущие татарские издания начала XX в. – газ.«Вақыт» и ж.«Шура», которые, как известно, финансировались за счет средств братьев Рамиевых. Таким же интересным и познавательным был доклад директора Научной библиотеки КГУ им.Н.И.Лобачевского З.С.Миннуллина «Благотворительная деятельность братьев Рамиевых».

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в двух секциях: «Творчество Дэрдменда и проблемы литературного мастерства», «Язык произведений Дэрдменда, издательская и благотворительная деятельность поэта, вопросы преподавания его творчества». Здесь можно отметить доклад докт. филол. наук, проф. ТГГПУ Э.Р.Галиевой, доцента Казанского гос. ун-та канд. филол.наук Р.Ф.Харрасовой, директора музея вычислительной техники М.Ш.Бадрутдиновой.

К конференции ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова подготовила и представила сборник докладов участников, буклет посвященный жизни и творчеству Дэрдменда, выставку книг поэта.

А.М.Ахунов

***

• Канд. филол. наук Л. Оказ (Украина) сообщает о некоторых будущих конференциях:

1. Традиционная XXXIX Международная филологическая конференция Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Секция Фразеологии «Фразеология и языковая динамика». 15–20 марта 2010 г.

2. Международная конференция EUROPHRAS 2010. Cross-linguistic and Cross-cultural Perspectives on Phraseology and Paremiology. Гренада (Испания) 30 июня–2 июля 2010 г.

3. II-я Международная научная конференция «Фразеология. Познание. Культура» в Белгородском гос. ун-те (Белгород, Россия). 7-9 (или 24-26) сентября 2010 г. [сроки уточняются].

4. Юбилейная сессия, посвященная 50-летию создания Межкафедрального словарного кабинета им. Б.А.Ларина. Факультет филологии и искусств СПбГУ. 7-9 октября 2010 г.

5. Международная научно-практическая конференция «Методы лингвистических исследований» (Славянский гос. педуниверситет, Донецкая обл., г.Слаянск, 17–20 сент.2010 г.) - e.matorin@gmail.com

• Сообщение из Уфы:

ИЯЛИ Уфимского научного центра РАН проводит IV Всероссийскую Научную конференцию «Урал-Алтай: через века в будущее» (г.Уфа, 24-26 марта 2010 г.). – ural-altai@yandex.ru

• Сообщение из Турции:

Эгейский ун-т, ТЛО и Ин-т изучения тюркского мира проводят II Международный конгресс культуры тюркского мира «Измир- Чешме, 19–25 апреля 2010 г.). – www.tdkk2010.com

РЕЦЕНЗИИ

LI YONG-SONG, LEE HO-YOUNG, CHOI HYONG-WON, KIM GEON SOOK, LEE DONG EUN, MEHMET ÖLMEZ. *A STUDY OF THE MIDDLE CHULYM DIALECT OF THE CHULYM LANGUAGE. ALTAIC LANGUAGES SERIES. 3.*

SEOUL NATIONAL UNIVERSITY PRESS, S., KOREA 2008, 260 S.

Как известно, после завоевания и присоединения Западной Сибири к России в XVI в., одна группа барабинских татар отправилась на запад и присоединилась к другим тюркам, живущим в бассейне р.Чулым. Легенды и песни данной перекочевавшей группы до сих пор живут в их новой родине. В конце прошлого столетия количество людей, говорящих на родном языке, было ничтожно мало.

Сегодня небольшая группа под названием Кетсики (Ketsiks) продолжает свое существование.¹ (Видимо, рецензент имеет в виду “кетов”, хотя в рецензируемой книге о кетсиках не говорится ни слова. – *Ред.*)

До XIX в. многие чулымские татары занимались охотой. Они охотились на медведя, соболя, лис, волков. После начала индустриализации Сибири, часть чулымских татар начала работать на заводах. До 2-ой Мировой войны русские этнографы причисляли чулымцев к хакасам². Чулымские татары говорили

на языке, похожим на язык барабинских татар, алтайцев и хакас. Разговорный и письменный языки были очень схожи с хакасским.³ Вторым языком выступал русский. Отмечается, что язык, который применяют сегодняшние чулымцы является очень дальним говором татарского языка.⁴

Как ясно из приведенных в книге сведений, количество чулымских татар с каждым днем уменьшается. Возможно, общающиеся на этом языке люди, из-за их уменьшения с каждым днем, в одно время исчезнут навсегда. Проведенное исследование, несомненно, донесет будущему поколению сведения об этом исчезающем языке. Поэтому внимательное ознакомление читателей с этим трудом еще больше увеличит его важность

Автор в предисловии сообщает, что данное исследование выполнено Рабочей группой по тюркским языкам при Алтаистической рабочей группе Кореи.

¹ *Shirin Akiner*/ Islamic Peoples of the Soviet Union. – London 1983, – S 97.

² *James Stuart Olson*. Lee Brigance Pappas ve Nicholas Charles Pappas. An Ethno-historical Dictionary of the Russian and

Soviet Empires. – Greenwood Press 1994. – S.162.

³ http://tr.wikipedia.org/wiki/%C3%87ul%C4%B1m_Tatarlar%C4%B1

⁴ *Ronald Wixman*. The Peoples of the USSR: An Ethnographic Handbook. – New York 1984. – S.48.

Говорится, что данное исследование выполнено в полевых условиях в период с сентября 2003 по август 2007 года, когда авторы лично собирали материал в Средней Азии у некоторых тюркских групп и конкретизируется когда, в каких регионах (их 35) и среди каких народов велись разыскания.

Первая глава книги состоит из двух разделов: в первом приводятся краткие сведения о количественном составе чулымцев, районах проживания, историческом прошлом. Во втором разделе речь идет о чулымском языке и его диалектах. Здесь говорится о том, что язык чулымцев относится к тюркской группе языков и состоит из среднечулымской и нижнечулымской наречий, последний уже не употребляется. Подчеркивается, что число говорящих на среднечулымском диалекте не превышает 20-ти, самому молодому из них в 2005 г. было 54. В конце раздела приводится и карта, показывающая распространение среднечулымского диалекта.

Во 2-ой главе освещается основная работа в г.Томске. Даются сведения как добирались и с кем работали. В книге приводятся итоги анкетирования В.М.Габова, чулымца, который обладал некоторыми данными. Судя по этому, в результате анкетирования ученые записали 2757 слов, 344 основных выражений и 380 конструкций для языкового исследования. Отдельно указывается в какие дни, сколько времени, какой аппаратурой, какими специалистами-фонетистами осуществлялось анкетирование.

В третьей главе, которая является одной из основных глав, освещаются языковые особенности среднечулымского диалекта. Сама глава состоит из трех разделов: фонетика, морфология и синтаксис.

Когда в книге описываются гласные, согласные и аффиксы, они приводятся в составе слов и предложений; в то же время сделана попытка передачи произносительных особенностей

информанта в английской транскрипции, случаи употребления:

значение информант LCTJ
two igi, i:gi, iɣe his/her voice
yɯy, y:n 'voice'

Фонетика описана под заголовками «гласные звуки» и «согласные звуки».

Затем в девяти разделах описаны морфологические категории: имя, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, вспомогательные слова и связки, глагол, словообразовательные суффиксы, союзы, вопросительные частицы.

В книге синтаксису отведено не так уж много места. Данный раздел состоит из двух разделов – фразеологизмов и предложений.

В конце книги имеется три приложения: словарь, модели основных разговорных выражений и образцы предложений. Хочется сказать, что впервые даны образцы употребления слов внутри предложений, т.е. в связном тексте.

Предложения, которые приведены в качестве образцов, переведены на английский язык и снабжены транскрипцией в квадратных скобках. Например:

at [at] 'name'
mēŋ adīm Mixajl [me:ŋ a:dim Mixajl]
'My name is Mikhail'
pirge [pirge] 'together'
oluraq pirge [o:luraq pirge] 'Let us sit
down together'.

Во второй части последней главы приведены наиболее необходимые для общения выражения, тем самым книга может выполнять и функцию разговорника для тех, кто желает приехать в данный регион. Здесь же указаны какие образцы предложений в каких ситуациях (в кафе, магазине, знакомстве и т.д.) необходимо применять. Особенно ценно и то, что выражения имеют английский перевод. Например: – 'Did you take a meal?' (lit. 'Have you eaten?, Did you eat?') siler çəŋner ba [siler tʃe:ŋner ba]

– ‘No. I have not eaten yet’ çoy paza çibēm [tʃoːj paza tʃiβeːm].

В третьем разделе последней главы для лучшего понимания грамматических явлений даны различные справочные материалы. Он также разделен на подразделы, в которых в качестве образцов имеются синтаксические конструкции. Таким образом, получилась своеобразная и разнообразная справочная часть для лучшего понимания части грамматики.

Книгу завершают список сокращений, библиография и краткое резюме.

Заключая сказанное, можно сделать вывод, что в книге в достаточном даны всевозможные сведения, показывающие своеобразие среднечулымского диалекта. Для читателя представлен и ценный языковой материал. Учитывая то, что исследований по чулымскому языку можно пересчитать по пальцам, данная работа, несомненно, является ценным источником. Наличие английского перевода дает возможность в будущем провести и сопоставительное исследование.

Леми Акын

(Турция, Стамбульский ун-т)

М.И.АХМЕТЗЯНОВ. НОГАЙСКАЯ ОРДА: ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА.

КАЗАНЬ; ТАТКНИГОИЗДАТ. 2009. – 351 с.

В последние годы историческая наука в Республике Татарстан интенсивно развивается по разным направлениям, включая археологию, этнографию, нумизматику, искусствоведение, источниковедение исторического характера. Вышли фундаментальные два тома «Истории татар», три огромных труда «Татарика», «Этнография», «Атлас Тартарии». Изданы книги по истории Казанского, Сибирского, Касимовского и Астраханского ханств, а также труды по истории периода XVII–XX вв. Интенсивно проводятся научные конференции по истории Золотой Орды и тексты выступлений их участников опубликованы в виде научных сборников. Помимо этого вышли из печати более десяти монографий по истории Золотой Орды, по социологическим, политическим и национальным проблемам. Были налажены связи с зарубежными архивами по обмену документальными источниками. Регулярно выходит по два номера в год журнал исторического и архивного направления. Одной из знаменательных тенденций

стало появление книг по истории оригинального содержания, написанных на татарском языке. Знакомство с ними несомненно обогатило бы знания русскоязычных читателей.

В 2009 г. вышла из печати книга на татарском языке доктора филологических наук М.И.Ахметзянова, посвященная историческому анализу татарских родословных памятников. (Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа. – Казань; Таткнигоиздат. 2009. – 351 с.). В ней автор научно систематизировал и исследовал рукописные тексты татарских генеалогических памятников, обнаруженных во время полевых экспедиций и выявленных в архивных хранилищах Казани и Санкт-Петербурга. Из более чем семидесяти родословных памятников опубликованных в монографическом исследовании 65 обнаружены автором в полевых экспедициях, остальные извлечены из архивов и два из прошлых публикаций других авторов. Это уже вторая книга М.И.Ахметзянова, а ранее в 2002 г. в Казани вышел его труд

«Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа». В первой книге также были исследованы родословные памятники, датировка списков которых относится к XVIII–XIX вв. Данные две книги не повторяют, а дополняют друг друга и охватывают хронологический период с XIII в. по 30-е гг. XX в. Они тесно переплетены по содержанию и написаны на татарском языке. Некоторые родословные содержат специфические фонетические особенности рудиментов языка татар Ногайской Орды XV–XVII вв. Конкретнее это редкие случаи замены татарской литературной нормы ч > ш, а также нарушения литературной нормы, применяя графофону [ч], которая выражается в переходе графофемы с > ч. В подобных случаях появляются курьезные орфографические ошибки в написании слов вышеуказанных рукописных текстов.

Репертуар татарских родословных, проанализированных в двух книгах М.И.Ахметзянова отражает этническое состояние татарских племен между Волгой и Уралом с XIII по XVII вв., когда татары жили в одном государстве Золотая Орда, а с XV в., в связи с образованием новых татарских государств – Казанского, Касимовского, Сибирского ханств, Ногайской и Большой Орды, стали спланироваться вокруг новых политических центров. В Среднем Поволжье и Приуралье в то время соперничали два государственных образования – Казань и Ногайская Орда, население которых состояло из одних и тех же татарских родоплеменных элементов: мингцов, бадраков, буркутов, тамьянцев, катайцев, кирайтов, гараев, юрматынцев, булярцев, конгратов, уйшинов, табынцов, тама, аргынов, кипчаков, ширинов и др. В итоге между Волгой и Уралом происходил процесс сложения единого народа с татарским языком и письменностью. Остатки болгар уже в XIV в. были в языковом отношении татарами. Небольшая группа угор-башкиров, располагавшихся по

верхнему течению Камы и Зауралью, также переживали процесс языковой ассимиляции с татарами. Однако Ногайская Орда вплоть до своего падения в 1620 г. задерживала выход башкир на Западное Приуралье и здесь еще в XVII в. господствовали кочевые татары Ногайской Орды. Только после 1620 г/ русские воеводы смогли поселить башкирцев в количестве 2000 семей под крепостью Уфа.

Начиная с середины XVII в. Московское княжество стало заставлять татар из Темникова, Кадома, Касимова, Алатыря переселяться на оставленные ногайскими татарами земли за Камой по рекам Черемшан, Шишма, Зай, Мензеля, Ик, Белая, Стярля и др. В своем большинстве новые переселенцы с запада также были татарами из Ногайской Орды, вышедшими на службу Московским князьям Романовым.

Все эти события отражены в новом материале, представленном в двух книгах, изданных М.И.Ахметзяновым. Исследователь проводит свой анализ генеалогического материала с привлечением архивных документальных памятников, исторических сочинений разных зарубежных авторов, живших в XIII–XVII вв., а также собственно татарских авторов, таких как Ш.Марджани, Р.Фахретдинов, И.Хальфин, Х.Амирхан, Али Рахим, Х.Атласи и многих др. Кроме этого использованы материалы, изданные российскими историками, путешественниками и краеведами. В книге приведены ценные сведения из татарских надгробных надписей XIV–XIX вв., топонимические и археографические материалы, содержащиеся в работах татарских диалектологов и фольклористов.

Довольно значительная часть материалов этих двух книг уже с конца 1970-х гг. публиковалась в виде научных и научно-популярных статей в научных сборниках, периодической печати, а также в виде книг, которые были с одобрением приняты общественностью. Написанные в жанре исторического

источниковедения на основе генеалогических памятников татар Урало-Поволжского региона, эти солидные работы являются оригинальным и самостоятельным научным исследованием, основанным на оригинальных источниках в большинстве своем на арабской графике. Следует особо подчеркнуть, что по сути данное исследование М.И.Ахметзянова впервые в исторической науке в столь системном

и научно обоснованном виде представляет новую концепцию этнической истории татар в раннем и позднем средневековье и послужит как дальнейшему развитию науки, так и просвещению широкого круга читателей, пробуждая у них интерес к своему реальному историческому прошлому.

И.А.Еникеев.

***

Э.Ф.ЖАББАРОВА. ГОМӘР ТОЛЫМБАЙ ПРОЗАСЫНЫҢ ТЕЛЕ ҺӘМ
СТИЛЕ/ФӘННИ МӨХ. ШАРЫПОВА Н.Х.
[ЯЗЫК И СТИЛЬ ПРОЗЫ Г.ТУЛУМБАЙСКОГО].
КАЗАН: КДМСУ МӘГЪЛ.-НӘШР. ҮЗӘГЕ, 2009. – 152 с.

Г.Тулумбайский, хотя и является писателем, журналистом и литературным критиком, оставившим свой ощутимый след в татарской литературе 20–30 гг. прошлого столетия, исследование как его творчества, так и языка произведений оставалось несколько в стороне. Не зря ведь литературовед Г.Нигъмәти в 1927 г. наряду с К.Наджми, Х.Такташем, Х.Туфаном, А.Кутуем, причислил его в пятерку звезд на литературном небосклоне того периода.

Видимо, поэтому автор данного исследования вначале дал читателю сведения о том, кто есть Г.Тулумбайский и чем он занимался. Что же касается его языка он определяется как основанный на простоте и понимаемость, однако эта простота не простая, она, в свою очередь, и сложная, и многогранная, и изящная. К слову, до этого язык и стиль писателя не был исследован в лингвистическом плане, поэтому, справедливо можно сказать, что Э.Ф.Жаббарова вводит в оборот новое исследование об особенностях языка писателя.

Работа состоит из 4 глав, в которых отдельно рассмотрены функционально-стилистические особенности, стилистические приемы и образно-описа-

тельные приемы, фразеологическая система и их стилистические функции и т.д. В первой главе сделан экскурс в область изучения языка и стиля литературных произведений. Хотя данная тема весьма обширная (если даже и ограничена как “вопросы”), тем более автор хочет охватить данный аспект как в русском, так и в татарском языкознании, она ограничилась выявлением объекта стилистики и учением о функциональных стилях. Здесь автор справедливо характеризует татарский литературный язык в 20–30-е гг. как находившийся на пути демократизации норм и показывает место Г.Тулумбайского в этом движении, заявлявшего, что новый литературный язык должен быть пролетарским.

Во второй главе лексический состав языка произведений писателя рассматривается в двух аспектах: 1) сферы употребления использованной лексики и семантико-стилистические функции, 2) источники. Демократизация языка, изменение его норм прежде всего предусматривает приближение его к простому народу. А это главным образом достигалось применением в канве произведения просторечных слов.

Данную категорию слов мы ныне больше рассматриваем как средство стилизации героев. В те годы же они служили заменителем не всем понятной арабо-персидской лексики и вносили в произведение образно-экспрессивность. Если книжная лексика предполагала наличие абстрактного мышления и логического обобщения, то просторечные слова, выделяя образные стороны предметов и явлений, через живое ощущение напрямую доводили мысль до сознания читателя.

Автор, придерживаясь существующей классификации, рассматривает их в трех подгруппах: 1) просторечные слова, как *кажгалан*- "упрямиться (досл. Действовать как коза)", *шар кузган*- "тарашить глаза (досл. делать глаза шарообразным)", *каж*- "выпить спиртное" и т.д.; 2) семантические просторечные элементы *яр*- "бить" ~ лит. расколоть", *ситтер*- "хорошо танцевать, петь, играть." ~ лит. "поливать", *тамыз*- "ударить" ~ лит. "капать" и т.д.; 3) фонетические просторечные элементы (*хитри* ~ хитрый, *пичат* ~ печать, *атчайни* ~ отчаянный и т.д.). Э.Ф.Заббарова высказывает свое мнение и по характеру экспрессивности этих слов, их роли в создании синонимии.

В книге рассмотрены и диалектизмы, так называемые слова ограниченно-местного употребления. В ходе анализа они разделены на группы по причине употребления, по типам, по стилистическому употреблению. Заимствования разделены исходя из источника заимствования и классифицированы с дальнейшим функционально-стилистическим анализом.

По мнению автора, в основе гибкости, народности, невычурности, наполненности национальным колоритом языка Г.Тулумбайского лежит и умелое использование фразеологических оборотов национального языка. Перечислив критерии выделения фразеологических оборотов, автор, опираясь на классификацию В.В.Виноградова (с добавлением) фразеологи-

ческих выражений, выделенных Н.М.Шанским), рассматривает фразеологизмы в отдельных группах, приводит примеры, указывающие с одной стороны на их применение в текстах, с другой стороны – подтверждающие знание их Г.Тулумбайским. Все же необходимо остановиться на небольшом подразделе (с. 73–74), где рассмотрено своеобразие употребления писателем фразеологизмов. Оказывается, он иногда некоторые элементы менял на синонимы, а иногда менял количество этих элементов; при его некоторых трансформациях исчезала образность (только непонятно: как это воспринять – как достижение или недостаток?), писатель иногда сам придумывал фразеологизмы (хотя и здесь требуется анализ этих новообразований).

Э.Ф.Заббарова посвятила несколько подразделов и на рассмотрение семантических и стилистических функций фразеологизмов, употребленных писателем в своих произведениях.

Отдельная глава монографии посвящена рассмотрению стилистических приемов и средств создания образов. Так как образность речи является стилистической категорией, ее можно достичь применением троп, фигур и нюансами значений слова. Автор делает упор на выяснение стилистических функций метафор, сравнений, эпитетов, гипербола, таких синтаксических фигур как повтор, градация, парцелляция, риторический вопрос, поэтики имен и прозвищ. Кратко разъяснив сущность этих явлений, автор подтверждает свою мысль относительно их употребления примерами, взятыми из произведений Г.Тулумбайского. Здесь хотим заострить внимание лишь на одном стилистическом тропе как сравнение. Автор сделана попытка его рассмотрения с различных аспектов, с точки зрения грамматической структуры, семантики, стилистической роли и синтаксической роли. Отмечено, что Г.Тулумбайский особенно любит

употреблять послелог “кебек”, что, видимо, связано с активностью его в разговорной речи. Но сразу же бросается в глаза, присутствие недостатка, свойственного даже специальным трудам по стилистике, что даже проникло в учебные пособия. Как известно, рассматривая структуру сравнения выделяют его 3 элемента: предмет сравнения, образ сравнения и признак сравнения. Почему-то в татарском языкознании в примерах указывают лишь два из них, например, “... малаец *май ашаган песи кебек булды*” (с. 98) – здесь выделены лишь 2 элемента (*песи кебек* “как кошка”) или “Ташу *суларыдай* ташырга теллишчр, очыналар” – здесь также выделены 2 элемента (*суларыдай* “словно воды”). На наш взгляд, послелоги, образующие сравнения могут иметь и свои омонимы. Тогда конструкция приобретает совершенно другое значение, например, конструкции такого типа, как “Икмәк белән бәрәңгедән *аерылганы булмады кебек*” (с. 99). Если перевести дословно, то получится: “Кажется, не было расставания от хлеба и картошки”, т.е. хлеб и картошка всегда были при нем, и здесь сравнение отсутствует. К тому же, если формально принять за сравнение, невозможно отыскать 3-й элемент сравнения. Или такой пример: “Әле ейләнгәнгә дә күп гомер *үтмәгән төсле...*” (с. 99), т.е. “Кажется, и не

прошло много времени, как мы поженились”.

Рассматривая употребление Г.Тулумбайским сравнений, видимо, необходимо было отделить логические сравнения от образных. Когда говоришь об индивидуальных особенностях писателя, выигрышнее было опираться лишь на образные сравнения. Кроме того, если принять примеры, приведенные в качестве образца, как микротексты, то не должно быть необходимости в макротексте (которого нет в конкретном примере), чтобы выискивать в них элементы сравнения. Например, «Ул *Михайлов ише* халыктар бик кызык булалар (с.98) – «типа (вроде) Михайлова»; *Жылангарэй кебек* кебек коммунистларның кайтуы, ди... (с.99)” – “Говорит, что возвращение коммунистов вроде Джихангарая...”.

Особо следует отметить, как полезные, приведение в конце монографии в Приложении список фразеологических единиц, выбранных из прозы писателя.

Один из основных выводов исследователя звучит так, что Г.Тулумбайский не только обогатил родную литературу прозаическими произведениями, пронизанными глубоким содержанием, психологизмом, но и внес много от себя для обработки стиля повествования, свойственного этому жанру, и его развития.

Ф.С.Хакимзянов.

А.Т.ТЫБЫКОВА, М.И.ЧЕРЕМИСИНА, Л.Н.ТЫБЫКОВА. ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

НОВОСИБИРСК: ИД “СОВА”, 2008. – 296 с.

Монография посвящена осложненному предложению алтайского языка. Понятие осложненного предложения является сравнительно новым и слабо разработанным в общей теории синтаксиса. В предлагаемой работе осложненное предложение понимается

как особая форма предложений, занимающая место между простым и сложным: в его составе присутствует компонент, который является результатом редукции предикативного звена сложного предложения.

Рассматривается типология осложненных предложений алтайского языка в сопоставлении с русскими. Задается общее понятие осложненности и под этим углом зрения выявляются как

общие для этих языков сложные процессы, отражающие тенденцию развития разных структур предложения алтайского языка.

С.Б.Сарбаиева

***

А.ГАДЖИЕВ. КОРАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

БАКУ, 2009. – 285 с.

Рецензируемая книга, написанная на азербайджанском языке, посвящена одной из актуальных и до сих пор недостаточно изученных филологических вопросов – влиянию священного Корана на русскую литературу. В книге подробно рассматривается история формирования исламского текста русской литературы. Проблема, затронутая автором книги докт. фил. наук, проф. А.Гаджиевым, рассматривается им в совокупности с проблемой тюрко-славянских взаимоотношений на протяжении большого исторического времени и на огромном евразийском пространстве. В работе большое место занимает роль тюркских народов в развитии русской культуры.

Предисловие к книге «Коран в русской литературе» – «Таинственный мир значений», написанное проф. Камалом Абдуллой, начинается эпиграфом, взятым из коранической суры «Комнаты», передающей как нельзя лучше содержание этого исследования: «...Мы сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга...» (с.3).

Книга А.Гаджиева «Коран в русской литературе» написана на материале лекций, прочитанных в Бакинском славянском университете. Знакомство русских поэтов и писателей со священным Кораном нашло свое отражение в русской литературе.

Благотворное влияние Корана испытали на себе самые лучшие представители русской поэзии и литературы: А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, Я.П.Полонский, Л.Н.Толстой, К.Д.Бальмонт и др. К примеру, в словаре

языка А.С.Пушкина Коран повторялся 17 раз.

Книга состоит из пяти разделов, в первом разделе рассматривается древний период развития литературы (с.6–42), во втором периоде исследуется золотой век русской литературы (с.43–125), в третьем периоде подробно рассматривается Серебряный век литературы (с.127–194), четвертый раздел охватывает советский период развития литературы (с.195–231) и последний пятый раздел охватывает современный период развития литературы (с.232–266).

В первом разделе содержится обзор истории изучения тюрко-славянских связей и знакомство восточных славян с мусульманским миром. В книге повествуется о Хазарском каганате и принятии им ислама в 734 году. Древние булгары и хазары, а в дальнейшем и Золотая Орда были проводниками исламской культуры на евразийском пространстве. О ведущей роли тюрков и тюркского человека в истории Евразии читателям становится известным из трудов знаменитого евразийца князя Н.Трубецкого. Серебряные булгары, принявшие ислам в 922 г., Ширванское ханство, многие мусульманские объединения Кавказа сыграли ведущую роль в диалоге славяне – восток, христианство – ислам. Чешский ученый Л.Нидерле отмечал факт образования славянских государств по тюрко-татарскому образу и с прямым участием многих представителей тюркских народов. В истории ряда государств Восточной Европы (Польша, Литва, Украина, Венгрия, Румыния, Болгария) неопределима роль

тюрков. В песне, приведенной знаменитым ученым М.И.Костомаровым, из фольклора малоросов ясно звучат нерасторжимые тюрко-славянские узы: «Стали наші запорожці під турка втікати, підписалось сорок тисяч під турчином жити, присягали турчинові, як москаля бити!...» (с.16).

Автор исследования постарался показать на образцах текстов из русской литературы влияние священного Корана. Кстати, все приведенные примеры снабжены переводами на азербайджанский язык, которые помогут читателям наглядно познакомиться и на родном языке и глубже понять русскую литературу. Книга снабжена иллюстрациями с изображениями Российского Исламского университета (с.233) и мечети Кул-Шариф в Казани (с.235). Работа, содержащая портреты русских поэтов, писателей, востоковедов, поможет азербайджанским читателям поближе познакомиться также и с русской культурой, такой своеобразной и противоречивой. Как нельзя лучше подходят сюда стихи Велемира Хлебникова: «Ах, мусульмане те же русские и русским может быть Ислам» (с.195). В работе приводятся баяты из фольклора ахыских турков, запечатлевших и сохранивших в памяти народа покорение Россией Закавказья и разрушение многих мечетей, в том числе и мечети Ахмедия: «Əhmədiyyə cəməsi söküldü, arabayla Urusetə çəkildi, o vaxt mislimanın beli бүküldü, ağla, nənəm, ayrılacaq zamandır» (с.26). «Qara dəniz axmam diyor, //Ədrəfimi yıxmam diyor. //Adı gözəl Osman Paşa //Axısqadan çıxmam diyor. // Qara dəniz axar gedər, //Ədrəfimi yıxar gedər. //Adı gözəl Osman Paşa // Axısqadan çıxar gedər» (с.27).

А.Гаджиев в подтверждении своих мыслей о значительном вкладе тюркских народов в сокровищницу русской культуры и развитии православия на Руси приводит цитаты из сочинений русских историков, философов, богословов, поэтов и писателей: «Одним из достопа-

мятных следствий татарского господства над Россией было возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений...» – цитата из Карамзина (с.38). Золотоордынский хан Узбек, давая ярлык митрополиту Петру, подчеркивал единобожие ислама и христианства: «Да не вступаются в церковное и Митрополичье никто же, занеже то Божие все суть; а кто вступится, а наш ярлык и наше слово преслушает, тот есть Богу повинен, и гнев на себя от него примет, а от нас казнь ему будет смертная... А Попы, и Дьяконы...кто учнет не правым сердцем о насмолитися Богу, то грех на нем будет» (с.39). К сожалению, русские цари при завоевании Казанского и Астраханского ханств поступили поварварски, разрушив мечети и медресе и запретив мусульманское вероисповедание, что подтверждается архивными документами. Более 250 лет мусульмане России терпели унижения и только после восстания Батырши Екатерина II с целью стабилизации в обществе запрещает насильственную христианизацию народов Поволжья и в отношении мусульман смягчаются законы. В работе была изложена политика русских царей от Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины Второй, Николая Второго.

Второй раздел, повествующий о золотом веке в русской литературе, начинается со слов Льва Толстого «... пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина» (с.43). Поэтическая песня из повести «Хаджи Мурад» заканчивается словами из Корана «Ля илляха иль Алла» (с.90). В этом разделе раскрывается одна из главных черт политики Петра Первого – антиисламизм и антитюркизм, нашедшая прямое отражение в поэзии А.Сумарокова и М.Хераскова других поэтов той эпохи.

Думается, что «Коран в русской литературе» докт.филол.н. А.Гаджиева займет достойное место среди новых филологических изданий, изданных не только в Азербайджане, но и за её пределами. Это исследование является

мостом, соединяющим культуры разных народов и вероисповеданий, способствующему толерантному духовно-религиозному воспитанию молодежи, но

живущих на единой планете Земля, призывающим народы к мирному сосуществованию.

А.И.Гусейнова.

***

ЯЗЫК ПОЭЗИИ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ.

ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЬ

Учеными Казанского гос. ун-та составлен интернет-словарь татарского народного поэта Габдуллы Тукая. Словарь подготовлен на татарском языке. Данный словарь является интернет-компонентом – интернет-словарем, (ИС) справочного комплекса, описывающего материалы стихотворных произведений великого татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913) и включающего также словарь в традиционной (бумажной) форме (ТС), в основной части которого представлены конкорданс (алфавитно-частотный словоформоуказатель с контекстами), обратный и частотный словоформо-указатели.

Словари составлены на основе сформированного в Казанском гос. ун-те (в будущем – Поволжский Федеральный университет) компьютерного фонда Г.Тукая. Фонд поэзии включает все стихотворения, вошедшие в академические издания произведений Тукая, а в основу текстотеки положено 5-ти

томное собрание сочинений поэта, подготовленного учеными Института языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова КФАН СССР в 1985–1986 гг.

Фонд и словари включают материалы 411 стихотворений Тукая общим объемом 45899 слов. Авторы-составителями данного труда являются преподаватели кафедры теоретической и прикладной лингвистики Казанского гос. ун-та К.Р.Галиуллин и Р.Н.Каримуллина.

Программное обеспечение лингвографических работ было выполнено сотрудниками Центра информационных технологий Казанского гос. ун-та Н.А.Обносовой, Е.В.Федоровым, преподавателем кафедры прикладной математики ун-та И.Л.Александровой.

Со словарем поэзии Г.Тукая можно ознакомиться на портале Казанского гос. ун-та по адресу www.klf.ksu.ru/tukay.

***

PERSONALIA

БОРИС ИСАКОВИЧ ТАТАРИНЦЕВ

(К 70-летию со дня рождения)

Доктор филологических наук, лекции по лексикологии в Новосибирском гос. ун-те, вел курсы по истории тувинского языка и алтаистике в Тувинском гос. ун-те. Б.И. Татаринцев выступает оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций по тюркским языкам, пишет отзывы на диссертации, авторефераты языковедов, является членом Ученого Совета ТИГИ. Для нас отзывы, советы

Борис Исакович Татаринцев работает в ТНИИЯЛИ (ныне ТИГИ при Правительстве Республики Тыва) с 1968 г. и до сегодняшнего дня, уже более 40 лет. С 1975 по 1978 год он заведовал сектором словарей, с 1979 по 1997 гг. был ученым секретарем ТНИИЯЛИ. С 1997 г. по настоящее время работает главным научным сотрудником сектора языка. С 1990 г. он — член диссертационного докторского совета при ИФ СО РАН г. Новосибирска. С 2006 г. по сегодняшний день — профессор Тувинского гос. ун-та. Он читал

лекции по лексикологии в Новосибирском гос. ун-те, вел курсы по истории тувинского языка и алтаистике в Тувинском гос. ун-те. Б.И. Татаринцев выступает оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций по тюркским языкам, пишет отзывы на диссертации, авторефераты языковедов, является членом Ученого Совета ТИГИ. Для нас отзывы, советы

Бориса Исаковича по лексикологии, по истории языка и по другим вопросам имеют очень важное значение.

Как видим, научная и педагогическая деятельность Б.И. Татаринцева многогранна. Даже краткое перечисление того, что он сделал за свою научную карьеру показывает, какой огромный вклад он сделал в тувинское языкознание и в тюркологию в целом.

Борис Исакович Татаринцев является автором более 150 научных работ. Среди них ряд монографий: «Русские лексические заимствования в

современном тувинском языке» (1974), «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику» (1976), «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» (1987). Но, конечно, труд всей его жизни – это работа над «Этимологическим словарем тувинского языка». Уже вышли 4 тома этого словаря. В настоящее время он работает над 5-м томом данного словаря. Во многом благодаря Б.И. лексикология является одной из наиболее развитых областей тувинского языкознания.

Б.И. был редактором многочисленных изданий, среди которых научные монографии «Формирование и развитие тувинского литературного языка» Ш.Ч.Сата (1973), «Тувинско-русский фразеологический словарь» Я.Ш.Хертека, «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» В.Я.Бутанаева (1999), «Ученые записки» института, начиная с выпуска XVII, а также многие др. научные издания.

В разные годы им опубликованы в центральных журналах целый ряд рецензий: на книгу В.И.Рассадина «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Сов.тюркология, 1973, №1), на коллективную монографию «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика» (Вопр. языкознания, 1987, №2), на книгу А.М.Щербака «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков» (Вопр. языкознания, 1991, №3).

Б.И.Татаринцев и сегодня играет ведущую роль в научной работе тувинских языковедов, а также в подготовке и формировании кадров по тувинской филологии. Под его руководством защитились преподаватели ТывГУ Е.МКуулар, Н.Д. Сувандии и старший научный сотр. ТИГИ О.М.Саая.

За творческий вклад в науку Б.И.Татаринцев награжден медалью «За доблестный труд», присвоено звание заслуженного деятеля науки

Тув. АССР, он является лауреатом Гос премии Респ. Тыва в области науки и техники за разработку «Этимологического словаря тувинского языка».

***

А начиналась карьера Бориса Исаковича, как и многих сибирских языковедов, с работы учителя. Он родился 04.10.1939 г. в г.Петропавловске Северо-Казахстанской области. В 1963 г. окончил Новосибирский гос. пединститут (истфилфак). После его окончания год работал учителем русского языка и литературы школы №7 г.Татарска. В 1964 г., поступив в аспирантуру Ин-та филологии СО РАН, под руководством выдающегося тюрколога Е.И.Убрятовой прошел прекрасную научную школу и подготовил диссертацию «Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка». В 1967 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию и в следующем году он начинает свою очень успешную работу в Кызыле.

От Е.И.Убрятовой Б.И. воспринял методику сравнительно-исторического анализа и интерес к истории языка, а также широкий круг научных интересов. Он имеет глубокие познания в самых разных областях лингвистики. Борис Исакович прежде всего лексиколог и этимолог. Широко известны его вузовские курсы по лексикологии. Но назвать Б.И.Татаринцева специалистом только по лексикологии несправедливо. Он – тюрколог-лингвист в самом широком смысле этого слова, в частности фонетист, историк языка. Как наказывал В.М.Наделяев, «исследователь языка всегда должен быть лингвистом широкого профиля, а не только фонетистом, лексикологом, морфологом, синтаксистом». Помимо всего прочего, Б.И. писал о фонеме и о слове, о чередовании звуков и о семантике слова, об этимологии и о

письменности, об исследователях тувинского языка и о истории языка. Все его работы отличаются богатством и полнотой привлекаемых материалов, основательностью и глубиной суждений, простотой и четкостью изложения.

Как уже было упомянуто, Б.И. Татаринцев является автором более 150 научных работ. Среди многочисленных работ этого ученого следует особо отметить две монографии: «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» (1974) и «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику» (1976), основанные на его кандидатской диссертации. В них он рассматривает роль языковых контактов в развитии лексики тувинского языка, в частности вопросы о заимствованиях в тувинском языке, о русских и монгольских лексических заимствованиях. Контакты тувинского языка с русским и монгольским языками оказывают заметное влияние, в первую очередь, на его лексику. Но при этом русское влияние заметно превосходит монгольское. В монографии «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» заимствования четко подразделяются на дореволюционное и послереволюционное. Вначале слова заимствовались устным путем, испытывая значительные изменения внешнего облика, а зачастую и в семантике; это были в основном заимствования бытовой лексики, часто это были просторечия или диалектные слова. Это такие слова, как *сараат* от слова «зарод», *хонээн* «копна», *аңмаар* «амбар», *бөдүрээ* «ведро», *кочал* «котел» и т.д. Б.И. были выявлены фонетические особенности таких заимствований, происходящие в языке очень интересные процессы, сопровождающие заимствование лексем, такие как сингармонизм, ассимиляции и другие фонетические изменения. Например, в слове *кочал* от слова

«котел», мягкий согласный *t > ч* в середине слова. Подобные слова совершенно не осознаются как иноязычные заимствования. Можно даже сказать, что данные слова стали так неузнаваемы, что они воспринимаются как исконно тувинские.

Во втором периоде русские заимствования проникали через тувинскую периодическую печать. В газете «Шын» в начале 30-х гг. прошлого столетия существовал специальный раздел «Политиктиң чаа сөстери» («Новые политические слова»), значительную часть которых составляли русские заимствования. В тувинском письменном языке того времени круг заимствований ограничивался лишь «специфическими новыми терминами для новых понятий. Например «революция», «капитализм», «милитаризм», «империалисты». В то же время источником заимствования служила в этот период не только русский, но и монгольский язык, как *кегээрел* «просвещение», *өргүүдел* «заявление». Как видим, в тувинском языке термины, обозначающие новые понятия, были иноязычными даже в то время, т.е. или русскими или монгольскими. Через посредство русского языка заимствовались слова из других индоевропейских языков.

Как нам представляется, на сегодняшний день вопрос заимствований, особенно в сфере терминологии, является очень актуальным. В республике возобновил работу Терминологический комитет, где идет работа над переводами терминов с русского языка на тувинский. Нам кажется, что к переводу терминов на тувинский язык нужно подходить очень осторожно. Если термин не имеет эквивалента в тувинском языке, не следует его «любой ценой» переводить на тувинский язык, используя только исконные тюркские слова. Термины существуют именно для того, чтобы облегчить

взаимопонимание в науке. Возьмем, например, такие термины, как «лингвистика», происходящий из латинского корня *lingua* 'язык', *синтаксис*, *лексикология*, *лексикография*, заимствованные в русский язык уже в новое время из французского языка, где они образовались на базе греческих корней и т.д., экономические термины, такие как *банк* из итальянского, политические термины, как *гуманизм* – из латинского, и т.д. Это интернациональные слова, понятные всем.

Смена тувинско-монгольского билингвизма тувинско-русским и значительная общность тематики русизмов и монголизмов способствовали тому, что русские заимствования повлияли, в частности, на слой монгольских заимствований в тувинской лексике. В результате некоторые из них оказались вытесненными из активного употребления русскими по своему происхождению словами, а часть значений многозначных заимствований распределилась между однозначными русскими заимствованиями.

Таким образом, русские лексические заимствования, а также слова, заимствованные из других индоевропейских языков через посредство русского языка, в тувинском языке стали одним из наиболее важных факторов развития лексики современного тувинского языка, особенно его литературной формы.

Б.И. в монографии «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику» (1976) показал признаки монгольских заимствований, их основные источники и место монгольских лексических заимствований в тувинской лексике. Монгольские элементы, несмотря на их количественную значительность, не составляют системы и не определяют собой строя тувинского языка. Однако включение в тувинский язык множества изобразительных слов и глаголов монгольского происхождения

приводит автора к обоснованному предположению о длительном взаимном двуязычии. Целый ряд групп монгольских лексических заимствований тувинского языка выявляется на основании фонетико-морфологических признаков. Например, с афф. *-зун/-зун*: *сүнезин* 'душа, дух', *удазын* 'нитка', *үндезин* 'корень, основа', *саазын* 'бумага', *-мал/-мет*: *шутжумал* 'литой, отлитый из металла', с афф. *-лга, -лда*: *карылга* 'убыток', *бодалга* 'задача', *соцгулда* 'выборы' и т.д. Очень много общественно-политических терминов также заимствованы из монгольского: *яамы* 'министерство', *хурал-суглаа* 'собрание', *дарга* 'председатель', *ноян* 'чиновник', *дүжүмет* 'чиновник', *солун-сеткуул* 'газета', *дептер* 'книга'. Целый ряд групп монгольских лексических заимствований выявляется на основании фонетико-морфологических признаков. Монгольское происхождение повторяющихся компонентов звукового облика слов, если такие компоненты соотносятся с соответствующими словообразовательными формантами и языке-источнике, редко вызывает сомнение. Они существуют чаще всего только в составе явных монголизмов и относятся в тувинском языке к числу мертвых морфем. Выявлены словообразовательные афф.: *-л, -лга, -лда, -мал, -мча* и др. В тувинском языке есть ряд аффиксов, заимствованных из монгольских языков: *аңдарылга*, *бастырылга* «вспашка», *кирилде* «введение». Особенно велико число монгольских заимствований среди отглагольных существительных с афф. *-л*: *авырал*, *айыттал*. Большую часть монгольских заимствований в тувинской лексике составляют собственно монгольские слова. Но, как уже было отмечено, монгольские языки и диалекты выступали как посредники, с помощью которых в тувинский язык проникали заимствования из других восточных

языков, в частности, из тибетского, китайского, санскрита.

Труды Б.И., посвященные теоретическим вопросам, далеко выходят за рамки чисто лексикологических, например, работа, посвященная смысловым связям слов тувинского языка. Значение предложения зависит от значения глагола или, более широко, предиката – в настоящее время этот вопрос продолжает оставаться актуальным. В монографии «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» Б.И. рассматривает значение слова: многозначность и ее виды, различные лексико-семантические группы слов, закономерности сочетаемости слов. Чтобы рассмотреть семантику слова, по словам Б.И., необходимо изучение слова в окружении, контексте. Автор под «смысловыми связями» понимает реализацию значения слова в определенном контексте. Чтобы определить, что слово многозначное, важна сочетаемость глагола с определенным существительным в контексте: *кезер* в сочетаниях с существительным *сиген* – «косить» реализует значение «косить», в сочетаниях с названием дерева – «рубить»: *ыяш кезер* «рубить дерево». Чтобы определить значение слова, нужно обратить внимание на контекст его употребления и на его сочетаемость с другими словами.

Слова в переносном значении входят в другие семантические группы, меняя свое управление. Такие глаголы, как *сун-* «направляться», *тудус-* «ехать», *шат-* «бить, ударять», *хак-* «бить» могут передавать значение «быстро ехать», т.е. становятся в переносном значении глаголами движения, которые по смыслу требуют уже определенные падежи. Например, такое значение глагола *тудус-*, как «быстро двигаться (куда-то, где-то)», может быть реализовано в сочетаниях со словами, обозначающими дорогу, местность,

направление движения или другими словами, глагол в этом значении требует пространственное обстоятельство: *Хову-биле тутсун орган бис* «Мы ехали по степи»; *Чорук-ла чогузун, кайнаар сунуп бар чыдар ыңар – деп, Даваа эвилең чугааланган* «Пусть будет счастливым ваш путь. Куда же теперь направляетесь? – вежливо заговорил Даваа».

В частности, в приведенных ранее примерах (с глаголами *тудус-* и *ужур-*) мы имели дело как раз с контекстами в речевом плане, но они могут рассматриваться и как конкретные проявления контекста в плане языковом, а контекстуальный набор для глагола *ужур-* в значении «рубить» составляют названия деревьев, для него же в значении «убивать» – названия крупных зверей.

Имена прилагательные с основным значением цвета (*көк, кара, кызыл*) могут также в составе устойчивых сочетаний выражать сильную степень качества, интенсивность признака различными средствами. Так, прилагательное *көк* употребляется в составе таких словосочетаний, как *көк элээр* «совершенно трезвый», *көк меге* «явная ложь», *көк сөөк* «очень худой», *көк мелегей* «круглый дурак»: *Сээң оглуң анаа-ла көк механик кижги ышкажыл* «Твой сын ведь, кажется, просто всего-навсего механик»; *кызыл чанагаиш* «совсем раздетый», *кара кайгамчыктыг* «весьма удивительный», *кара күш-биле* «изо всех сил».

В научной литературе термины «смысловые связи и отношения» часто употребляются как синонимы. Б.И. Татаринцев различает эти понятия, вкладывает в них разное содержание. Когда мы говорим о смысловых связях, то имеется в виду реализация значения слова в определенном словосочетании в определенном контексте. Например, *көк оът* «зеленая трава». Иначе значение прилагательного понимается как «синий». Когда говорим о

смысловых отношениях, то имеется в виду степень общности и различий слов. Между ними нет связи, ни производности. Например, *көк, кара, кызыл* – между ними существует определенная общность отношения т.е. обозначение цвета.

Нашему институту, нашему сектору повезло, что в них работают такие два крупных ученых, как Борис Исакович и Доруг-оол Алдын-оолович – учителя учителей, аспирантов и наши учителя. Они – основа и стержень, продолжатели той лингвистической школы, которую создали А.А.Пальмбах, Ф.Г.Исхаков, В.М.Наделяев, Ш.Ч.Сат и др. Они в Туве воспитали плеяду блестящих лингвистов.

Тувинское языкознание, в частности лексикография, благодаря фундаментальным работам крупных тюркологов, как Б.И.Татаринцев, Д.А.Монгуш, их самоотверженной работе на благо тувинского языка, давшей фундаментальные работы, такие как «Этимологический словарь тувинского языка», «Толковый словарь тувинского языка» – имеет огромные достижения – это общеизвестный в тюркологии факт. В языках Южной Сибири не исследована лексикология, лексикография и этимология в таком масштабе, как в тувинском, – все это благодаря данным ученым.

Б.И.Татаринцев – яркий теоретик, который сформировал собственную концепцию разработки этимологии слов тувинского языка: при определении происхождения слова нужно исключить все возможные объяснения из тюркских языков, и лишь тогда переходить на поиск иного языка-донора. Этимологический анализ – это кропотливая работа. Б.И. работает на обширном материале, его труды доказательны, концепции хорошо продуманы, это придает им большую объяснительную силу.

В настоящее время имеется несколько этимологических словарей

по тюркским языкам: «Этимологический словарь чувашского языка» В.Г.Егорова (Чебоксары, 1964), коллективный «Краткий этимологический словарь казахского языка» (1966) и ряд др. В наибольшей степени исследована этимология турецкого языка. Для сибирских языков отмечена попытка составления этимологического словаря корневых основ современного тофского языка как приложения к монографии В.И.Рассадиной «Фонетика и лексика тофаларского языка». Пока это – единственная публикация по сибирским языкам помимо работ Б.И.Татаринцева. «Этимологический словарь тувинского языка» Б.И.Татаринцева, представляющий результат многолетних изысканий автора, имеет наибольшую известность и популярность среди специалистов. Четыре уже опубликованных тома охватывают около 3533 слов, включая варианты. В них широко представлены материалы тувинского языка, приведены данные тувинских диалектов, отражаются связи тувинского языка с другими языками.

Приведем пример исследования этимологии слова *када* I 'пожилая женщина'; диал. 'бабушка; свекровь': *кадам* – форма обращения к пожилой женщине, примерно соответствующая рус. тетя или бабушка; *кадай* 'женщина, баба; пожилая, старуха; жена, супруга'.

Н.Ф.Катанов отмечал тув. *када* в значении 'бабушка', относя его к числу единичных «сомнительных слов» (по его собственному выражению), т.е. таких для которых, он считал вероятным самоедское происхождение (Опыт, XVII) и находя соответствия тув. *када* в таких северносамодийск. языках, как ненецкий (*hada* 'бабушка, свекровь'), энецкий (*када* 'бабушка'), нганасанский (*kata* то же) (ВТФ, 108).

По мнению Е.А.Хелимского, вероятным источником тув. *када* было слово маторского языка (одного из

южносамодийских), отражающее пра-самод. *kala 'старшая родственница (бабушка, тетя, свекровь)' и звучавшее как *kadu (Хелимский 2000: 310).

Однако, при решении вопроса об этимологии *kadu*, Б.И. учитывает наличие у него соответствий в других тюркских языках и не исключает тюркского происхождения этого слова.

«Этимологический словарь тувинского языка» Б.И. Татаринцева – фундаментальный труд, результат его более чем двадцатилетней кропотливой и плодотворной деятельности по исследованию этимологии тувинской лексики. Эта работа продолжается и сейчас.

10 октября 2009 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Б.И. Татаринцева. К этой дате филологический мир получил замечательный подарок – сборник «Избранные труды», в который вошли и печатавшиеся ранее, и неопубликованные работы.

В связи с исполнившимся 70-летием Борис Исааковича Татаринцева, замечательного ученого и прекрасного человека, мы от всей души желаем хорошего здоровья и творческих сил для дальнейшей плодотворной деятельности на благо тувинского языкознания и тюркологии в целом.

Н.Ч.Сергеев

***

РАССАДИН ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

12 ноября 2009 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической деятельности доктору филологических наук, профессору, действительному члену Российской академии естественных наук, чл.-корр. Финно-угорского общества (г.Хельсинки), заслуженному деятелю науки Бурятской АССР, РФ, передовику науки Монголии Валентину Ивановичу Рассадину.

Свою трудовую деятельность он начал в 1962 г. после окончания кафедры монгольской филологии восточного факультета Ленинградского гос. ун-та в г. Дархан Монголии переводчиком, куда был направлен после окончания ун-та. Через год он поступил в аспирантуру Новосибирского гос. ун-та, где ему было поручено исследование лексики тофаларского языка. Успешно завершив аспирантуру, в 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему

«Лексика современного тофаларского языка». В тот же год В.И. был приглашен на работу в Институт общественных наук СО АН СССР, где проработал в течение 40 лет (до 2006 г.). Здесь он прошел путь от млад. научного сотрудника до главного научного сотрудника.

Желание исследовать тофаларский язык заставило продолжить научные изыскания по этому направлению. Выбрав научную тему как «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков», В.И., успешно завершив свое исследование, в 1983 г. защитил

его в качестве докторской диссертации.

Если посмотреть не его трудовой путь, необходимо указать и на, что начиная с 1992 г. В.И. по совместительству работал зав. кафедрой филологии Центральной Азии восточного факультета Бурятского гос. ун-та. Переехав в 2006 г. в Элисту, он начал работать профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого гос. ун-та, одновременно возглавил и Научный центр монголо-ведных и алтаистических исследований данного учебного заведения, где продолжает трудиться и поныне.

В.И.Рассадин – известный исследователь малочисленных тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона Российской Федерации и Монголии, он является одним из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-

исторического монгольского и тюркско-монгольского языкознания. В.И. известен и как создатель письменности для тофаларского и сойотского языков и автор букварей и других пособий для школ по данным языкам.

Валентин Иванович Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и исторических связей с тюркскими языками. Им подготовлено 43 кандидата наук, он являлся научным консультантом 4-х докторских диссертаций. Он является свыше 200 научных и научно-популярных работ.

Ученики и коллеги желают ветерану войны и труда, кавалеру ордена Дружба Валентину Ивановичу Рассадину доброго здоровья, новых творческих успехов и долгих лет жизни!

***

КААДЫР-ООЛ АЛЕКСЕЕВИЧ БИЧЕЛДЕЙ

(К 60-летию со дня рождения)

Жизнь и творческая деятельность личности К.А.Бичелдея богаты событиями, потому что это очень разносторонний и увлекающийся человек. У него широкий круг интересов. Он и учёный-языковед, и общественный деятель, и политик, и политолог. К.А. в равной степени занимается и научной и политической деятельностью и принимает активное участие в политической жизни своего времени. Пожалуй, основные черты его как

наряду с острым аналитическим умом – это стремление к справедливости и свободе, активная жизненная позиция. Он и сын своего времени, и человек будущего, который оказал значительное влияние на то, в какой стране, в каком обществе мы сейчас живем.

Несмотря на все разнообразие направлений его деятельности, его жизнь в науке и в политике являются закономерными и логичными продолжениями друг друга.

То, что их объединяет, это постоянное служение своему народу, своей Родине. Чтобы доказать этот тезис, приведем несколько фактов из его биографии и проанализируем их.

Каадыр-оол Алек-сеевич Бичелдей родился 2 января 1950 г. в п. Пестуновка Улуг-Хемского р-на Тув. АССР. В 1975 г. окончил восточный факультет Монгольского гос. ун-та в г. Улан-Батор. С 1975 г. по 1990 г. Каадыр-оол Алексеевич работал в ТНИИЯЛИ (ныне ТИГИ при Правительстве Республики Тыва), сначала научным сотрудником, а с 1982 по 1990 год зав. сектором культуры, зав. лабораторией экспериментальной фонетики. Почти десять лет своей жизни, с 1990 по 2008 год, К.А. Бичелдей посвятил в первую очередь политической и общественной деятельности. С 2008 г. по настоящее время Каадыр-оол Алексеевич – директор Тувинского ин-та гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва. Его научная деятельность получила широкое научное и общественное признание: он является доктором филологических наук, действительным членом Российской академии естественных наук (РАЕН) и Российской академии социальных наук (РАСН). Он член Совета по защите докторских диссертаций Ин-та этносоциальных проблем мегаполиса при Правительстве Москвы, член Ученого Совета Национального музея Республики Тыва.

А начинал свою научную деятельность К.А. в секторе языка ТНИИЯЛИ среди таких известных тувиноведов, как к.ф.н. Д.А. Монгуш, д.ф.н. Ш.Ч. Сат, д.ф.н. Б.И. Татаринцев, к.ф.н. З.Б. Чадамба, Я.Ш. Хертек. Они были его доброжелательными и суровыми учителями.

Фонетика тувинского языка относится сегодня к наиболее раз-

работанным областям тувинского языкознания. Но так было не всегда. Мы можем это утверждать только после того, как вокализм тувинского языка был исследован К.А. Бичелдеем, а консонантизм – С.Ф. Сеглеңмей. Оба они являются учениками и воспитанниками Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) и представителями новосибирской лингвистической школы, как и многие другие ученые Тувы, ныне успешно работающие по различным направлениям тувинского языкознания. Лаборатория экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) под руководством сначала крупного специалиста по общей и экспериментальной фонетике, монголиста и тюрколога В.М. Надеяева, а ныне И.Я. Селютиной, сотрудничала и сотрудничает со многими сибирскими языковедами: тувинцами, хакасами, алтайцами, шорцами, якутами и т.д. Она провела огромную работу по документации и описанию фонетических систем тюркских языков Сибири.

Научным руководителем кандидатской диссертации К.А. Бичелдея была д.ф.н. Е.И. Убрятова, а научным консультантом – В.М. Надеяев. Можно утверждать, что К.А. Бичелдей как лингвист сформировался именно в лаборатории В.М. Надеяева. Там он занимался экспериментальной фонетикой. Экспериментальная фонетика, – как об этом писал В.М. Надеяев, – один из ключевых подходов к изучению истории младописьменных языков, у которых нет никаких ранних письменных свидетельств. Это один из аспектов изучения истории языков, пробный камень на взаимодействие с другими языками. В.М. Надеяев выдвинул и сформулировал теорию артикуляционно-акустической базы (ААБ). Основным тезисом этой теории является то, что ААБ принадлежит

этносу, а не языку, она остается даже при переходе этноса на другой язык. Отслеживая разные типы ААБ в пространстве и времени можно проследить и историю народа – ее носителя. Использование артикуляционно-акустической базы в качестве исторического источника позволило В.М.Наделяеву выдвинуть и обосновать ряд гипотез применительно к этногенезу народов Сибири и сопредельных регионов. Одна из них – тофы и тувинцы в СССР, а также уйгуро-урякхайцы в МНР имели иной этнический субстрат, нежели северные алтайцы (кумандинцы, чалканцы, туба). Экспериментально-лингвистический метод, включающий в себя серию методик, сформировавшихся в ЛЭФИ ИИФФ СО РАН, сыграл ведущую роль в исследованиях К.А.Бичелдея, отраженных в его монографических исследованиях.

Каадыр-оол Алексеевич успешно прошел школу ЛЭФИ и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вокализм современного тувинского языка» в 1985 г. Он опубликовал многочисленные статьи, среди которых имеется целый ряд экспериментально-фонетических исследований, и подготовил 5 монографий по экспериментальной фонетике тувинского языка: «Гласные тувинского языка в потоке речи» в 2 частях (Кызыл, 1989), «Фарингализация в тувинском языке» (Кызыл, 1999), она же, дополненная и переработанная, вышла в 2001 г., «Звуковой строй диалектов тувинского языка» (Москва, 2001).

Сегодня в научном багаже К.А. имеется свыше 240 научных работ, среди них 18 монографий. Каадыр-оол Алексеевич пишет о фонетике и орфографии, орфоэпии и культуре речи, о языковой политике и функционировании языка, о

внутренних закономерностях развития языка в обществе и о его диалектах.

Уже в своей кандидатской диссертации Каадыр-оол Алексеевич предложил новую классификацию гласных тувинского языка в составе 32 фонем: 8 кратких, 8 долгих, 8 фарингализованных и 8 носовых. Фарингализация является одной из особенностей вокализма тувинского языка. Фарингализация – напряжение стенки глотки. фарингализованный гласный более напряженный, акустически он характеризуется дополнительными тембровыми окрасками. Он показал, что фарингализация встречается не только в односложных, но и в многосложных словах. Им установлен новый вид гармонии звуков – гармонии по фарингализованности, которая означает, что если гласный первого слога является фарингализованным гласным, то и в последующих слогах в пределах простого многосложного слова употребляются только фарингализованные оттенки кратких и долгих гласных. Как известно, в тувинском языке имеются два вида гармонии гласных: небная и губная, а данный вид фарингализации, открытый К.А., – это третий вид гармонии гласных.

Он занимался и вопросом о происхождении фарингализации в тувинском языке. Считается, что фарингализованные гласные тувинского языка возникли в тесной связи с изменением качества согласных. Если в первом слоге употребляется краткий гласный в сочетании с последующим сильным согласным, то ослабление последнего обусловило изменение качества артикуляции предшествующего гласного – так возникли фарингализованные гласные тувинского языка. Причиной же ослабления сильного согласного в указанной позиции, по-видимому, является пока неустановленный субстрат, как утверждают Наделяев и Рассадин. Эти наблюдения показывают, что распро-

странение качества произношения фарингализованных гласных на гласные последующих слогов носит не случайный, не выборочный, а обязательный, закономерный характер.

Каадыр-оол Алексеевич создал и опубликовал полный список лексики (порядка 15 тыс. слов) с фарингализованными гласными – это огромный вклад в сравнительно-типологическое языкознание. Тюркская филология по-другому теперь смотрит на это явление.

Еще одним важнейшим достижением К.А. является открытие фонематической назализации долгих гласных в системе вокализма тувинского языка. Это уникальное явление, которое в столь последовательном и полном виде не наблюдается ни в одном из тюркских языков. Наличие в тувинском языке квазиомонимических рядов типа *чаа* – война, *чаа* – новый; *саат* – помеха, *саат* – сонная артерия, *чуурга* – стирать, *чуурга* – яйцо, *хоор* – приглашать шамана, *хоор* – жарить наглядно показывает фонемный статус долгих назализованных гласных: в приведенных парах и рядах квазиомонимов смысловозначительным элементом является именно назализованность долгого гласного. Таким образом, признаки «назализованность» и «неназализованность» у долгих гласных противопоставлены как фонематические.

В своей монографии «Звуковой строй диалектов тувинского языка» К.А.Бичелдей систематизировал диалектные материалы и диалектологические изыскания и провел сравнительно-сопоставительный анализ основных фонетических особенностей диалектного членения тувинского языка. Он выявил в говорах тувинского языка сохранившиеся древние черты. Например, в словах в начале слова встречается *й* вместо *ч*: *йоон*. Тем самым в тувинском языке

прослеживаются древние связи жителей Тувы с древними тюрками и уйгурами.

Различные регионы Тувы отличаются друг от друга качеством и степенью распространения фарингализации. Впервые на всей территории рассматриваются закономерности проявления этого фонетического явления. В речи населения Тере-Холя в отличие от всех остальных диалектов и говоров тувинского языка фарингализация практически отсутствует. Центральный и юго-восточный диалекты тувинского языка вообще находятся в оппозиции в отношении назализованности и фарингализованности: в речи жителей Тере-Холя нет ни назализации, ни фарингализации.

Таким образом, автор приходит к выводу, что звуковая система тувинского языка отличается от звуковых систем близкородственных языков рядом фонетических особенностей. Географическая изолированность (окружение горными хребтами, труднопроходимой тайгой) в очень большой степени способствовало сохранению многих архаических черт в тувинском языке. Кроме того, в нем наличествуют особенности, характерные только данному языковому региону, такие как *назализация долгих гласных и фарингализация*.

Подведением итогов по экспериментальному фонетическому исследованию К.А.Бичелдея стала его диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка» (2001 г.).

В 2003 г. под руководством д.ф.н. И.Я.Селютиной защитили кандидатские диссертации преподаватели ТывГУ И.Дамбыра по явлениям фарингализации в тувинском языке, С.Кечилоол по тувинскому консонантизму. В своих работах они опирались на труды

К.А.Бичелдея. Инновационное решение научных проблем с применением экспериментальной фонетики в трудах молодых коллег – это продолжение того, что было заложено фонетистом-тувиноведом К.А.Бичелдеем, это признание его вклада в тувинское языкознание.

В творческой деятельности К.А. видное место занимают и работы учебно-методического и практического характера. В основном это школьные учебники, пособия по родному языку, составленные в соавторстве или индивидуально, а также пособие «Поговорим по-тувински» для изучающих тувинский язык. Остановимся на нем поподробнее. Пособия такого типа очень важны. Они дают поддержку для языка и создают оптимальный климат для его развития, в частности в аспекте его терминологии, применительно к законодательству, науке, образованию. Самоучитель К.А.Бичелдея дает представление о тувинском языке, о его структуре и грамматике. Он дает возможность познакомиться с этим языком людям, которые на нем не говорят. Особенно это важно для проживающего в Республике Тыва населения, ведь в республике используются два языка: язык коренного населения – тувинский – и русский.

К.А.Бичелдей много внимания уделяет вопросам прикладного характера, в частности функционированию родного языка, совершенствованию алфавита и орфографии тувинского языка. Разработка правил орфографии – это поддержка функций языка в обществе. К.А.Бичелдей как ученый и активный общественный деятель всегда боролся за право малочисленных народов России «говорить и выражать мысль» на родном языке. Роль языка для жизни нации велика. Как и все алфавиты тюркских языков Южной Сибири, алфавит тувинского

языка опирается на русский алфавит и использует русскую графику, последовательно различающую согласные по звонкости и глухости. А в тувинском языке оппозиция по глухости-звонкости имеет второстепенное значение; поэтому требуется значительное совершенствование тувинской графики, приведение ее в соответствие со строем и потребностями тувинского языка. Эти вопросы до сих пор остаются актуальными. Особенно это касается правописания слов с фарингализованными гласными. Тут разгорается немало дискуссий. К.А. рано понял значимость реформы алфавита и чуть ли не аспирантом уже предпринимал попытки предложить свое видение усовершенствования тувинского алфавита. Будучи аспирантом, он написал статью «Вопросы орфографирования фарингализованных гласных современного тувинского языка». В тувинском языке в 9 словах фарингализованные гласные обозначаются сочетанием гласной и твердого знака. Однако из этих 9 слов в 5 словах в производной форме твердый знак не пишется. По этому поводу автор пишет так: «Различать производные формы от непроеизводных довольно сложно для учащихся, особенно в младших классах. С подобными трудностями сталкиваются даже взрослые. Поэтому во всех производных формах указанных девяти слов следовало бы употреблять твердый знак: *чаъстыг*, *дүъштеки*, *чүъктешки* и т.д.». Исходя из этого, автор статьи предлагает узаконить постоянное употребление твердого знака в девяти словах и в их производных. На мой взгляд, это было бы намного логичнее и последовательнее и легче для усвоения. Все мы преподаватели и понимаем, насколько важны такие вопросы. Для нас – это животрепещущие вопросы. Отражение

в графике звукового строя тувинского языка – это постоянные проблемы и для школы и для университета, не только для тувинских языковедов. Мы задумали новый тувинско-русский словарь и перед нами стоит вопрос: как обозначать фарингализацию? Давать помимо орфографии и транскрипцию? Совершенствовать орфографию? Нужно работать вместе, решать данные проблемы в сотрудничестве со школой и университетом в терминологическом комитете. Но важно и помнить предостережения основоположников тувинского языкознания, таких как А.А.Пальмбах, Д.А.Монгуш, о необходимости осторожности при проведении орфографических реформ: даже при очень неудовлетворительной орфографии вмешательство в языковые привычки людей может восприниматься очень болезненно. На мой взгляд, было бы намного сложнее обозначать фарингализованность твердым знаком во всех 19 тысяч словах, как предлагает Каадыр-оол Алексеевич, чем только в тех 9-ти словах. Мы видим, насколько важными для нашей жизни и актуальными являются вроде бы академические научные проблемы. Нет необходимости напоминать о том, что прикладные разработки К.А. базируются на его фундаментальных работах по фонетике и фонологии тувинского языка.

Другим аспектом его служения на благо тувинского народа и на благо всех народов, населяющих Россию, была его политическая деятельность. Он был депутатом в законодательных собраниях различных уровней власти. За 15 лет активной депутатской деятельности на федеральном и региональном уровнях К.А.Бичелдей руководил рабочей группой Верховного Совета РСФСР по разработке и принятию Закона РСФСР “О языках народов РСФСР” (1991 г.). Концепция

этого закона о государственной языковой политике заложена в ст. 68 Конституции Российской Федерации (1993 г.). Он является автором одного из первых региональных законов – Закона Тувинской АССР “О языках в Тувинской АССР” (1990 г.). Эти законодательные акты сыграли исключительно положительную роль в формировании основ государственной языковой политики современной России на основе принципов равенства языков и приоритета языковых прав гражданина наряду с установлением статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации на всей ее территории.

Под его руководством группой депутатов Государственной Думы разработана концепция Федерального закона “О русском языке как о государственном языке Российской Федерации”, разработан и принят федеральный закон «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”» (2002 г.). В 2003 г. К.А.Бичелдей представил постоянной Комиссии МПА (Межпарламентской Ассамблеи стран Содружества) проект модельного закона СНГ “О языках”, доработал концепцию федерального закона “О традиционном природопользовании коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока”, являлся активным соавтором еще 11 законопроектов, разрабатывавшихся в Комитете по делам национальностей Государственной Думы 3-его созыва. К.А.Бичелдей внес большой вклад в решение законодательных основ сложнейших проблем оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации, формирования толерантных отношений и поведения между нациями и народами России.

Как активный законодатель, человек, имеющий четкую гражданскую

позицию, депутат К.АБичелдей последовательно отстаивает демократические принципы государственной национальной и языковой политики Российской Федерации и Республики Тыва путем их законодательного оформления, выстраивает законодательную основу конституционных прав коренных малочисленных народов России, что позволило ему стать разработчиком и руководителем рабочих групп по подготовке пяти действующих федеральных законов и более десяти законопроектов, принятых в парламенте Республики Тыва.

Очень важно было то, что разработкой этих жизненно значимых для всех народов России законов руководил лингвист, представитель одного из коренных народов Сибири,

который знал все эти проблемы не понаслышке, а занимался ими на очень высоком научном уровне. Это было продолжением его служения народу на постах, на которых он мог многое сделать и продвинуть вперед.

Сейчас он определяет направления гуманитарных научных исследований в Республике Тыва на посту директора Института. Как и всегда, он прилагает всю свою энергию, свой жизненный опыт и все душевные силы в выполнение этой важной задачи.

Свой 60-летний юбилей ученый встречает в расцвете творческих сил, активно участвуя в развитии отечественной лингвистической науки.

Н. Ч. Серээда

***

НЕКРОЛОГИ

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ПОКРОВСКАЯ

(1925–2009)

7 октября 2009 г. в возрасте 84 лет ушла из жизни видный российский учёный-языковед, специалист по проблемам диалектологии и грамматики гагаузского языка и фольклора, доктор филологических наук, старший научный

сотрудник Института языкознания АН СССР (Москва, 1954 – 1977), Института лингвистических исследований РАН (Петербург, с 1977), профессор гагаузской филологии (Кишинёв, Молдавия, 1997). Л.А.Покровская была почётным гражданином Гагаузии (Комрат, 1999), а также член-корреспондентом Финно-угорского лингвистического общества (Хельсинки, Финляндия, 1996).

Л.А.Покровская (год рожд. 1925) была дочерью сотрудника Музея истории религии и атеизма, помещавшегося в довоенное время в Казанском соборе Ленинграда. В 1936 г. вместе с группой сотрудников Музея А.М.Покровский был репрессирован и отправлен на Север в ссылку. Его жена с 12-летней дочерью Людмилой, как

родственники «врага народа», были высланы в Башкирскую АССР. За годы скитаний в Башкирии Л.А.Покровская овладела башкирским и татарским разговорными языками. Закончив в 1944 г. среднюю школу, Людмила Александровна по совету отца поступила на тюркское отделение восточного факультета Ленинградского гос. университета им. А.А.Жданова. В то время заведующим кафедрой тюркской филологии был известный тюрколог Н.К.Дмитриев, из лекций которого Л.А. узнала о существовании на территории Молдавии гагаузского разговорного языка, относящегося к группе тюркских языков. В 1948 г., находясь на летней практике в Южной Молдавии, Л.А. записала много текстов и мелодий народных песен, послуживших материалом для её дипломной работы «Гагаузские народные песни». По окончании университета Л.А.Покровская поступила в аспирантуру при восточном факультете (1949), продолжив сбор и исследование гагаузских песен. Во время одной из экспедиций был снят документальный звуковой кинофильм о гагаузах, демонстрировавшийся в Кишинёве и в гагаузских сёлах (лето 1951 г.). В 1953 г. Л.А.Покровская на восточном факультете ЛГУ защитила

кандидатскую диссертацию «Песенное творчество гагаузов». В декабре 1954 г. по приглашению проф. Н.К.Дмитриева Людмила Александровна перевелась на работу в Москву, в сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР, где работала более 22 лет. За это время ею было опубликовано около 100 научных статей, докладов, рецензий по различным тюркским языкам, написаны разделы в ряде коллективных трудов Сектора (сравнительно-историческая грамматика и лексика тюркских языков). Индивидуальные монографии Л.А.Покровской посвящены фонетике, морфологии и синтаксису современного гагаузского языка.

Заслугой Л.А.Покровской является разработка на базе русской графики алфавита гагаузского языка; этот алфавит действовал в Молдавии с 1958 по 1995 гг. Новый гагаузский алфавит (на базе латинской графики) был разработан ею же в 1992 г. и утверждён Народным собранием Гагаузии и Парламентом республики Молдовы в 1996 г.

В 1974 г. на восточном факультете Лен. гос. университета Л.А.Покровская защитила докторскую диссертацию «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении». С 1977 г. работала в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (впоследствии ИЛИ РАН) в группе балканского языкознания под руководством член-корр. АН А.В.Десницкой, занимаясь грамматическими «балканизмами» в гагаузском языке.

Новый этап в жизни Л.А.Покровской был связан с открытием в 1991 г. университета в г. Комрате (центр Гагаузии), куда она была приглашена в качестве преподавателя гагаузского языка. За время работы в Комратском

гос. университете Л.А. подготовила около 90 студентов – учителей родного языка в школах Гагаузской автономии, издав при этом первое учебное пособие для студентов и преподавателей гагаузского языка (1997) и учебную монографию по синтаксису (1999).

Л.А.Покровская была и остаётся автором первой и единственной научной грамматики гагаузского языка, в которой не только описаны его фонетические и грамматические особенности, но и диалектное членение; сопоставлены факты гагаузского языка с данными гагаузских говоров Болгарии, балкано-турецких диалектов и неродственных славянских языков (болгарского, русского) и романских (молдавского, румынского). Научные изыскания Л.А.Покровской сделали гагаузский язык достоянием современной мировой тюркологии. В последние годы жизни Людмила Александровна готовила к изданию книгу «Современный гагаузский язык», основанную на материалах лекций, прочитанных студентам-филологам 5-х курсов Комратского гос. университета в 1995–1996 гг., академической грамматике гагаузского языка и изданных работах по гагаузской диалектологии и лексикологии, а также синтаксису. Безвременная кончина Л.А.Покровской прервала эту работу.

Память о Л.А.Покровской как об учёном-тюркологе и о талантливом человеке, не замыкавшемся в мире «чистой науки», но любившем жизнь в всех её проявлениях, навсегда сохранится в памяти знавших её людей.

*А. В. Грошева, докт. филол. наук,
(Санкт-Петербург)*

ПАМЯТИ Л.С. ЛЕВИТСКОЙ (1931–2009)

2 октября 2009 г. не стало Лии Сергеевны Левитской, прекрасного специалиста по исторической фонетике и морфологии чувашского языка, сравнительно-исторической грамматике и лексикологии тюркских языков, этимологии.

Во время учебы на филологическом факультете МГУ (1948–1953) Лия Сергеевна была одной из наиболее талантливых учениц Н.К.Дмитриева. Хотя после окончания университета, она и работала в редакции газеты "Туркменская искра", в 1956 г. вернулась в МГУ, в отдел востоковедения Научной библиотеки им. А.М.Горького. Увлечись научной работой, в 1959 г. перешла в сектор тюркских языков (позднее – отдел урало-алтайских языков) Института языкознания АН СССР. Здесь под руководством Б.А.Серебрянникова изучив историческое развитие фонетики чувашского языка, Л.С. в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию "Историческая фонетика чувашского языка", которая в дальнейшем служила образцом для многих исследователей при изучении исторических фонетик языков. К сожалению, данный труд так и не был издан в виде книги.

Молодая ученая, переключившись на изучение морфологической структуры чувашского языка, в 1976 г. опубликовала свой труд в издательстве «Наука» в виде монографии. Это было первое подобное исследование в истории советской тюркологии.

Дружелюбная и готовая помочь поделиться своими знаниями со всеми,

кто нуждался (особенно с аспирантами), обладавшая неиссякаемой работоспособностью Л.С.Левитская стала помощницей зав. сектором Э.Р.Тенише-

ва в руководстве работой научного коллектива. Она также участвовала во всех коллективных фундаментальных исследованиях, начатых в секторе. Когда возникла идея вплотную заняться составлением этимологического словаря тюркских языков, руководитель группы Э.В.Севортян первым делом включил состав группы

Л.С.Левитскую, которая к тому времени уже имела авторитет как специалиста по истории тюркских языков, владела методикой отбора фактологического материала и лингвистического анализа. В дальнейшем вся ее научная жизнь была связана с подготовкой и опубликованием отдельных томов Этимологического словаря. После смерти инициатора работы и руководителя творческого коллектива Э.В.Севортяна, успевшего издать 3 тома словаря, основная тяжесть легла на плечи Л.С.Левитской. Даже выйдя на пенсию, и не смотря на больные глаза, она до последнего седьмого тома прочитывала весь материал и вносила необходимые поправки. Ведь одновременно она занималась и подготовкой этимологического словаря кумыкского языка, не покидала ее и давнишнее желание исследовать фонетику чувашского и якутского языков в сравнительном плане.

Здесь необходимо отметить ее участие и в составлении другого коллективного труда сектора – «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». И в ней Л.С.Левитская принимала участие начиная с первого тома до последнего, правда, в различном объеме. Если в первом томе, посвященной фонетике (М., 1984), она является автором разделов «К реконструкции пратюркского вокализма», «Пратюркский вокализм», «Репрезентация пратюркских гласных в современных языках и диалектах»; для тома «Морфология» (М., 1988) написала раздел «Наречие» и «Послелогии»; в томе по лексике она совместно с А.В.Дыбо участвовала при составлении словника и написала несколько статей. В последних томах по состоянию здоровья она уже выступала как соавтор. В томе о картине мира по данным языка она снова участвует как полноправный автор некоторых разделов.

Л.С.Левитской опубликовано более 60 научных работ, в т.ч. монография «Историческая морфология чувашского языка» (М., 1976). Последней ее крупной публикацией было совместная работа с Г.Ф.Благовой, А.В.Дыбо, Д.М.Насиловым и Е.А.Поцелуевским «Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на Л, М, Н, П, С. (М.: Вост.лит-ра, 2003). До последнего дня ее занимали кумыкские этимологии и составление кумыкского этимологического словаря.

Яркий образ замечательного ученого, беззаветно и бескорыстно преданного делу развития отечественной тюркологии, скромного – «человека не от мира сего» обезоруживающего своей добротой, открытостью, готовность помочь и откликнуться и на чужую радость, и на чужую беду, – останется в сердцах не только тех, с кем она работала, кто ее знал, любил и ценил, но и тех, кто с ней хоть раз общался, консультировался визуально или хотя бы по почте.

НАШИ АВТОРЫ

Бурыкин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail.: albury@mail.ru

Благова Галина Федоровна, докт. филол. наук, гл. научн. сотр. Институт языкознания РАН (г. Москва). Тел.: 8-(495) – 691-63-06.

Гузев Виктор Григорьевич, докт. филол. наук, проф., Санкт-Петербургский гос. университет. E-mail.: vgguzev@gmail.com

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт языкознания РАН (г. Москва), председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН.

E-mail.: igorkormushin@yandex.ru

Кожанулы Манасбай, канд. филол. наук, препод, Евразийский национальный университет (г. Астана).

Мусукаев Борис Хамитович, докт. филол. наук, проф., Кабардино-Балкарский гос. университет (г. Нальчик).

E-mail.: ketenchiev@mail.ru

Насилов Дмитрий Михайлович, докт. филол. наук, проф., Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail.: nadi1803@mail.ru

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail.: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Ниязова Гульнара Наилевна, кан. филол. наук, препод., Тюменский гос. университет (г. Тюмень). E-mail.: philologia2@yandex.ru

Омакаева Эллага Уляевна, канд. филол. наук, зав. отделом, Калмыцкий Институт гуманитарных исследований (г. Элиста).

E-mail.: kigiran@elista.ru

Репенкова Мария Михайловна, канд. филол. наук, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail.: mmrepenkova@rambler.ru

Решетов Александр Михайлович, канд. истор. наук., вед. научн. сотр., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).

Сарбашева Сурна Борисовна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Горно-Алтайский гос. университет. E-mail.: surna@rambler.ru

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук, проф., Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет, г. Казань.

E-mail: khakim @ list.ru

Яхин Ф.З. докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань).

E-mail: iyali.anrt@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Структура и история языка

<i>И.В.Кормушин</i> (Москва). Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакассия (Е-29)	3
<i>Д.М.Насилов</i> (Москва). Об особенностях карлукско-уйгурской языковой общности	9
<i>Э.У.Омакаева</i> (Элиста), <i>А.А.Бурькин</i> (Санкт-Петербург). Заметки к этимологии названий металлов в алтайских языках	13
<i>И.А.Невская</i> (Новосибирск; Берлин). Уступительные и противительные конструкции в тюркских языках Сибири	17

История отечественной тюркологии

<i>Г.Ф.Благова</i> (Москва). Новая тюркология и новое учение о языке: А.Н.Самойлович и Н.Я.Март (К 70-летию со дня гибели А.Н.Самойловича)	24
<i>В.Г.Гузев</i> (Санкт-Петербург), <i>Д.М.Насилов</i> (Москва). Г.П.Мельников и тюркология	35

***

<i>А.М.Решетов</i> (Санкт-Петербург). Эдгем Рахимович Тенишев как этнограф	45
--	----

Вопросы литературоведения

<i>М.М.Репенкова</i> (Москва). Орхан Памук и его роман «Снег»	54
<i>Ф.З.Яхин</i> (Казань). Эволюция понятия о душе человека в татарской литературе	64

Ономастика

<i>А.С.Жазаев, Б.Х.Мусукаев</i> (Нальчик). Семантический ряд топонимов Балкарии	67
--	----

Сообщения и обзоры

<i>Г.Н.Ниязова</i> (Тюмень). Лексика жилищно-хозяйственного комплекса в диалектах сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах)	70
<i>Кожанулы Манасбай</i> (Астана, Казахстан). О некоторых этнозоонимах в составе этнонимов казахов (по материалам этнонимов Младшего жуза)	76
<i>Ф.С.Хакимянов</i> (Казань). О словаре устойчивых сравнений татарского языка	80

Научная жизнь

- «Россия и Тува на рубеже веков – общество, власть, политика» 83

Хроника

- Ayşe Balcı* (Ankara), *Эрдоган Боз*. (Ескишехир, Турция). Международный научный симпозиум по татарскому языку 84
- Озгур Ай* (Афйонкарахисар, Турция). I Международная конференция «Старотюркский – от Дальней до Передней Азии» 86
- И.В.Кульганек* (Санкт-Петербург). «Россия–Монголия: историко-культурное взаимодействие в прошлом и настоящем (к 70-летию событий на Халхин-голе)» 88
- Г.Н.Ниязова* (Тюмень). Тумашевские чтения–2009 92
- А.М.Ахунов* (Казань). «Наследие Дэрдменда и современность». Конференция, посвященная 150-летию татарского поэта Дэрдменда 94

Рецензии и аннотации

- Л.Акын* (Стамбул, Турция). Li Yong-Song, Chulym Dialect of The Chulym Language// *A Study of The Middle*. – Seoul National Universty Pres. S.Korea 2008. – 260 s. 97
- И.А.Еникеев*. (Казань). М.И.Ахметзянов. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа. – Казань: Таткнигоиздат, 2009. – 351 с. 99
- Ф.С.Хакимзянов* (Казань). Э.Ф.Жаббарова. Гомэр Толымбай прозасынын теле һәм стиле [Язык и стиль прозы Гумара Тулумбайского] 101
- С.Б.Сарбашиева* (Горно-Алтайск). А.Т.Тыбыкова, М.И.Черемисина, Л.Н.Тыбыкова. Осложненное предложение в алтайском языке. – Новосибирск: ИД «Сова», 2008. – 296 с. 103
- А.И.Гусейнова*. А.Гаджиев. Коран в русской литературе. – Баку, 2009. – 285 с. 104
- Язык поэзии Г.Тукая. Интернет-словарь 106

Персоналии

- Н.Ч.Серээдар* (Кызыл). Борис Исакович Татаринцев 107
- Р.и.* Валентин Иванович Рассадин 113
- Н.Ч.Серээдар* (Кызыл). Кадыр-оол Алексеевич Бичелдей 114

Некрологи

- Л.А.Покровская (1925–2009) 121
- Памяти Л.С.Левитской (1931–2009) 123

- Наши авторы 125

CONTENTS

Structure and history of Language

- I.V.Kormushin* (Moscow). About one amendment to the text of runic inscription from Altyn-Köl, Khakassia 3
- D.M.Nasilov* (Moscow). About peculiarities of Karluk-Uigur language community 9
- E.U.Omakaeva* (Elista), *A.A.Burykin* (Saint-Petersburg). Notes to the etymology of metal names in Altai languages 13
- I.A.Nevskaya* (Novosibirsk, Berlin) Concessive and adversative constructions in Turkic languages of Siberia 17

History of the turkology of our country

- G.F. Blagova* (Moscow). New turkology and new language theory: A.N.Samoylovich and N.Y.Marr (To commemorate 70-th anniversary of A.N.Samoylovich's death) 24
- V.G.Guzev* (Saint-Petersburg), *D.M.Nasilov* (Moscow). G.P.Melnikov and turkology.....35
- A.M.Reshetov* (Saint-Petersburg) Edgem Rahimovich Tenishev as ethnograph 45

Problems of literary critics

- M.M.Repenkova* (Moscow). Orhan Pamuk and his novel 'Snow' 54
- F.Z.Yahin* (Kazan) Evolution of concept about human soul in Tatar literature 64

Onomastics

- A.S. Jazayev, B.H.Musukov* (Nalchik). Semantic row of toponyms of Balkariya 67

Reports, surveys

- G.N. Niyazová* (Tyumen) The lexics of the housing-economic complex in dialects of the Siberian Tatars (in semantic and genetic aspects)..... 70
- Manasbay Kozhanuly* (Astana, Kazakhstan) About some ethnozoonyms in ethnonyms of Kazakhs (based on materials of ethnonyms of junior juz) 76
- F.S.Khaksimzyanov* (Kazan). About the dictionary of set comparisons of the Tatar language 80

Scientific Life

- «Russian and Tuva at the turn of the century – society, power, politics» 83

Chronicle

- Ayshe Balj* (Ankara), *Erdogan Boz* (Eskishehir, Turkey). International scientific symposium on the Tatar language 84
- Ozgur Ay* (Afyonkaralhisar, Turkey). First international conference 'Old Turkic – from Far Asia to Asian Near East' 86
- I.V.Kulganek* (Saint-Petersburg). Russia – Mongolia: historical-cultural interaction in the past and in the present (commemorated to 70-th anniversary of events

on Halhin-Gol)	88
<i>G.N.Niyazova</i> (Tyumen) Tumasheva's readings – 2009	92
<i>A.M.Ahunov</i> (Kazan) 'Derdmend's heritage and the present'. Conference commemorated to 150-th anniversary of Tatar poet Derdmend.	94

Reviews and Annotations

<i>L.Akyñ</i> (Istanbul, Turkey). Li Yong-Song, Chulym Dialect of The Chulym Language// <i>A Study of The Middle</i> . – Seoul National University Pres, S.Korea 2008. – 260 p.	97
<i>I.A.Enikeev</i> (Kazan). M.I.Ahmetzyanov. Nogai Orda: historical heritage of Tatar people. – Kazan: Tatknigoizdat, 2009. – 351 p.	99
<i>F.S.Khakimzyanov</i> (Kazan) The language and style of Gumar Tulumbayskiy poetry	101
<i>S.B.Sarbasheva</i> (Gorno-Altaysk). A.T.Tybykova, M.I.Cheremisina, L.N.Tybykova. Complicated sentence in the Altai language. – Novosibirsk: Soya, 2008. – 296 p.	103
<i>A.I.Guseynova</i> (<i>Baku</i>). A.Gadjiev. Koran in Russian literature. – Baku, 2009. – 285 p.	104
Language of G.Tukay poetry. Internet-dictionary	106

Personalia

<i>N.Ch.Sereedar</i> (Kyzyl). Boris Isakovich Tatarinzev	107
<i>Editorial information</i> . Valentin Ivanovich Rassadin	113
<i>N.Ch.Sereedar</i> (Kyzyl). Kadyr-ool Alexeevich Bicheldey	114

Obituary

L.A.Pokrovskaya (1925–2009)	121
To the memory of L.S.Levitskaya (1931–2009)	123

Our authores

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени РКТ при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

С готового оригинал-макета
подписано в печать 10.12.09. Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.

Тип.зак. №12.